

Л. ВОРОНКОВА
ГЕРОЙ САЛАМИНА

Издательство «Детская литература»

Любовь Воронкова.

ГЕРОЙ САЛАМИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛАВРИЙСКОЕ СЕРЕБРО

Архонт-эпоним,[1] Фемистокл выступил перед Народным собранием с неожиданным и даже дерзким предложением:

– Граждане афинские! В славной битве при Марафоне мы разбили неисчислимую армию персов. Мы победили войско, казавшееся непобедимым. Однако успокаиваться нельзя – персы могут вернуться. И они вернутся в недалеком будущем: им нужны рабы, им нужны наши богатства. Персы не оставят нас в покое!

Нестройные крики заглушили и прервали его речь:

– Персы не вернутся!

– Что нам вспоминать о персах? Они далеко!

– Персы еле унесли ноги, больше не сунутся! Фемистокл спокойно ждал, слегка прищулив свои большие, широко поставленные глаза. Собрание утихомирилось.

– И даже если, как вы, граждане афинские, считаете, что персы больше не вернутся и опасаться их нечего, все-таки наши военные дела не завершены. Эгина[2] по-прежнему

властвует на море, по-прежнему грабит берега Аттики и остается безнаказанной. Вспомните, сколько несчастий, обид и оскорблений вытерпели мы от эгинцев, сколько афинян погибло на этом острове – и смерть их до нынешнего дня осталась не отомщенной. Вспомните, граждане афинские, кто начал эту нескончаемую вражду. Мы ее не начинали.

Фемистокл напомнил Собранию о том, как возникла эта война.

А было это так.

В Эпидавре, на восточном побережье Арголиды, земля перестала давать урожай. Эпидаврийцы, по обычаю всех эллинов, обратились за советом в Дельфийское святилище: что им сделать, чтобы земля их снова стала плодородной?

Бог Аполлон устами пифии ответил, что они должны воздвигнуть статуи эпидаврийских богинь Демии и Авкессии. Эпидаврийцы спросили:

– А из чего сделать эти статуи? Из меди или из мрамора?

– Не из меди и не из мрамора, – ответила пифия, – а из ствола маслины, возвращенной рукой человека.

Такие маслины росли только в Афинах, где сама Афина Паллада посадила это доброе дерево. Эпидаврийцы пришли к афинянам с просьбой – пусть позволят им срубить несколько маслин. Афиняне позволили, но с условием, что эпидаврийцы будут каждый год приносить жертвы Афине и Эрехфею, первому афинскому царю, чьи храмы стоят в Акрополе.

Эпидаврийцы согласились. Они поставили у себя статуи богинь из священной маслины и каждый год, как обещали, приносили жертвы на алтарь Афины и Эрехфея.

К этому времени эгинцы научились строить военные корабли и сразу стали хозяевами в Эгейском море. Они враждовали с эпидаврийцами, грабили их берега и, наконец, украли и увезли к себе на остров их деревянных богинь.

И вот у эпидаврийцев не стало их богинь. А нет богинь – нет и жертвоприношений в Афинском Акрополе. Афиняне потребовали, чтобы эгинцы, вернули статуи. А эгинцы ответили, что у них с афинянами нет никаких дел. Афиняне прибыли на остров на триере,^[3] и хотели силой отнять богинь, потому что статуи сделаны из их, афинской, маслины. Накинули на них канаты, попробовали стащить с места, а богини упали на колени да так и остались...

– Эгинцы говорят, что тут сразу ударил гром и началось землетрясение, – продолжал Фемистокл, – и что афиняне впали в безумие и начали убивать друг друга. Но мы-то знаем, что не так это было. Мы-то знаем, что на помощь к ним поспешили аргосцы. Они вместе с эгинцами напали на афинян и убили их. И мы не смогли отомстить им за это! Вот и теперь эгинцы безнаказанно грабят и разоряют наши берега. Но мы по-прежнему терпим. А почему? Да потому, что у них есть военные корабли, а у нас таких кораблей нет. Вот я и вношу, граждане афинские, свое предложение: давайте строить свои военные корабли!

Собрание снова взволновалось. Одни кричали, что пора проучить эгинцев, другие – что корабли Афинам не нужны...

Тогда поднялся и взял слово один из афинских правителей, Аристид, высокий, благообразный, исполненный собственного достоинства человек. Это был один из самых уважаемых людей в Афинах, которого за честность и бескорыстие прозвали Справедливым. Особенно благоволили к нему аристократы, крупные землевладельцы, которых он неустанно поддерживал.

Собрание сразу затихло.

– У тебя всегда была пылкая голова, Фемистокл, – сказал Аристид, стараясь скрыть раздражение, которое каждый раз вспыхивало в нем, как только он слышал Фемистокла, даже и в том случае, если Фемистокл высказывал разумные суждения. – Ты, Фемистокл, можешь, не задумываясь, предложить что угодно. Твоим необдуманым предложениям нет конца. То хочешь перетащить гавань из Фалера в Пирей. То хочешь переселить Афины к морю. Теперь ты предлагаешь строить флот – флот Афинам, которые всегда были сильны именно своим сухопутным войском. Не на море мы, должны встречать врага, а на суше!

– Не на суше мы должны встречать врага, а на море, – возразил Фемистокл. – Мы терпим от Эгины с моря, с моря мы терпим и от персов. Хоть и досталось персам при Марафоне, однако мы только выиграли битву, но не разбили врага. В любой день персы могут своим флотом закрыть проливы, закрыть подвоз хлеба с берегов Понта и обречь нас на голодную смерть. Вот почему я говорю, что нам надо строить корабли!

– Строить корабли! – Аристид пожал плечами. – А на какие средства мы будем их строить? Я беден. И ты не богат. Богатство, если оно и было у тебя, ты размотал на пышные наряды, на роскошные жертвоприношения, на приемы гостей, на похвальбу. Тебе ведь всегда хотелось казаться богаче, чем ты есть, и умнее, чем ты есть. Где мы возьмем денег, чтобы строить корабли?

– Да! Скажи, Фемистокл, где мы возьмем денег? – зашумело Собрание.

И снова спор:

– Не нужны нам корабли, мы не остров!

– Нет, нужны корабли! Пора усмирить Эгину!

– Так денег-то все равно нет!

– Граждане афинские! – снова заговорил Фемистокл. – Я знаю, где взять эти деньги. Мы можем их взять из Лаврийских рудников. Нынче нам предстоит раздать гражданам добытое серебро. Каждому достанется по несколько драхм.[4] Судьба ни одного человека не пострадает от того, что он не получит эту маленькую сумму. Но если мы на это серебро построим флот, Афины станут могущественной морской державой!

Собрание взорвалось криками. Кто-то кричал, что он предпочитает получить свои драхмы, а корабли ему не нужны. Кто-то кричал, что надо думать не о себе, а о своем государстве...

Фемистокл чутко прислушивался к Собранию. Он знал, что его предложение рискованно, что отнять у безземельных или безработных афинян эти драхмы не так просто, что это может вызвать бурю, которая сметет с трибуны и самого архонта-эпонима. Он ждал этой бури и готовился отразить ее... Но у Фемистокла было много друзей и единомышленников, их голоса побеждали.

– Нельзя поддаваться вздорным замыслам Фемистокла! – снова выступил Аристид. – Этот человек непостоянен. Завтра он откажется от того, за что борется сегодня!

– Нет, я не откажусь от того, за что борюсь сегодня! – возразил Фемистокл. – Построив военный флот, мы не только справимся с Эгиной, но будем властвовать на море и превзойдем в этом все другие эллинские города!

– Тщеславие его безгранично! – возмущенно сказал Аристид. – Скоро он будет уверять, что единолично спас Афины!

– Нет, Аристид, это ты упразднил афинские суды и все дела решаешь один! – ответил ему Фемистокл. – Это ты, Аристид, забыл, что в Афинах правит народ, ты превратился в

самовластного правителя, вот только что личной стражей не обзавелся!

Аристид побледнел.

– Это больше невозможно терпеть! – сказал он, задыхаясь. – Честно скажу вам, граждане афинские, вы до тех пор не будете в безопасности, пока не сбросите в пропасть нас обоих – и Фемистокла и меня самого!

Собрание смущенно молчало. Архонты – афинские правители – переглянулись между собой.

– Да, это положение больше нельзя терпеть, – сказал один из них, покачивая седой головой.

– Обсудим и решим, – отозвался другой. – Может быть, придется прибегнуть к остракизму.

Услышав это, Фемистокл поспешил распустить Собрание. А создавшееся положение и в самом деле терпеть было нельзя. Что бы ни высказал Аристид, Фемистокл выступает против. Что бы ни предложил Фемистокл, всегда богатый идеями, Аристид все отвергает. Оба умны, оба уважаемы, оба красноречивы. Народ часто не может понять, кто же прав в этих спорах, и каждый раз Собранию бывает трудно вынести какое-либо решение.

Так случилось и сегодня. Народ расходился в спорах и волнении.

Фемистокл и Аристид вышли вместе. Но, спустившись с Пникса,[5] сразу разошлись. Им двоим была узка дорога, им двоим было тесно в Афинах. Они вместе росли, но ссорились еще в школе. У них обо всем были разные мнения. Фемистокл решал все дела сразу, Аристиду нужно было все продумать, прежде чем что-либо решить. У Фемистокла во всем городе были друзья, почти каждого афинянина он знал по имени и с каждым находил тему для беседы. Аристид шел по жизни в одиночестве, стараясь покорить судьбу бескорыстием и честностью, такой честностью, что даже в шутках не терпел обмана.

Войдя в афинское правительство, они и тут не соглашались ни в чем. Аристид считал, что править государством должны лучшие люди, а лучшие люди, по его убеждению, – это аристократы. Фемистокл считал, что в государстве должна быть демократия, ничем не ограниченная народная власть.

И оба мешали друг другу, насколько хватало их сил и таланта.

В то время как Аристид шел один по улице и люди с почтением уступали ему дорогу, Фемистокла окружили друзья.

– Сегодня Горгий зовет нас поужинать, – обратился к нему молодой румяный Евтихид, который сегодня громче всех кричал на Собрании, поддерживая Фемистокла. – Пойдем с нами, проведем вечер за чашей вина!

– Конечно, Фемистокл! Неужели ты пойдешь домой? Еще рано, еще и солнце не село, – сказал Эпикрат. – Ты, я замечаю, последнее время избегаешь наших пирушек.

– Ему не дают покоя трофеи Мильтиада, – засмеялся чернобородый Деметрий, – после Марафона он сам не свой!

– Не буду скрывать, – ответил Фемистокл, – слава, которую снискал Мильтиад, будучи стратегом в Марафонской битве,[6] не оставила меня равнодушным. Еще бы! Разбить персов, которых было в десять раз больше, чем нас! Я бы тоже хотел так вот прославиться! – Фемистокл улыбнулся, но две вертикальные морщинки так и остались у него между бровями. – Но сейчас меня мучает другое, – продолжал он. – Если не будет принято решение относительно кораблей, большая беда нагрянет в Афины.

– Неужели ты так боишься Эгины, Фемистокл? – Удивился Эпикрат, подняв свои золотистые брови. – Но разве могут они грозить нам большой бедой?

– Тьфу нам Эгина! – беспечно отозвался Евтихид. – Даже задумываться об этом не стоит!

– Ах, что там Эгина! – вздохнул Фемистокл. – Несравненно более страшный враг угрожает нам. До меня дошли слухи, что Ксеркс снова собирает войско.

– Перс? – Евтихид отмахнулся. – Тьфу нам перс!

– Вот еще, вспомнил о персах! – сказал Деметрий. – Если и соберутся когда-нибудь еще раз навестить Элладу, то, клянусь Зевсом, очень не скоро.

– Вспомните о табличке Демарата, которую он прислал в Спарту, – сказал Фемистокл.

– Ту, что прочитала Горго? – Эпикрат задумчиво поглядел на него. – А ты веришь Демарату, Фемистокл?

– Почему надо верить изменнику, человеку, покинувшему свою родину? – возмутился Деметрий. – Это он написал из злорадства, чтобы позлить спартанцев!

– Не суди так легко о Демарате, – возразил Фемистокл. – Демарат был царем в Спарте и был лишен царства. И лишен родины. Но хоть и обидела его родина, – какой же человек сможет забыть ее? Клянусь Зевсом, где бы ни жил эллин, Эллада будет всегда для него дороже всего на свете!

– А что он там написал, этот Демарат? – спросил Евтихид. – Я что-то не слышал об этом.

– Он написал, что царь Ксеркс собирается в поход на Элладу, – нахмурившись, ответил Фемистокл. – И ты не мог, Евтихид, не слышать об этом.

– А! Это когда он прислал табличку, залитую воском, а все думали, что на ней ничего не написано?

– Ну да. А жена спартанского царя Леонида Горго сказала: надо счистить воск. Воск счистили, а там письмо. Демарат предупреждал Спарту, что Ксеркс готовит новый поход на Элладу. Клянусь Зевсом, – воскликнул Фемистокл, – это так и станет! Персы снова придут к нашим берегам, и нам нечем будет защититься, если у нас не будет кораблей!

– А что же ты там, – Деметрий кивнул в сторону Пникса, – плел нам про Эгину? Значит, не для Эгины нужны корабли?

– А как я мог сказать о персах? Никто бы и слушать не стал. Даже вас я не могу убедить, что эта опасность висит над нами. Вот и свалил на Эгину.

– Обманул, значит?

– А что делать, если вы не хотите верить правде?

– У нас будут корабли, – сказал Эпикрат. – Если ты, Фемистокл, считаешь, что они нужны Афинам, значит, и мы считаем так же!

– А пока – тьфу на все! – заявил Евтихид. – Горгий ждет нас, и нам надо поторопиться!

Аристид стоял на холме и видел издали, как друзья окружили Фемистокла и как потом с веселыми возгласами увели его с собой. Улицы затихли. Грустное чувство одиночества

охватило сердце.

«Почему его так любят люди? – думал Аристид, направляясь к дому. – Конечно, он горазд и на шутки и на всякие выдумки. Но ведь это все вздор, такой же вздор, как сегодняшние корабли. Однако вот он окружен друзьями, а я, Справедливый, возвращаюсь домой один. Впрочем, власть и влияние, приобретенные благодаря поддержке друзей, часто толкают человека на несправедливые поступки, а я не хочу такой власти, потому что честного гражданина она делает несчастным».

И добавил вполголоса, иронически усмехнувшись:

– Фемистокла же она несчастным не сделает!

Аристид стоял на холме и смотрел, как друзья окружили Фемистокла...

Домой после дружеской пирушки Фемистокл возвращался глубокой ночью. Теплые созвездия венчали Пентеликон.

Узкая, кривая улица вела на окраину. Фемистокл шел в темноте по памяти, ему не раз приходилось возвращаться домой за полночь. Он осторожно обходил канавы, перешагивал через ручьи, где под прибрежными кустами прятались нимфы – Фемистокл мог бы поклясться, что слышал их голоса. Иногда дорогу ему преграждали огороды и палисадники, полные темной листвы и запаха мирты. Изредка где-то во дворе взлаивала разбуженная его шагами собака...

Дом Фемистокла, такой же, как и все дома в Афинах, маленький, с черепичной крышей, с надстройкой наверху для слуг и рабов, стоял темный и тихий.

«Как гнездо птицы... – подумал Фемистокл с чувством спокойного счастья. – Как гнездо, полное птенцов. Мое гнездо. Мой дом».

На пороге, накинув покрывало, ждала жена.

– Ты опять не спишь, Архиппа!

– Я не могу спать, когда тебя нет дома, Фемистокл. И тебе это известно.

– Верно, боишься грабителей? Но ведь грабители хорошо знают, что у меня нет золота!

– Это так. Зато я хорошо знаю, что у тебя есть враги. Мало ли что может случиться!

«Не хочет сказать, что я могу выпить лишнее и не дойти до дома, – подумал Фемистокл, усмехаясь в бороду. – Клянусь Зевсом, она этого даже хотела бы, лишь бы иметь возможность помочь мне!»

Теплая тишина дома, хорошего семейного дома, где много детей и добрая жена, ласково встретила Фемистокла. Каждый раз, возвращаясь домой, он испытывал чувство спокойной радости, и все тревоги его оставались за дверью. Здесь было все хорошо – и огонь очага, и журчание воды в водоеме, и светильни, мерцающие над столом, накрытым для ужина. Архиппа никогда не спрашивала у Фемистокла, где он был, сыт ли он, она просто ставила ужин на стол.

Однако сегодня Фемистокл принес свои тревоги с собой. Он сел на низкую скамейку у очага и задумался, глядя в оранжевый круг тлеющих углей. Архиппа раза два взглянула на его словно под тяжестью кудрей опущенную голову. Пытаясь отвлечь Фемистокла от его дум, Архиппа принялась рассказывать обо всем, что случилось за день, сообщила все маленькие домашние новости – и что сказала малютка Никомеда, и как свалился сегодня с изгороди Полиевкий, и как Архентол, их старший, заявил, что скоро отправится за Геллеспонт и казнит царя Ксеркса...

– ...И тогда нам уже больше не придется опасаться персов, – тихо смеясь, говорила она, – доживем с тобой жизнь спокойно и даже в почестях, ведь Архентол, конечно, будет увенчан золотым венком!..

Но, видя, что Фемистокл почти не слушает ее, спросила:

– Прости, Фемистокл, у тебя что-нибудь случилось?

– Пока еще нет. Но может случиться.

– Но если не случилось, зачем же огорчаться раньше времени? Уж было много бед и страха, когда подступили персы. Однако богиня Афина защитила свой город.

– Я о другом. Сегодня на Собрании архонты заговорили о том, чтобы нас судить судом остракизма. Аристиды и меня.

– О! – Архиппа приложила ладони к губам, чтобы не вскрикнуть. – Тебе? Суд остракизма?

– Да. Мы оба слишком тревожим афинян.

Архиппа помолчала, овладела своим волнением и сказала, как всегда, спокойно:

– Воля богов, Фемистокл. Жить можно не только в Афинах.

– Изгнанник – не гость. Изгнанника не встречают почестями.

– А мы и не захотим быть гостями ни у кого. Ну что ж, десять лет – это еще не вся жизнь. А минует срок – и мы снова вернемся в Афины. Дети подрастут. Подумай, как мы будем счастливы, когда опять войдем в Афинские ворота!

Низкий, ласковый голос Архиппы успокаивал. Афинянка, она ради него, не задумываясь, готова была покинуть Афины!

– Конечно, остракизм – это не суд над преступником. Просто мешает человек, так пусть уйдет куда-нибудь на время. Но если бы только эта беда. Меня заставят покинуть Афины, и погибнет дело, которое необходимо сделать, потому что от этого зависит судьба нашей родины. Сегодня я почти убедил Собрание, что нам надо строить корабли. И убедил бы, если бы не Аристид.

– И вы опять бранились?

– Мы спорили. Но я чувствую, что наши споры надоели афинянам.

– О Гера! – молитвенно прошептала Архиппа. – Сохрани мне Фемистокла! И сохрани его Афинам!

В окошечко под потолком голубым глазом смотрел рассвет.

Случилось так, как предвидел Фемистокл.

Правители Афин, утомленные раздорами Фемистокла и Аристида, решили, что одного из них необходимо удалить на какое-то время из города. Обычно удаляли на десять лет.

Был назначен суд остракизма. Афинские граждане писали на глиняных черепках – остраконах – имя человека, которого желали удалить из города, и складывали их в пританее.[7] Черепки определили судьбу этих людей. Уйти из города пришлось Аристиду.

Аристид покорился. Выйдя за городские ворота, он поднял руки к небу и сказал, обращаясь к богам:

– Пусть никогда не придет для афинян тяжелый час, который заставил бы их вспомнить об Аристиде!

Аристид ушел из города. Больше никто не мешал Фемистоклу, и Собрание приняло его предложение отдать лаврийское серебро на постройку флота. И вскоре на верфи в Фалерской гавани застучали топоры. Постепенно, один за другим, спускались с берега на голубую воду бухты афинские боевые корабли. Не прошло и трех лет, а в Фалерской гавани уже больше ста кораблей стояло на якорях.

ГРОЗНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Все чаще стали доходить слухи, что персидский царь снова собирает войско, чтобы идти на Элладу. Сначала эти слухи были смутными. Потом вместе с торговыми кораблями в Элладу являлись люди из Византия и с островов, лежащих у азиатского берега, и рассказывали, что персидские войска стекаются к Геллеспонту, а на перешейке у горы Акте[8] идут какие-то земляные работы...

Но вот наступил черный день, когда в Элладе появились персидские глашатаи. Они входили в эллинские города и требовали «землю и воду» – покорности царю Ксерксу. Страх пошел по Элладе. Одно за другим покорялись персидскому царю маленькие бессильные государства – фессалийцы, локры, фивяне, беотийцы...

Ни в Афины, ни в Спарту персидские глашатаи не пришли. Еще в 490 году до н. э. царь Дарий, сын Гистаспа, присылал к ним глашатаев. Но спартанцы ответили тем, что бросили их в колодец и сказали: «Пусть они сами возьмут там и землю и воду». Афиняне же сбросили их в пропасть. А Фемистокл, который тогда был архонтом, предложил убить также и переводчиков, которые осмелились перевести требования персов на эллинский язык. И переводчиков убили.

Теперь всем и в Спарте и в Афинах было ясно, что их городам пощады не будет. Будет война. Будет битва не на жизнь, а на смерть.

– Видишь, Архиппа, для чего я строил корабли? – сказал Фемистокл, торопливо собираясь на Пникс, на Народное собрание. – Вот теперь афиняне еще раз поймут, как я был предусмотрителен!

Архиппа умоляюще сложила руки:

– Фемистокл, во имя Геры, забудь, что ты их построил! Люди не любят, когда им напоминают, что кто-то был дальновиднее и умнее, чем они!

Последние ее слова настигли Фемистокла уже за калиткой.

Солнце только что поднялось над горами, оно, словно улыбаясь, тихо катилось на своей золотой колеснице по голубому простору небесных полей. Серебристые оливы на склонах гор, красная черепица крыш, узкие, кривые улицы древнего города – все наполнилось светом и радостью наступающего дня.

«Почему так равнодушна природа, которая нас окружает? – подумалось Фемистоклу. – Все – как в самые лучшие дни. Я вижу, горе человеческое никого не омрачает – ни солнце, ни рощу, ни птиц, – никого, кроме самого человека!»

Фемистокл торопился. Сегодня придут послы из Дельф. Афиняне, как всегда во времена народных бедствий, отправили послов в Дельфийское святилище узнать волю светлого бога. Предстоят тяжелые испытания. Чем кончатся они? И что надо делать афинянам, чтобы спасти свою страну, свой народ?

Священные послы вернулись. Сегодня они объявят то, что изрекло им божество.

Улицы, несмотря на ранний час, были полны народу. Все спешили на Пникс. Люди шли озабоченные, встревоженные, изредка обмениваясь короткими фразами, и все лишь об одном: что-то принесли им из Дельф?

На перекрестке, где свежо и прохладно шумел фонтан и у водоема с большими сосудами для воды толпились рабы, Фемистокл встретил Эпикрат. Фемистокл заметил, что рыжая, как золото, борода его друга, обычно тщательно завитая, сегодня гладко и скромно причесана, и, может быть, поэтому его лицо выглядело старше и строже.

До самого холма они молча шли рядом. И, уже поднимаясь на Пникс, Фемистокл спросил:

– По-прежнему ли ты, Эпикрат, согласен со мной, что мы должны сосредоточить наши военные силы на кораблях?

– Я убежден, что только морской бой может спасти нас, – ответил Эпикрат, – и я, и все, кто с нами, поддержим тебя, Фемистокл.

– Видишь, как я был прав, когда настоял на своем и заставил афинян строить корабли!

– Тише, Фемистокл. Ради богов, не хвастайся!

– Но я говорю только правду, Эпикрат! Когда же это я так сильно хвастался?

– Ты хвастался всегда, Фемистокл. Ты поставил на празднествах в Олимпии самую роскошную палатку, совсем тебе не по средствам, лишь бы показаться богаче всех богатых. Ну, не хвастун ли? А разве не зазывал ты к себе в дом кифариста лишь для того, чтобы люди приходили к тебе слушать музыку? Ну, не хвастун ли? А когда ты, будучи хорегом в Олимпии, одержал победу, разве не поставил ты стелу со своим именем? И опять же хвастун. Ты великого ума человек, Фемистокл, ты человек большого государственного ума, – не унижай себя, стараясь себя возвеличить!

Священные послы явились на Пникс грустные и смущенные, и все поняли, что ответ бога неблагоприятен.

Старший посол стоял перед Собранием, потупив лысеющую голову.

– Мы совершили все обряды, принесли все жертвы. Мы купили самого упитанного быка, украсили его зеленью... Сделали все, чтобы жертва наша была угодна богу. И вот какое предсказание изрекла нам пифия!

Он раскрыл дощечку, покрытую воском, на которой было написано изречение. Голос его был

глух от волнения, когда он начал читать оракул, но Собрание затихло, и каждое слово его было отчетливо слышно:

Что ж вы сидите, глупцы? Бегите к земному пределу,

Домы покинув и главы высокие круглого града.

Не устоит ни глава, ни тело пред гибелью страшной,

И ни стопа, и ни длань, и ничто иное средь града

Не уцелеет...[9]

Тяжелый вздох прошел по Собранию. Фемистокл с сомнением покачал головой, между бровями прорезались две глубокие гневные морщины – пифия убивает мужество народа! Зачем?

– Мы не хотели вернуться с таким тяжелым изречением, – продолжал посол, – сели у храма и заплакали. Нас увидел Тимон, сын Андробула. Это очень уважаемый человек в Дельфах. Он подошел и сказал нам: «Возьмите оливковые ветви и войдите еще раз в святилище, может, боги смилостивятся над вами, афиняне...»

– Вы вошли? – слышались со всех сторон нетерпеливые голоса. – Было другое изречение?

– Было. Вот оно.

Посол раскрыл другую табличку:

Гнев Олимпийца смягчить не в силах Афина Паллада,

Как ни склоняй она Зевса – мольбами иль хитрым советом.

Все ж изреку тебе вновь адамантовой крепости слово:

.....

Лишь деревянные стены, дает Зевс Тритогае[10]

Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам.

Конных спокойно не жди ты полков или рати пехотной

Мощно от суши грядущей, но, тыл обращая,

Все ж отступай: ведь время придет и померишься силой!

Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жен ты погубишь

В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойною жатвы.[11]

– Нам показалось, что это изречение более милосердно, – нерешительно закончил посол свою речь и сложил табличку.

Собрание мрачно молчало, стараясь разобраться в оракуле. Но что бог приказывает отступить и покинуть свою землю – это было ясно всем.

– Кто изрекал оракул? – спросил Фемистокл. – Как зовут пифию?

– Это была Аристоника.

«Аристоника! – гневно повторил про себя Фемистокл. – Не бога совет она давала, а совет жрецов, продавшихся персам. Недаром же Дарий не разорил святилища и не разграбил их сокровищ. Я давно подозревал это!»

Но, несмотря на свою уверенность в том, что святилище сейчас служит персам, несмотря на свой гнев и негодование, он не смел высказать этого вслух.

Собрание гудело, повторяя слова оракула. Один старый афинянин поднялся со своего места.

– Воля бога ясна, граждане афинские, – сказал он. – Афины погибли! – И заплакал, закрыв руками лицо.

Заговорили и другие:

– Да что ж тут толковать? Гибель нам предречена. Не стоит даже и руки поднимать на такого неодолимого врага. Придется покинуть Аттику.

– Как – покинуть Аттику? Мы никуда не пойдём из своей страны!

– А зачем же нам погибать напрасно? Вы же слышали: «... тыл обращая, все ж отступай»! На спасение ещё есть какая-то надежда, а на победу никакой!

– «Лишь деревянные стены даёт Зевс несокрушимо стоять», – напомнил один из архонтов, – вы ведь слышали? Значит, не все погибнет!

– А что же это за стены такие?

Снова раздалось несколько голосов:

– Это стены на Акрополе! В городе ведь нет стен. Значит, Акрополь останется невредимым!

На трибуну поднялся Фемистокл. Собрание сразу затихло.

– Граждане афинские! Сами посудите: какие же стены на Акрополе? Всего только изгородь из терновника. Кого могут защитить такие стены? А я вам скажу, граждане афинские, о каких деревянных стенах говорит оракул. Деревянные стены – это наши корабли. Это наш флот, который стоит ныне у берегов Аттики, готовый к защите нашей земли! Этот же флот, который будет сражаться с врагом, переправит наши семьи, если им будет угрожать опасность в Афинах, на остров Саламин...

– Вспомни, Фемистокл, – закричало Собрание, – Саламин погубит наших сыновей – так ведь и сказано!

– Нет, граждане афинские, – отвечал Фемистокл, – я думаю, что дельфийские толкователи не в изречение объяснили правильно. Если бы Саламин грозил нам и нашим сыновьям гибелью, то, мне кажется, бог не выбрал бы столь миролюбивое выражение, «божественный Саламин», а сказал бы «несчастный Саламин». Но если изречение понять правильно, то гибель надо отнести к врагам, а не к афинянам. Поэтому, граждане афинские, я советую вам не предаваться отчаянию, а готовиться к морской битве, так как наши корабли – это и есть те деревянные стены, которые останутся несокрушимыми!

Речь Фемистокла была красноречивой, горячей, убедительной. Афинянам, всегда готовым стать перед любым врагом на защиту своей родины, была нестерпима мысль оставить родные Афины и бежать в чужие земли. Собрание забушевало, все вскочили с мест, все кричали, размахивая руками:

– Не отдадим наши Афины врагу!

– Не отдадим наши храмы и наши родные могилы на поругание!

– Не предадим нашу родину!

– Не предадим нашу свободу!

Все архонты и архонт-эпоним приняли волю Народного собрания. И по воле того же Собрания назначили стратегов. Одним из стратегов был назначен Фемистокл.

В эти дни общего смятения, когда черная туча страшной войны неотвратимо надвигалась из-за Геллеспонта, чаще и громче других слышался на Пниксе взволнованный голос Фемистокла:

– Граждане афинские! Враг, угрожающий нам, силен и беспощаден. Многие уже покорились ему. Но мы выбрали лучшую долю – не склонять головы перед врагом, а, сколько достанет сил и мужества, защищать свою родину, защищать Элладу. Однако мы только тогда сможем противостоять врагу, когда отбросим все наши распри и неурядицы, когда мы объединимся и будем действовать заодно. Мы должны не только погасить нашу войну с Эгиной, но и заключить с ней союз дружбы. Нам надо забыть нашу пятнадцатилетнюю вражду со Спартой и встать с нею в один ряд против нашего общего врага – Ксеркса. Надо послать глашатаев и в соседние города и просить их помочь Элладе ее трудный час!

Эти дни имя Фемистокла вознеслось в Афинах, как факел, указывающий путь к спасению. Его слушали на Собраниях, ловя каждое слово, его предложения принимались без криков и споров.

Прежде чем посылать в соседние государства глашатаев, афиняне решили разведать, много ли войска собрал Ксеркс, и как это войско вооружено, и какие народы идут на Элладу, и много ли у них кораблей...

Тайными путями отправились афинские соглядатаи в Азию.

Через некоторое время они вернулись измученные, напуганные и сами себе не верящие, что остались живыми.

– Лишь только мы появились в Сардах, – рассказывали они, – как нас тотчас узнали и схватили. О том, что мы претерпели – и побои, и оскорбления, и насмешки, – мы не будем рассказывать. Нас уже тащили на казнь. Но тут вдруг приказ Ксеркса – привести нас к нему. Мы были готовы к смерти и стояли перед ним, не сгибая спины. А он глядел на нас и усмехался. Потом сказал: «Зачем нам казнить их? Если мы казним этих троих афинян, это не нанесет врагу большого урона. Но если они, вернувшись в Элладу, расскажут о могуществе

нашего войска, эллины не посмеют воевать с нами и откажутся от своей странной свободы. А тогда и нам не понадобится идти в этот тяжелый поход». После этого он поглядел на нас и сказал: «Я знаю, вы пришли разведать о том, какое войско идет на вас. Ну, так идите и смотрите!» Вот нас и повели по всем войскам, показали и пехоту, и конницу, и корабли. А потом отпустили. Это войско непобедимо, – с полной безнадежностью утверждали соглядатаи, – персы поглотят нас и нашу страну.

Собрание удрученно молчало в тяжелом раздумье. Фемистокл, встревоженный молчанием архонтов, которые сидели, нахмутив брови, молчанием всех влиятельных в Афинах людей, которые должны были сейчас высказать свое мнение и поддержать афинян, явно павших духом, выступил сам:

– Не унывать нам сейчас надо, граждане афинские, а вооружаться. И строить новые корабли. Чем сильнее будет наш флот, тем больше у нас надежд на победу!

– А ты сам-то веришь в победу, Фемистокл? – раздался голос из толпы.

– Я не только верю в победу – я в ней не сомневаюсь. Не забывайте, что персы здесь на чужбине, а мы – на родной земле. И еще раз скажу: нам, эллинским народам, надо объединяться, немедленно объединяться. Думаю, что настало время отправлять послов в соседние города и призывать эллинов к объединению!

После этого Собрания афиняне тотчас отправили послов.

Послы, погоняя коней, поехали в Аргос просить помощи. Поехали и в Сикелию,[12] к ее властителю Гелону. Поехали на остров Керкиру, что у эпирских берегов. И на остров Крит помчались послы. И к фессалийцам, хотя знали, что там самые знатные люди Фессалии, богатые землевладельцы Алевады, перешли к персам. Но знали также, что фессалийский народ ненавидит Алевадов, держащих сторону врага.

В это же время на Истме, на узком перешейке около города Коринфа, собрались на Совет посланцы всех эллинских государств, решивших отстаивать свободу Эллады. Эти государства заключили между собой союз дружбы. Однако их союз чуть не распался тут же. Когда стали обсуждать, кого поставить командовать флотом, спартанцы заявили, что командовать и на море и на суше будут только они.

Афиняне возмутились:

– Но ведь у вас нет кораблей! А у нас их сто двадцать семь, больше, чем у кого-либо в Элладе! И уж кому, как не нам, командовать флотом!

– Командуйте, – ответили спартанцы, – но мы в этом случае отказываемся воевать вместе с вами.

Снова пришлось Фемистоклу уговаривать афинян.

– Будем дальновидными, – говорил он афинским послам, когда они, разгневанные, удалились с Собрания. – Сейчас нам необходим сильный союзник – персы идут на Аттику, опасность грозит прежде всего нам. вспомните, что с персами идет Гиппий, сын Писистрата. Он не забыл, что отец его был тираном[13] в Афинах, и теперь хочет снова захватить власть! Предадим ли мы свою свободу и покоримся ли снова тирании из-за личных счетов? А жить под властью персов и быть данниками персидского царя – это легче? Сейчас у нас большая нужда в помощи Спарты. Спартанцы требуют себе главного командования – дадим им то, что они требуют. А когда изменятся времена, мы ведь можем принять и другое решение!

И афиняне согласились.

Высшее командование флотом было отдано спартанцу Еврибиаду, сыну Евриклида. А Фемистокл, который был одним из стратегов, принял командование над афинскими кораблями.

В это время на Истм начали возвращаться афинские послы, ездившие просить помощи. Явились послы из Аргоса. И вот что они рассказали:

– Аргосцы, когда услышали, что эллины собрались воевать с персами и что их тоже хотят вовлечь в эту войну, то отправили посольство в Дельфы, чтобы узнать, как им поступить. Ведь Аргос только что воевал со Спартой, и у них пало шесть тысяч воинов в этой войне. А теперь им приходится заключать союз со своим врагом – Спартой. Вот они и решили спросить у бога, что им делать. Пифия изрекла:

Недруг соседям своим, богам же бессмертным любезный!

Сулицу крепко держи и дома сиди осторожно.

Голову коль сбережешь, глава сохранит твое тело.

– О! – не сдержав досады, сказал Фемистокл. – Неужели мы так прогневали светлого бога, что он отвращает от нас друзей!

– Но они не совсем отказались, – продолжал посланец. – Аргосцы согласны воевать, если им дадут командование наравне со Спартой.

– Этого не будет, – заявили спартанцы.

– А если им откажут в этом, они предпочтут подчиниться варварам, чем уступить Спарте.

– И все-таки этого не будет, – сказали спартанцы. Ни один голос в Совете не возразил им. Вернулись послы и от Гелона, тирана Сикелии. А здесь дела сложились так.

Когда послы прибыли в город Сиракузы, где в это время был Гелон, то сказали ему:

– Нас послали спартанцы, афиняне и их союзники пригласить тебя на помощь в войне с варварами. Ты, конечно, слышал, что царь Ксеркс собирается навести мост через Геллеспонт и напасть на Элладу. Ты достиг великого могущества и, как владыка Сикелии, владеешь частью Эллады. Поэтому приди к нам на помощь в борьбе за ее свободу!

Но Гелон, который слушал, мрачно насупившись, набросился на них с упреками и бранью:

– Люди из Эллады! Вы дерзнули явиться сюда и в наглой речи приглашаете меня в союзники против варваров! А ведь когда-то и я просил вас так же сообща напасть на варварское войско, когда я воевал с Карфагеном. Вы же не пожелали помочь мне. И если бы это зависело от вас, то вся Сикелия нынче была бы в руках варваров. А теперь, когда война дошла до вас и стоит у вашего порога, тут-то вы вспомнили о Гелоне!

Гелон перевел дух, подумал и сказал уже спокойнее:

– Впрочем, несмотря на нанесенное мне оскорбление, я готов прийти на помощь. Но при условии, что сам буду командовать всеми войсками Эллады.

Среди послов был спартанец Сиагр. Он встал перед Гелоном, надменно подняв голову, и сказал:

– Воистину горько восплакал бы Агамемнон,[14] узнай он, что Гелон и сиракузяне лишили спартанцев верховного начальства! Если ты желаешь помочь Элладе, то знай, что тебе придется быть под началом спартанцев. Если же не заблагорассудишь подчиниться, то не помогай нам!

Гелон вне себя от гнева долго бранился, но потом сказал:

– Я готов кое в чем уступить. Если вы, спартанцы, желаете стоять во главе сухопутного войска, то я буду начальствовать над морскими силами.

Но тут вмешался посланец Афин.

– Царь сиракузян, Эллада послала нас к тебе просить не полководца, а войско. Твое притязание на верховное командование отклонено. Теперь ты хочешь командовать флотом. Тогда выслушай вот что: если даже спартанец и отдаст тебе флот, то мы, афиняне, не допустим этого. Пожалуй, напрасно стали мы, афиняне, самой могущественной морской державой среди эллинов, если уступим сиракузянам морское командование!

Так, ничего не достигнув в Сиракузах, посланцы вернулись на Истм.

На острове Керкире эллинов встретили сочувственно.

– Мы пришлем вам помощь, – сказали там. – Если Эллада будет разгромлена, то ведь и нас ждет рабство!

И обещали снарядить шестьдесят кораблей.

– Но только обещали, – сказал посланец, вернувшийся с Керкиры, – однако я чувствую, что это так и останется обещанием!

А критяне, когда к ним пришли эллины, ничего не ответили им, но сразу послали в Дельфы спросить бога, помогать ли Элладе или не надо. Пифия дала отрицательный ответ. И критяне отказались помогать им.

Так вот искали союзников защитники Эллады – и никого не нашли. Никто не верил, что Эллада может победить персов, а гибнуть вместе с Элладой никто не хотел.

Неожиданно на Истм пришли посланцы из Фессалии от фессалийского народа.

– Эллины! – сказали они. – Чтобы спасти Фессалию и Элладу от ужасов войны, нужно закрыть Олимпийский проход. Несмотря на то, что наши предатели Алевады перешли на сторону персов, мы, фессалийцы, готовы преградить путь врагу. Но и вы должны послать туда войско. Если вы этого не сделаете, то знайте: мы будем вынуждены сдаться персидскому царю. Нам тогда придется самим подумать о своем спасении.

– Надо сделать так, как говорят фессалийцы, – сказал Фемистокл, – надо послать войско в Олимпийский проход и заградить его, чтобы персы не смогли пройти в Элладу.

Совет согласился с ним.

Есть в Фессалии прекрасная Темпейская долина между горами Олимпом и Оссой. Через всю долину среди цветущей зелени течет светлая река Пеней. По этой долине, по берегам Пеней можно пройти из Нижней Македонии в Фессалию и оттуда – в Элладу.

Теперь в этом узком проходе собралось большое эллинское войско, чтобы преградить дорогу врагу. Сюда же прибыла и фессалийская конница, прославленная в боях.

Фемистокл не знал покоя, его словно носило на крыльях. Он заботился о провианте, он подыскивал хорошее место для своего лагеря, он следил, чтобы у его воинов было всего в достатке. Он был все время в каком-то возбуждении. Ночью, валясь от усталости, он пытался разобраться в своих чувствах.

Что держит его в таком напряжении? Может быть, предстоящая схватка с врагом, может быть, осуществление своей давней мечты, для которой он себя готовил – отдать родине свои силы, свои способности, а может быть, и жизнь, – и тем навеки прославиться!

Друзья подшучивали когда-то, а враги утверждали, что трофеи Мильтиада, добытые в битве при Марафоне, не дают спать Фемистоклу. Да, это так и было. Он тогда, после битвы при Марафоне, глубоко задумался над своей судьбой, над своей пустой жизнью, которую проводил в пирах и забавах. Ведь мог же Мильтиад стать героем! А разве он, Фемистокл, не сможет достигнуть такой же славы? И тогда же почувствовал, что в нем таятся неизмеримые силы, которые в состоянии вершить большие дела, и что теперь это время – время подвига – наступило.

В одну из ночей, когда Фемистокл спал в своей палатке, его разбудили.

– Фемистокл, иди к Евенету. Там прибыли вестники.

Фемистокл тотчас вскочил и, опоясавшись мечом, поспешил к военачальнику.

У Евенета в шатре сидели македонцы в своих широких шерстяных плащах, защищавших и от холода и от жаркого солнца. Командир македонского отряда поднялся и сказал:

– Эллины! Я – македонский царь Александр, сын Аминты. Мы пришли к вам тайно и просим, чтобы вы эту тайну сохранили. Я советую вам: не оставайтесь здесь, в Темпейском проходе, не дайте раздавить себя подступающему врагу. Численность его войска огромна, и вы не уйдете отсюда живыми, если не поспешите оставить эту опасную для вас долину. Помните: македонский царь Александр, сын Аминты, предупредил вас.

Македонец поклонился, надел свою широкополую шляпу и вышел из шатра. Вслед за ним вышли и остальные македонцы. Они вскочили на коней и исчезли в горных зарослях.

Евенет и Фемистокл задумались. Верить или не верить македонскому царю?

– Я считаю, что совет македонца разумен, – сказал Евенет, – я верю Александру, он же все-таки эллин.

– Однако он служит персам, – хмуро возразил Фемистокл, – македонский наместник перс Бубар отличает его недаром же?

– А как быть Александру, Фемистокл? – Евенету очень хотелось на этот раз поверить македонцу и уйти из Темпейской долины. – Ведь Македония – в руках у персов и ему приходится подчиняться Бубару!

Но Фемистокл все еще колебался:

– Трудно верить человеку, который служит и той и другой стороне. Кому же он служит искренне? Я думаю что ни нам, и ни персам, а только самому себе. Ты разве не видишь, как, прячась за спиной персов, он понемножку захватывает наши земли?

– Ах, кто теперь разберет, где правда и где неправда! – с досадой сказал Евенет. – Но я решил оставить Темпеи. Ты же слышал – у персов огромное войско!

– Что у персов огромное войско, это всем известно, – сказал Фемистокл, – но если каждый

раз это слово «огромное» будет пугать нас и вынуждать к отступлению, то надо заранее покинуть Элладу и оставить родину врагу!

– Я вижу, что ты недоволен моим решением, Фемистокл, – ответил Евенет, – но и я не из трусости решил оставить это место. Македонцы сказали мне, что есть еще один проход в Фессалию – из Верхней Македонии через страну перребов. И если персы пройдут там, то мы окажемся запертыми в долине. Согласен ли ты еще и дальше оставаться здесь?

– Еще один проход?

Фемистокл покачал головой. Он мгновенно представил себе, как гибнет его войско в этой зеленой долине, которая теперь казалась ему зловещей.

– Ты прав, Евенет, – сказал он, – нам надо немедленно уходить отсюда.

На рассвете эллины оставили лагерь и ушли из Темпейского прохода обратно на Истм.

Фессалийцы были покинуты. Теперь им ничего не оставалось, как перейти к персам, «ибо нет силы сильнее немощи». А их военная сила была ничтожна.

ГРОЗА НАД ЭЛЛАДОЙ

Молодой персидский царь Ксеркс, сын Дария, поднял в поход свои бесчисленные войска, дабы «не умалить царского сана предков и совершить не меньшие, чем они, деяния на благо персидской державы».

К походу готовились несколько лет. Подвозили провиант. Собирали войска со всего персидского государства. Готовили корабли.

На перешейке мыса Акте Ксеркс распорядился прорыть канал. Он хотел по этому каналу провести свой флот. Можно бы пройти и вокруг Акте, но Ксеркс боялся этой красивой, но смертельно опасной для мореходов горы. Его отец, царь Дарий, во время похода на Элладу потерял там триста кораблей. В то время, когда персидский флот шел мимо Акте, вдруг поднялась неистовая буря. Говорили, что это эллины призвали на помощь Борея, владыку северного ветра, ведь он им родственник – его жена Орифия взята из Аттики. И могучий Борей поднял море дыбом и разбил о скалы Акте Дариевы корабли. Почти две тысячи персидских воинов погибло у горы Акте.

Поэтому Ксеркс приказал прорыть канал через перешеек, чтобы его флот мог пройти в Эллинское море. Множество людей из месяца в месяц, из года в год рыли заступами и кирками этот канал.

В это же время египетские и финикийские воины по приказу Ксеркса строили мост через Геллеспонт, мост из Азии в Европу, по которому должны пройти персидские сухопутные войска. Мост строился долго и трудно, у строителей не было ни опыта, ни умения. Но все-таки мост построили, длиной в семь стадиев.[15] И когда строители наконец разогнули спины и с облегчением вздохнули – работа кончена! – Геллеспонт вдруг взбушевался и разметал этот мост, будто его и не было.

Ксеркс чуть не ослеп от гнева. Ему было пророчество: «Один из персов соединит мостом берега Геллеспонта». И предсказатель объявил, что этим персом будет он, царь Ксеркс. Теперь же, когда Ксеркс выполняет волю божества, Геллеспонт противится ему!

Ксеркс тут же велел наказать непокорный пролив, и наказать так, чтобы впредь ему неповадно было противиться воле царя.

– Заковать в оковы! Заклеймить позорным клеймом, которым клеймят преступников! И сверх того – дать триста ударов бичом!

Царские палачи выполнили приказ. Бросили в Геллеспонт железные оковы. Заклеймили его позорным клеймом. И потом хлестали бичами.

– О ты, горькая вода! – приговаривали они, бичуя Геллеспонт. – Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет через тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе! Ни один человек не станет приносить жертвы такой мутной и соленой реке!

Так наказал царь Ксеркс Геллеспонт. Наказал и строителей, строивших мост, – им отрубили головы.

Начали строить новый мост. Натягивали тугие и очень толстые канаты, укладывали на них доски, на доски насыпали землю... В этих трудах и заботах прошло почти три года. И к тому времени, как с мыса Акте пришла весть, что канал прорыт, новый мост через Геллеспонт тоже был закончен.

Весной 481 года до н. э. армия Ксеркса двинулась к переправе.

Возле города Абидоса, что стоит на берегу Геллеспонта, на Абидосской равнине, царь захотел сделать смотр своим войскам. Жители Абидоса, предупрежденные заранее, поставили на высоком холме для царя белый мраморный трон. Ксеркс был доволен. Ему видна была вся равнина, заполненная его разноплеменным войском. Ему виден был и пролив, где лишь голубая полоска воды у дальнего берега была свободной от его кораблей. Моряки, стараясь показать свою ловкость и отвагу, устроили перед царем морской бой – корабли сражались, не вредя друг другу, с бортов летели стрелы, никого не поражая, весла триер и пентеконтер,[16] пенили воду...

Ксерксу была видна равнина, заполненная его разноплеменным войском.

Ксеркс был счастлив. Его глубокие глаза задумчиво смотрели из-под черных дремучих ресниц. Еле заметная самодовольная улыбка пряталась в блестящих завитках его густой бороды.

Да, он счастлив. Во всем мире нет никого могущественнее его, царя персов, царя мидян и всех неисчислимых племен, населяющих его царство от Индийского моря до Аравийской пустыни. Нынче же его царство перекинулось и на европейский берег – Фракия, Македония и многие города Эллады, завоеванные Дарием, подчинены ему.

Да, каждому своя судьба. После Дария должен был царствовать старший брат Ксеркса, Артобазан. Но мать Ксеркса, Атосса, вторая жена царя Дария, всемогуща. Она убедила Дария отдать царство Ксерксу, своему любимому сыну. Атоссе помог Демарат, спартанский царь, лишенный в Спарте царской власти и поэтому удалившийся из Лакедемона к персам.

«Ты родился, когда твой отец Дарий был уже царем, – сказал он Ксерксу. – Артобазан же родился, когда Дарий был только военачальником, а царем еще не был. Значит, Артобазан –

сын Дария, военачальника. А ты, Ксеркс, – сын царя Дария. Поэтому нелепо и несправедливо, чтобы кто-либо другой, кроме тебя, Ксеркс, владел царским саном!»

«Эллины всегда были хитроумны, – думал Ксеркс, наслаждаясь зрелищем своего пестрого войска, шумящего на равнине, – такие советчики нужны царям».

Внезапно настроение его изменилось. Так бывает: светит солнце, и все вокруг светло и радостно, но нашло облачко – и радость исчезла...

Что-то слишком много оказалось у него советчиков. Если разобраться, то почему он здесь, на этой равнине у Абидоса, а не в Сузах, в своем роскошном дворце, не в Вавилоне, прекрасном и веселом городе, не в Экбатанах, в древней крепости за семью стенами, где горы дышат свежестью, спасая от летнего пекла?.. Зачем он созвал сюда народы со всей своей державы? Чтобы разорить и уничтожить маленькую страну на побережье – Элладу, страну, в которой даже хлеба не родится вдосталь? Какие богатства найдет он там?

Месть за поражение при Марафоне? Пустое. Это даже не война была. Просто его отец царь Дарий хотел наказать мятежников в покоренной стране. Так же вот, как недавно наказал египтян сам Ксеркс: он только что усмирил мятеж в Египте и придушил египтян тяжелой данью, чтобы забыли о восстаниях против персидского царя. Да его отец царь Дарий вовсе и не считал Марафон своим поражением.

Тогда почему же он, Ксеркс, сидит сейчас на этом белом мраморном троне на холме возле города Абидоса? Как это все произошло?

К нему в Сузы пришли послы из Фессалии от Алевадов. Алевады – самые богатые и знатные семейства из всех знатных фессалийских семейств. Они ненавидят Афины, где власть – в руках демократии. Поэтому Алевады и прислали сказать о том, что готовы помочь персидскому царю в его походе на Элладу.

Потом явился сын Писистрата, Гиппий, а с ним и его родственники. Писистрат когда-то властвовал тираном в Афинах тридцать шесть лет. Гиппий воевал против Эллады под Марафоном, неистово стремясь захватить победу, а вместе с ней и Афины и власть... Все эти люди, связанные родством с Писистратом, готовы были немедленно идти за Ксерксом на Элладу!

Потом – Мардоний, его, Ксеркса, двоюродный брат. Этому человеку нет покоя. Ксеркс знает, чего добивается Мардоний и к чему ведут все его пылкие речи. Он непрестанно призывал Ксеркса отомстить афинянам за все зло, которое они причинили персам, он соблазнял Ксеркса красотой их страны, обилием их садов и выгодным местоположением... Нужно ли все это Ксерксу? Нет. Это нужно Мардонию. Это нужно Мардонию, потому что он хочет сделать Элладу своей сатрапией.

А еще – этот прорицатель Ономакрит, которого привезли к нему послы Алевадов. Каждый раз, как являлся перед царем, Ономакрит пророчил ему поход и победу.

«И что же? Все сделалось так, как хотели эти люди! По их решению я здесь. По их решению эти полчища моих войск, может быть, завтра лягут в бою или погибнут в морской пучине...»

– Артабан, – обратился Ксеркс к своему дяде Артабану, который стоял рядом, – скажи мне, если бы тот призрак не явился тебе, остался бы ты при своем прежнем мнении и отсоветовал бы идти войной на Элладу?

– В свое время я не советовал твоему родителю, моему брату Дарию, идти походом на скифов, – ответил Артабан, не глядя на царя, – а он меня не послушал, и ему пришлось вернуться назад, потеряв много храбрых воинов из своего войска. Так же и тебе я не

советовал идти против людей, которые доблестнее скифов и, как говорят, одинаково храбро сражаются и на суше и на море. Но и тебе и мне явилось во сне видение, которое потребовало, чтобы мы выступили в поход. Пусть же, о царь, то, что обещало это видение, сбудется лишь так, как мы оба этого желаем. Что до меня, то я все время полон страха, тем более что я вижу – у тебя есть два страшных врага.

Ксеркс резко обернулся к нему, его черная борода дрогнула, блеснув тугими завитками.

– Станный человек! – гневно сказал он. – О каких страшных врагах ты говоришь? Разве ты считаешь, что эллинское войско сильнее моего? Или наши корабли хуже их кораблей? Или и то и другое? Если, по-твоему, наша военная сила недостаточна, надо как можно скорее набирать еще одно войско!

Артабан покачал головой:

– О царь! Если ты наберешь еще больше людей, то оба врага, о которых я тебе говорю, станут еще страшнее, а враги эти – море и чужая земля. Ведь нигде на море у тебя нет столь большой гавани, которая во время бури могла бы укрыть твои корабли! А чужая земля будет заманивать тебя все дальше, вперед. И чем дальше ты будешь продвигаться, тем враждебней она будет к тебе, и наконец в войсках у тебя начнется голод.

Ксеркс сердито блеснул агатовыми глазами.

– Если бы цари, мои предшественники, были того же мнения, то ты никогда не увидел бы нашего могущества, Артабан. Ибо великие дела обычно сопряжены с великими опасностями. Но, во-первых, мы сами идем в поход с большими запасами провианта. А во-вторых, в какую бы страну мы ни пришли, мы возьмем там весь хлеб, который у них есть. Мы идем войной на земледельцев, а не на кочевников. Откуда же голод?

Они еще долго спорили. И спор кончился тем, что Ксеркс приказал Артабану немедленно покинуть войско, вернуться в Сузы и охранять там его царский дом и его царскую власть.

На завтра была назначена переправа.

В утренних сумерках, когда на востоке чуть порозовело небо, на мосту, перекинутом через Геллеспонт, задымилась жертвенные благовония. Весь мост устлали миртовыми ветвями. И потом ждали, когда поднимется светлое всемогущее божество – Солнце.

Ксеркс встретил первый луч на корабле. Воздев молитвенно руки, царь попросил божество, чтобы оно оградило его от несчастий, которые могут помешать ему завоевать Европу. С молитвой же совершил возлияние – вылил в море жертвенное вино. Чтобы умиловить Геллеспонт, который недавно был так жестоко наказан и опозорен, Ксеркс бросил в голубую воду пролива золотую чашу и украшенный драгоценными камнями акинак.[17]

Заручившись милостью бога Солнца – Митры и помирившись с Геллеспонтом, Ксеркс приказал начинать переправу. Тотчас по всей равнине затрубили трубы, и первые персидские отряды, увенчанные зеленью, торжественно тронулись по мосту через Геллеспонт.

Весь день до темноты через мост шла персидская пехота и пехота других азиатских племен. На второй день, тоже с венками на голове, по мосту проходили всадники. За ними следовали копьеносцы, опустив копья остриями вниз. Потом прошли белые священные кони и священная колесница, на которой невидимо восседало божество. За этой колесницей проехал сам Ксеркс и с ним тысяча всадников, а за царем двинулось и все остальное войско, которое шло через Геллеспонт без перерыва семь дней и семь ночей.

В это же время пошли и корабли по морю, направляясь к Сарпедонскому мысу. Там, у

фракийских берегов, они должны были ждать, когда подойдет сухопутное войско.

Необозримые полчища неотвратно надвигались на Элладу. Шли, разделившись на племена, каждое племя в своей одежде, со своим оружием. Персы в длинных штанах, в мягких войлочных шапках, в чешуйчатых панцирях, с плетеными щитами, с короткими копьями, с акинаком на правом бедре. Киссии в митрах – повязках, концы которых свисали у них по обе стороны лица. Чернобородые ассирийцы в льняных панцирях, в медных, искусно сплетенных шлемах, со щитами, копьями и деревянными палицами с железными шишками на конце. Стройные длиннорылые бактрийцы с тростниковыми луками и короткими бактрийскими копьями. Арабы из оазиса Дисоф в длинных, высоко подобранных бурнусах, с луком за правым плечом. Мелкокудрявые ливийские эфиопы в львиных и барсовых шкурах, с луками из пальмовых ветвей, с маленькими камышовыми стрелами и копьями, у которых острия были сделаны из рога антилопы. Смуглые индийцы в белых хлопковых одеждах и вместе с ними восточные эфиопы. Эти носили на себе лошадиные шкуры, снятые целиком, над ушами у них торчали лошадиные уши, а лошадиная грива развевалась на затылке, как султан. Узкоглазые саки, скифское племя, в островерхих шапках, с луками, кинжалами и сагариссами – обоюдоострыми боевыми секирами. Ливийцы в кожаных одеждах и пафлагонцы в плетеных шлемах и сапогах, доходящих почти до колена. Фракийцы в лисьих шапках и ярких одеждах, с дротиками, кинжалами и пращами... Арии, каспии, хорасмии, согдийцы и все другие бесчисленные азиатские племена.

Это пестрое войско тяжело и устало двигалось через фракийский Херсонес, мимо Кардии. Оно привалило к реке Мелас и, как говорят древние историки, выпило всю реку досуха. Повернув на запад, оно прошло мимо Стенторийского озера, что во Фракии, и разлилось, как весеннее половодье, по широкой Фракийской равнине.

Здесь на побережье стояло, охраняемое стражей, укрепление, оставленное Дарием. Ксеркс расположился в этом укреплении. И, едва отдохнув, захотел сосчитать свои войска.

Считали так: поставили десять тысяч воинов плотно друг к другу и обвели чертой. По этой черте построили невысокую ограду, доходящую до пояса, и потом в эту ограду вводили следующие десятки тысяч. Так и шел счет этому громадному войску.

Потом Ксеркс торжественно проплыл на большом сидонском корабле, сидя под золотым балдахином, по линии выстроившихся перед ним кораблей. Боевые корабли стояли ровно, повернувшись к царю железными носами, готовые по первому его знаку идти в сражение. И царь, любуясь своим флотом, успокоенно думал о том, что в этой войне ему даже и потревожиться не придется – победа была у него в руках.

Вечером, довольный и усталый, Ксеркс велел позвать к себе Демарата. Демарат не замедлил явиться. Разлегшись на тугих шелковых подушках, с кубком вина в руке, царь смотрел на него с иронической улыбкой.

– Демарат, мне угодно задать тебе вопрос. Ты эллин и, как мне известно, не из самого ничтожного и слабого рода. Скажи мне теперь: дерзнут ли эллины поднять на меня руку? Что скажешь ты о них?

Худощавое, тонкое лицо Демарата покрылось красными пятнами, когда Ксеркс так пренебрежительно отозвался о его прославленной Спарте. Потеряв родину, он не переставал любить ее.

– Царь, говорить ли мне правду? Или говорить тебе в угоду?

– Говори правду, Демарат, и не бойся. Я не оставлю тебя своими милостями.

– Если ты хочешь правды, царь, то скажу тебе правду. Эллины никогда не примут твоих

условий, которые несут Элладе рабство. А спартанцы будут сражаться с тобой, даже если все прочие эллины перейдут на твою сторону. И не спрашивай, сколько у них воинов. Ведь если выйдет в поход только тысяча, то все равно они будут сражаться с тобой.

Царь засмеялся.

– Демарат, какие слова слетели с твоих уст! Тысяча воинов будет сражаться со столь огромным войском?

– Да, царь, будет, – подтвердил Демарат. – Будет, потому что у них есть владыка – их закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ – тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать перед военной силой врага, как бы велика она ни была, но велит, оставаясь в строю, или одолеть, или самим погибнуть.

Голос Демарата дрожал. Он знал, что так и будет. Спартанцы выйдут против персов и не отступят, пока не победят или пока не погибнут.

Но Ксеркс не мог поверить этому. И, чтобы не спорить, обратил их разговор в шутку.

ЛЕОНИД, ЦАРЬ СПАРТАНСКИЙ

Эллада замерла, как замирает земля перед надвигающейся грозой. Вести приходили одна за другой все более гнетущие, все более ужасающие. Ксеркс уже прошел по фракийскому побережью и теперь со всей массой своего войска идет через фракийскую область Пеонию.

А вот он уже в городе Ферме.[18] Стоит лагерем. Лагерь его занял все побережье Фермейского залива, вплоть до Галиакмона, македонской реки. Туда же, в Фермерский залив, пришли его боевые, кичливо разукрашенные корабли.

Снова заседал Совет на Истме, снова эллины решали свою нелегкую судьбу. Разведчики следили за продвижением персидских войск. Сегодня они принесли известие, что персы вступили в область Верхней Македонии Пиерию. Оттуда через Фермопилы они пройдут прямо в Элладу.

Медлить больше нельзя. Совет тут же принял решение ввести войско в Фермопильский проход, а у мыса Артемисия, который недалеко от Фермопил, поставить флот, так военачальники сухопутных и морских войск могут сообщаться друг с другом и, если будет надо, придут один другому на помощь.

На заре, когда белая утренняя звезда еще висела в зеленоватом небе и вода чуть серебрилась на горизонте, военачальник Еврибиад вывел корабли в широкое Фракийское море. Флот миновал узкий пролив, синюющий между островом Скиафом и Магнесией, и, подойдя к мысу Артемисию, бросил якоря.

Защищать Фермопилы пошел спартанский отряд. Отрядом командовал спартанский царь Леонид, сын Анаксандрида, потомок Геракла. Молодой, энергичный, воспитанный в твердых традициях Спарты – не отступить ни перед каким врагом, он взял в свой отряд триста самых отважных воинов, преданных родине, сильных телом и духом. Все это были люди зрелого возраста, у всех были жены и дети, и все они знали, за что идут воевать и что идут защищать.

Спартанские правители – эфоры, истинные господа страны, цари над царями, – торопили Леонида:

– Иди и занимай Фермопилы. Пускай наши союзники не думают, что Спарта будет медлить. Тогда они, увидев это, и сами поторопятся послать свои войска. А мы, как только отпразднуем Карней, почтим нашего бога Аполлона Карнейского, придем к тебе всем войском. Пока персы дойдут до Фермопил, мы закончим праздник.

Воины Леонида собрались так быстро, что едва успели проститься с родными. Жена Леонида, прекрасная Горго, не пролила ни одной слезы – спартанки не плачут.

– Со щитом или на щите![19] – сказала она.

– Со щитом, Горго, со щитом! – ответил Леонид.

Однако румянец сбежал с ее лица, когда она увидела его в красном военном плаще. Она молча подвела к нему маленького сына. Так же молча Леонид простился с ними – слова были излишни.

Воины Леонида, все триста в пурпуровых плащах, запели пеан, военную песнь, и покинули Спарту. В пути к Леониду присоединялись отряды союзных войск: локры, фокийцы, тегейцы, аркадяне, коринфяне, пелопоннесцы... Союзникам сказали, что это идет пока только передовой отряд Спарты и что следом двинется могучее спартанское войско.

Отряд шел быстрым шагом. Леонид был спокоен. Его, как всякого спартанца, с самого раннего детства готовили для войны. Теперь наступил час выполнить свой долг перед родиной. У него не было страха, он знал свою силу и свое военное умение. Сердце его билось ровно.

Но когда на их красные плащи легла тень тяжелых фермопильских скал, Леонида охватило недоброе предчувствие. На мгновение ему показалось, что его отряд вступил в темное царство смерти...

Спартанцы шли по неширокой дороге между морем и Трахинской скалой. Дорога становилась все уже, все теснее. Скала прижимала их то к морю, то к болотам. Клокочущий шум горячих источников, падавших с гор, заполнял тесноту, мешаясь с шумом моря. Сырой серый туман висел над источниками, и мир сквозь эту дымку казался таинственным и нереальным.

– Вот клокочут! – засмеялся Леонид, стараясь рассеять гнетущее впечатление. – Недаром здешние жители называют эти места хитрами.[20] Право, это и в самом деле хитры, в которых варят похлебку!

Отряд миновал селение Альпены, откуда им назначено брать съестные припасы. Дальше началось самое узкое место Фермопил – по дороге между скалами и морем могла пройти лишь одна повозка, а со встречной негде было бы и разминуться.

Поперек дороги стояла старая, полуразрушенная стена. Эту стену когда-то, в давние времена, построили фокийцы, защищаясь от враждебных племен. Тогда же они направили со скал горячие потоки на дорогу, чтобы сделать ее непроходимой. Леонид остановил войско.

– Здесь мы будем ждать Ксеркса, стена будет нам защитой.

Запылала костры, зазвучали голоса. Ущелье наполнилось теплотой человеческой жизни.

На другой же день эллины принялись восстанавливать древнюю стену.

А в это время царь Ксеркс уже шел к Фермопильскому проходу. Он шел по берегу Малийского залива. Войско его растянулось по всему побережью. Ксеркс с любопытством наблюдал за морскими приливами и отливами, когда волны то заливали ноги коней, то отступали далеко в море, обнажая прибрежную гальку. Иногда к дороге подступало болото, заросшее желтыми и

белыми цветами. Стоящие впереди горы, казалось, замыкали путь.

– Как называются эти горы?

– Трахинские скалы, царь.

– А что за река впереди?

– Река Сперхей, царь. Сейчас на этой реке будет город Антикира.

Бурная река встретила персов большим шумом. Но она была невелика, персы без труда перешли ее и, опустошив город Антикиру, двинулись дальше.

– А это что за река?

– Это река Дирас, царь. Эта река явилась из-под земли, когда Геракла охватило пламя. Она спасла Геракла.

Перешли и эту реку. Через двадцать стадий еще одна река преградила дорогу – река Мелас. После Меласа долина расширилась, и Ксеркс вступил в город Трахин. Около этого города царь остановил войско и приказал раскинуть лагерь. Дальше, за Трахином, начинался Фермопильский проход.

Из города Трахина к Леониду примчались гонцы:

– Ксеркс стоит станом на Трахинской равнине. Скоро двинется в Фермопилы! Берегитесь, войско их огромно!

Леонид обратился к воинам:

– Друзья! Наше время настало!

Отряд спартанцев ответил боевым кличем.

Но, к изумлению Леонида, остальное войско молчало. Военачальники тревожно переглядывались друг с другом. Леонид почувствовал, что в отряды его союзников прокрался самый страшный враг – ужас перед врагом.

Заговорили пелопоннесцы:

– Зачем нам погибать в этих теснинах? Мы здесь будем защищать проход в Аттику, а наша пелопоннеская земля останется беззащитной! Надо немедленно вернуться на Истм и построить стену поперек перешейка. Охраняя Истм, мы спасем Пелопоннес!

Тогда негодуя зашумели фокийцы и локры:

– Если каждый будет думать только о своем городе, то и нам здесь нечего делать. Наши земли защищены горами, но мы пришли сюда защищать Элладу!

Начался шум, начались пререкания. Леонид слушал их с мрачным лицом. Зачем ему войско, которое идет в бой по принуждению?

– Мы посланы охранять Фермопильский проход, – сказал наконец Леонид, – и мы должны его охранять. На нас идет сильный враг, но ведь и Ксеркс не какой-нибудь бог, а просто человек. Я пошлю вестников в Спарту и во все наши союзные города, попрошу помощи. И помощь придет. А сейчас нам надо подготовиться и достойно встретить врага.

Эллины стали готовиться к битве. А гонцы Леонида уже мчались в Спарту, мчались в Афины,

мчались в другие города Эллады. И все с одним наказом, с одной просьбой:

«Шлите помощь в Фермопилы! Ксеркс уже близко, а нас слишком мало, чтобы отразить его!»

Спартанские эфоры еле выслушали их. Спарта торжественно справляла ежегодный праздник Карней в честь Аполлона Карнейского. Спартанцы не могли прервать богослужения.

– Скажите Леониду, – сурово ответили эфоры гонцам, – что мы не можем нарушить наши обычаи и выступить, пока луна еще не достигла полного света. Как только наступит полнолуние, мы придем ему на помощь. К тому же мы не можем прервать праздник и оскорбить бога. Пусть ждет.

Ничего не добились гонцы и у союзников. Эллинские города праздновали в Олимпии, проводили Олимпийские игры. Там на стадионе шла борьба, мчались кони, юноши соревновались в беге, в метании дисков и копий... Праздничная толпа, увлеченная состязаниями, теснилась вокруг стадиона, забыв все на свете. Это тоже делалось для услады богов, и нарушать олимпийские празднества было нельзя.

– Девятнадцатого боедромиона[21] Олимпийские игры окончатся, – отвечали гонцам союзники, – и тогда мы придем к вам на помощь.

Один за другим вернулись вестники к Леониду. От их вестей лицо Леонида осунулось и брови сомкнулись над его синими глазами.

– Что будем делать? – спрашивали военачальники.

– То, что должны делать, – отвечал Леонид, – готовиться к битве и сражаться с врагом, когда он придет.

Ксеркс уже знал, что в Фермопилах стоит эллинский отряд. Он велел послать туда лазутчика, пусть разведает, много ли там войска и что они думают делать.

Лазутчик вернулся и тотчас явился к царю:

– Странные дела я видел, царь. Я видел лишь немногих воинов, они стояли на страже перед стенами. Но одни из них упражнялись, бросая копья, другие боролись, а третьи расчесывали свои длинные волосы и украшали голову цветами!

Царь засмеялся:

– Так-то они готовятся к сражению? Не понимаю.

Он велел позвать Демарата.

– Объясни мне, Демарат, ты ведь спартанец: почему эти люди ведут себя так легкомысленно, когда им надо готовиться к битве?

Демарат тайно вздохнул, он знал, что делают люди его племени.

– Ведь я уже раньше рассказывал тебе, царь, об этом народе. Это спартанцы. Но ты поднял меня на смех. Для меня, царь, говорить правду наперекор тебе – самая трудная задача. Но все же выслушай меня теперь. Эти люди пришли сюда сражаться с нами, и они готовятся к битве. Таков у них обычай: всякий раз, как идти на смертный бой, они украшают себе головы. Знай же, царь, если ты одолеешь этих людей и тех, кто остался в Спарте, то уже ни один народ на свете не дерзнет поднять на тебя руку. Ныне ты идешь войной на самых доблестных мужей в Элладе.

Ксеркс внимательно слушал Демарата. Кажется, он говорит правду, вон у него даже губы дрожат. Но все-таки можно ли этому поверить?

– Как же они при таких малых силах будут сражаться с моими полчищами, Демарат?

Демарат пожал плечами:

– Поступи со мной, как с лжецом, царь, если будет не так, как я тебе говорю.

– Подождем несколько дней, – с сомнением сказал Ксеркс. – Я уверен, что они одумаются и обратятся в бегство и мы спокойно, без сражений пройдем в Элладу. Пошлите гонца – пусть сдадут оружие.

Демарат поклонился царю и ничего не ответил.

Прошло четыре дня, как гонцы вернулись к Леониду. Каждый день защитники Фермопил ждали появления врага. Каждый день брали в руки оружие, не зная, чем этот день кончится – останутся ли они живы или погибнут.

Начала появляться надежда, что персы промедлят до полнолуния, когда Спарта наконец сможет выступить в поход.

На пятое утро на дороге показался небольшой отряд. Эллины насторожились:

– Персы!

Это были посланцы персидского царя. Краснобородый перс в высокой шапке выступил вперед:

– Великий царь Ксеркс говорит Леониду: «Сдай оружие!»

– Царь Леонид говорит Ксерксу: «Приди и возьми!» – ответил Леонид.

Перс в изумлении от такой дерзости несколько мгновений молча смотрел на него.

– Знайте, – продолжал он с мрачной угрозой, – воины царя столь многочисленны, что могут, путив стрелы, затмить солнце!

– Тем лучше! – крикнул кто-то из спартанцев. – Значит, мы будем сражаться в тени!

Персы повернули коней.

На другой день в Фермопилы вступили персидские отряды. Высокие войлочные шапки, пестрые одежды, сверкающие железными чешуйками рукава, копья, торчащие над головой... Они двигались потоком во всю ширину дороги, и конца этому потоку не было видно.

Эллины стояли готовые к бою.

– Это еще не персы, – приглядевшись, сказал Леонид, – это мидяне и киссии. Если у мидяне персы могли отнять царство, неужели эти самые мидяне могут победить нас?

Азиаты бросились в бой с громкими криками и воплями. Мидяне решили сразу уничтожить эллинский отряд, но словно наткнулись на железную стену. Первые ряды их упали. Тут же на место убитых встали другие, снова бросились на эллинов. И снова легли, ни на шаг не пробившись вперед.

Целый день, до самого вечера, длилась тяжелая битва. Мидяне не отступали, не могли смириться с тем, что не в силах опрокинуть такой малочисленный отряд. Но когда ночной мрак заполнил ущелье и пары горячих источников начали затягивать дорогу, они отступили.

Ксеркс встретил их в гневе:

– Я вижу, что людей у меня много, но мало мужей! Иди ты, Гидарнес, со своими «бессмертными» и уничтожь этот отряд безумцев. Не вечно же мне стоять здесь, у прохода, не имея возможности пройти его!

Гидарнес, сын Гидарнеса, начальник царских телохранителей, тотчас выступил со своим всегда готовым к бою отрядом.

Ксеркс отправился вместе с ним. Он хотел видеть, как будут уничтожены эти дерзкие эллинские безумцы, осмелившиеся сопротивляться персидскому царю.

Эллины похоронили своих убитых. Перевязали раны. И снова взялись за оружие. Они уже не ждали помощи – полнолуние еще не наступило и Карнейские празднества еще не окончились. Не окончилась и Олимпиада в Олимпии.

Мысли невольно обращались туда. Там, на зеленой олимпийской равнине, сейчас полно народу, вокруг стадиона стоят нарядные палатки знатных и богатых людей. Идут состязания... Кого-то увенчивают зелеными венками – тех, кто прославил и себя и свой город победой...

– Мухи там сейчас, – тихо переговаривались воины, занятые своими делами, – такие ядовитые, спасенья нет от них!

– И жара, духота... Деревьев много, мешают ветру.

– Но зато какая холодная там вода! Теперь там ходят водоносы. Как сейчас вижу амфору, запотевшую от холодной воды...

– Да... А ведь и мы могли бы сегодня праздновать там. Но что делать, воля богов.

– И – Леонида.

Разведчики прибежали с вестью, что идет персидский отряд «бессмертных». Сам Гидарнес ведет его. А для царя Ксеркса ставят на горе трон, чтобы он сидел там и смотрел, как будут сражаться его персы: уж на глазах-то царя они отступить не посмеют.

– Пусть не пугает вас, воины, это название «бессмертные», – сказал Леонид, – они такие же смертные, как и все. Встаньте в боевой порядок, каждый к своему племени. А вы, фокийцы, идите на вершину горы и стойте там на страже, чтобы персы как-нибудь не обошли нас. Мы будем сражаться, сменяя друг друга. И помните, что не сила побеждает в бою, но умение воевать. У персов же этого умения нет!

Эллинов ободрили слова Леонида. Появилась надежда, что они еще раз отразят персов и тогда Ксеркс приостановит наступление. Пройдет еще несколько дней, а там уж и праздники окончатся, и к ним в Фермопилы придет помощь. Фокийцы сразу ушли на гору и скрылись в лесу. Эллины разделились по племенам и стали ждать врага.

Отряды Гидарнеса шли, блистая золотыми украшениями богатых одежд и вооружения. Сам грозный Гидарнес вел свое войско. Смуглое, чернобородое лицо его было мрачно и решительно.

Леонид с копьем в руке встал впереди своего отряда.

Персы дрались яростнее, чем мидяне и киссии. Они хотели оправдать свою славу непобедимых и бессмертных. И они знали, что царь Ксеркс, сидя на троне, смотрит на них с горы.

Но эллины не уступали им в отваге, а в умении превосходили. Они то дрались лицом к лицу, то вдруг все сразу поворачивались и делали вид, что бегут. Персы с торжеством бросались их преследовать с криками, с шумом, и, когда уже настигали, эллины внезапно обращались к ним лицом и, пользуясь их смятением, избивали несчетно.

Ксеркс несколько раз вскакивал со своего трона, видя, как убивают его лучших воинов. Ему хотелось самому броситься в эту битву, было нестерпимо сидеть в бездействии, не имея возможности помочь. И опять ночная тьма положила конец сражению. «Бессмертные» в недоумении отступили, унося своих убитых.

– О царь! – сказал Гидарнес, сам изумленный и разгневанный. – Их там мало! Завтра мы возобновим битву, и они сдадутся, потому что многие из них уже изранены и не смогут так сражаться, как в первый день. Они поймут, что силы у них уже нет, и сдадутся.

Но и на другой день эллины сражались так же отважно. И опять не сдались. «Бессмертные» умирали под их мечами и копьями. А когда еще раз отступили, Ксеркс закричал в ярости:

– Я больше не знаю, что с ними делать!

Персы затихли. Бесмысленно отдавать столько воинов на гибель. Но что предпринять?

А эллины в изнеможении глядели на белую, повисшую над морем луну... Уже немного осталось и до полнолуния. Может быть, все-таки удастся продержаться до того счастливого часа, когда к ним придет помощь!

...и на другой день эллины сражались так же отважно.

Но помощь пришла не к этим доблестным людям, защищавшим свое отечество.

Помощь пришла к персам.

Из города Антикиры, где еще стояли войска Ксеркса, к царю явился Эфиальт, человек из племени малийцев, которое сразу стало на сторону персов. Тощий и желтый, с жидкой бородкой, он опасно поглядывал на царя маленькими жадными глазами.

– Я могу помочь тебе, царь, – сказал он, – я знаю тропу через гору. Твои воины могут напасть на эллинов с той стороны, откуда не ждут нападения.

– Почему мне никто не указал эту тропу прежде? – нахмурился, спросил Ксеркс.

Эфиальт втянул голову в плечи, будто защищаясь от удара.

– О ней все забыли, царь. А я вспомнил. Раньше, когда фессалийцы воевали с фокидянами, мы указали им эту тропу, и фессалийцы победили. Они обошли фокидян и...

– Довольно! – прервал Ксеркс. – Веди отряд, Гидарнес, я надеюсь, что сегодня ты вернешься победителем!

– Он вернется победителем! – подхватил Эфиальт. – А я... я надеюсь, царь, ты не забудешь о моей услуге?..

– Не беспокойся, – ответил Ксеркс с презрением, – предательство всегда оплачивается золотом.

В час сумерек, когда в шатрах зажигают огни, отряд «бессмертных» вышел из лагеря. Эфиальт привел их к реке Асопу, шумящей в горной теснине. Здесь начиналась полузаросшая тропа и шла вверх по горе Анапее. Тропу тоже называли Анапеей, по имени лесистой горы, по которой она проходила.

Персы переправились через бурный Асоп и ступили на тропу. Они шли всю ночь вдоль горного хребта. Густой лес скрывал их, помогая предательству.

Леонид, тяжело задумавшись, сидел у костра. Ему уже было ясно, что персы не отступят. И так же ясно было Леониду, что помощь к нему не придет. Только что жрец Магистий по его просьбе принес жертву богам. Рассмотрев внутренности жертвенного животного, Магистий побледнел и понурил голову.

– Не скрывай от меня ничего, Магистий, – сказал Леонид, – я готов выслушать самое худшее.

– Я и скажу тебе самое худшее, царь, – ответил Магистий, – завтра на утренней заре мы все погибнем, и войско твое и ты сам.

Леонид вздохнул.

– Значит, пришел час, – сказал он. – Воля богов должна свершиться.

Леонид хорошо помнил изречение пифии, когда спартанцы еще в начале войны с персами спросили дельфийское божество об исходе этой войны. Пифия ответила:

Ныне же вам изреку, о жители Спарты обширной:

Либо великий и славный ваш град чрез мужей-персеидов

Будет повергнут во прах, а не то – из Гераклова рода

Слезы о смерти царя пролиет Лакедемона область.

Не одолеет врага ни бычачья, ни львиная сила,

Ибо во брани Зевсова мощь у него и брань он не прежде

Кончит, чем град целиком иль царя на куски растерзает.[22]

Леонид задумчиво смотрел в огонь. Он сидел одиноко, измученные воины спали. Его томила тоска. Значит, это его последняя ночь. Он повторял себе, что смерть его будет славной, но душа его не хотела смерти. Молодая Горго стояла перед его глазами, бледная, как ее покрывало. Он снова слышал ее голос:

«Со щитом или на щите!»

– На щите, Горго, на щите, – тихо сказал Леонид.

Тревожно шумело море. Темная гора возвышалась над головой, заслоняя звезды. Костер угасал...

Вдруг из зарослей, с горы, перед самой стеной появился человек. Стража тотчас привела его к Леониду.

– Кто ты? – спросил Леонид.

– Я фессалиец, – сказал он, задыхаясь, – я бежал из персидского лагеря. Царь, персы идут в обход! Отступай, ибо тебе нет спасения!

– Спартанцы не отступают, друг мой, – ответил Леонид.

И тотчас приказал разбудить лагерь. Тревога быстро подняла воинов. Леонид обратился к военачальникам союзных городов.

– Друзья, – сказал им Леонид со спокойствием человека, принявшего твердое решение, – друзья, союзники мои! Я отпускаю вас всех. Вам незачем больше подвергать себя опасности, потому что Фермопилы нам уже не удержать. Вернитесь в свои города, вы сделали все, что могли. Мне же и моим спартанцам не подобает покидать место, на защиту которого нас послала Спарта.

Военачальники смутились. Заспорили:

– Мы не можем уйти и принять позор!

– А кому нужна наша бесполезная смерть? Нам обещали помощь, а помощи нет!

– Но как мы оставим Леонида?

– Со мной останутся фивяне, – сказал Леонид, – и феспийцы тоже.

– Царь, мы и без твоего приказа не ушли бы от тебя! – ответил феспийский военачальник Демофил. – Мы бы не ушли, если бы даже ты отослал нас!

Фивяне покорились молча. Они знали, что Леонид не доверяет им и боится, что они перейдут к персам.

– Уходи и ты, Мегистий! – приказал Леонид.

Мегистий покачал головой:

– Нет, царь, я не уйду. Моя рука тоже умеет держать меч. Но если возможно, отпусти домой моего сына. Он еще молод, и его жизнь нужнее, чем моя.

Леонид кивнул головой:

– Пусть идет.

Союзники еще шумели и спорили, не зная, как поступить. Но когда им стало известно, что персы идут в обход и в любое время могут спуститься с горы и отрезать их, военачальники быстро построили свои отряды и поспешили покинуть ущелье. Сразу в лагере стало тихо. Медленно и печально догорали покинутые костры...

На рассвете отряд фокийцев, которых Леонид послал на вершину горы, был встревожен каким-то странным шумом. Шум шел широко по лесу, шуршала под ногами прошлогодняя листва. При слабом свете зари фокийцы увидели идущее к ним чужеземное войско, пестрые одежды замелькали среди деревьев, блеснуло оружие.

– Персы!

Персы заполонили лес. Внезапно увидев перед собой вооруженных людей, персы остановились. Прозвучала непонятная команда, и железный ливень стрел упал на головы фокийцев.

Не понимая, что случилось и как персы оказались здесь, на вершине горы, – значит, Леонид погиб и враги пришли истребить их! – фокийцы в ужасе бежали, рассыпавшись по лесу.

Леонид, так и не заснувший за всю ночь, заметил, что пламя его костра стало блекнуть. Он поднял глаза. Сквозь древесную листву уже светилась заря и на море играли золотые блики. Утро.

Леонид в последний раз обратился мыслями к Спарте. Возмущение, горечь, обида – эфоры отдали его на гибель! – мучили его всю ночь. Сейчас осталось только чувство глубокой печали.

– Прощай, Горго, – прошептал он, – береги моего сына, Горго... Прощай!

Леонид встал. Войско уже поднялось. На кострах кипели котлы с похлебкой. Воины ели, не снимая оружия.

Леонид прислушался. Какой-то шум идет по вершине горы. Ветер ли шелестит листьями или персы идут?

Шум становился шире, отчетливей. Персы!

По единой команде спартанцы встали в строй. Леонид вывел отряд на более широкое место. Уже незачем было прятаться за стеной, он знал, что это будет их последняя битва.

Персы лавиной свалились с горы, и сразу началась рукопашная. Враги погибали бесчисленно. Многие валялись в море, многие, получив тяжелую рану, падали и гибли под ногами своих же воинов, которых военачальники подгоняли бичами.

Спартанцы бились с отвагой предсмертной битвы. Их копья сломались, они бились мечами. Персидские стрелы со злым гудением взвивались вверх и оттуда тяжело валялись на головы эллинам. Один за другим падали эллины, сраженные в неравном бою, красные плащи устилали землю. Вот уж совсем немного их осталось. А вот уж и нет их ни одного. Все спартанцы легли в этой битве, все триста. И вместе со своими воинами пал на кровавом поле их полководец – спартанский царь Леонид.

Сражение быстро приближалось к концу. Фиванцы, увидев, что Леонид погиб, тотчас оставили эллинское войско и сложили оружие. Феспийцы еще сражались. Они отступили и сгрудились на холме у самой стены. Окруженные со всех сторон, они защищались как могли – мечами, зубами, палками, потому что у многих уже не было оружия.

Наконец персы обрушили стену и, запустив стрелы, положили их всех до одного.

Путь Ксерксу в Элладу был открыт. Не силой и не мужеством взяли персы Фермопилы, но с помощью предательства, проклятого на все века.

БОЙ У ЕВБЕИ

Эллинские корабли, как и было решено, пришли к мысу Артемисию, к северной оконечности острова Евбеи. И здесь эллины увидели, что в открытом море, против прибрежного фессалийского города Афеты, стоит персидский флот. Целый лес корабельных мачт врезался остриями в светлое утреннее небо. Спартанец Еврибиад, командующий морскими силами Эллады, оторопел. Как же так? А ведь говорили, что почти все персидские корабли погибли у Фессалийских скал, целых четыре дня и четыре ночи буря трепала их насмерть!

Еврибиад нервничал. Военачальники ждут его команды, а он не знает, на что решиться. Вступать в бой с таким могучим флотом, который стоит перед ним, заслонив горизонт, безумие. Надо уходить обратно, во внутренние воды Эллады, под защиту сухопутного войска.

Еврибиад созвал военачальников.

– Вы видите, что флот врага неизмеримо превышает наши силы, – сказал он, – я нахожу невозможным вступить в битву.

– Что невозможно, так это отступить, – возразил Фемистокл. – Неужели мы должны уйти, даже не испытав своих сил?

Как всегда, заспорили. Фемистокл требовал сражения. Архител, военачальник большого афинского корабля «Саламини», на котором афиняне обычно отправляли посольства к храмовым праздникам, кричал, что надо немедленно поднимать якоря.

– Ты спешишь домой, потому что тебе нечем платить своим матросам! – крикнул ему Фемистокл. – А где же те деньги, которые предназначены им в уплату? Ты их растратил!

Архител сердито молчал.

– Я считаю борьбу с персидским флотом решительно невозможной! – настаивал на своем Еврибиад, не искушенный в морских битвах.

Ему возражали афиняне:

– А для чего же мы строили наш флот?

– Надо отплыть к берегам Пелопоннеса и охранять их.

– У берегов Пелопоннеса легче всего разбить нас!

Фемистокл был возмущен. Так бесславно вернуться домой! Да и не в славе дело, им выгоднее сразиться именно здесь, в узком проливе. В открытом море у Пелопоннеса им действительно не под силу противостоять персам. И, кроме того, не надо забывать, что недалеко отсюда, в Фермопилах, стоит Леонид, он может потребовать их помощи. И, наконец, они посланы охранять этот пролив, и они должны его охранять!

Но Еврибиад стоял на своем – уходить к Пелопоннесу. Он отдал приказ, и эллинские триеры начали поднимать якоря.

Евбейцы, увидев это, толпой собрались на берегу с криками, с мольбами.

– Не уводите свои корабли! Не бросайте нас! – умоляли они. – Дайте нам время отправить наших жен и детей в безопасное место! Если вы покинете нас сейчас, персы погубят наши семьи!

С этой мольбой они пришли к Еврибиаду. Еврибиад отказал. Тогда они обратились к Фемистоклу, командующему афинскими кораблями.

– Вы знаете, что я не могу отменить приказ Еврибиада. Но я сочувствую вам и поэтому дам совет. Есть способ убеждать людей, перед которым, я думаю, не устоит даже спартанец.

Евбейцы переглянулись, поняли:

– Серебро?

– Да.

– Фемистокл, мы дадим тебе серебра – помоги нам убедить спартанца!

– А вот это сделать я, пожалуй, смогу. Только не медлите.

Евбейцы не медлили. Они тотчас переправили серебряный груз на корабль Фемистокла.

«Если человека нельзя убедить ни доводами разума, ни доводами чести, – думал Фемистокл, – значит, надо обратиться к доводам серебра. Попробуем!»

И он поспешил к Еврибиаду.

– Ты куда торопишься? – остановил его сердитый Архител. – Ты опять будешь задерживать отплытие?

– Архител, – резко сказал Фемистокл, – если ты будешь противодействовать мне, я объявлю, что ты подкуплен персами!

Архител разинул рот.

– Это как же? Кто же этому поверит?

– Но если ты стараешься в интересах персов увести флот, то почему же не поверить?

Архител замолчал. И молча ушел на свой корабль. Фемистокл явился к Еврибиаду.

– Нам нельзя отплыть без боя, Еврибиад! – сказал он. – Будет бесчестно покинуть жителей острова Ев-беи. И еще более бесчестно – не выполнить того, что нам поручили. Что скажут в Спарте, когда узнают, что ты бежал лишь от одного вида врага?

– Скажут, что я был благоразумен, – жестко ответил Еврибиад.

– Но островитяне дают плату за свое спасение, – продолжал Фемистокл, – хорошую плату. Серебро здесь.

Рабы внесли тяжелые мешки и сбросили их с плеч к ногам Еврибиада. Еврибиад удивленно поглядел на Фемистокла. Молча открыл один мешок – да, там серебро.

Глаза Еврибиада блеснули из-под рыжих ресниц, лицо потемнело от густого румянца. Фемистокл видел, что он мучительно колеблется, и ждал.

– Хорошо, – сказал Еврибиад, глядя в сторону. – Я согласен с тобой.

Еврибиад объявил новый приказ. Он не может оставить Евбею и принести их в жертву персам, а поэтому хочет дать бой. Все начальники приняли приказ без возражений.

Восстал лишь военачальник коринфских кораблей Адимант, сын Окита, коринфянин:

– Вы можете поступать, как найдете нужным, а я свои сорок кораблей уведу обратно. Коринф не для того их строил, чтобы отдавать на верную гибель.

Еврибиад растерялся. Уйдут сорок кораблей, когда их всего-то здесь у эллинов двести семьдесят! Тогда к Адиманту обратился Фемистокл:

– Клянусь богами, Адимант, ты не покинешь нас на произвол судьбы! Я обещаю более щедрые дары, чем даст тебе царь Ксеркс за то, чтобы изменить нам!

Евбейское серебро и здесь сделало свое дело. Коринфские корабли остались на якорях.

К полудню эллины увидели, что персидский флот перестраивается – корабли сходились, устанавливались рядами, – и поняли, что персы обнаружили их триеры, затаившиеся у Артемисия.

Неожиданно в стан эллинов явился какой-то полуголый, дочерна загоревший человек.

– Кто ты такой? – спросил Еврибиад.

– Я Сикиллий из Сикиона. Я водолаз, – ответил явившийся прямо из моря пришелец.

– А! – вспомнил Фемистокл. – Это Сикиллий, лучший водолаз во всем мире! Я слышал о тебе. Но мне кажется, что ты, Сикиллий, был у персов?

– Я был у персов, – хрипло ответил Сикиллий, – но я давно задумал убежать от них. И вот – убежал. Эллины! Верьте мне, ведь я сикионец, из эллинского города Сикиона, и я не предатель! Правда, сознаюсь, когда их корабли гибли у скал Пелиона, я спас персам немало добра. И сознаюсь – немало спас их добра и для себя. Однако сейчас, когда вам, эллины, грозит опасность, я бросил все и явился, чтобы предупредить вас. Ведь все-таки я сикионец, а не варвар!

– Как же ты попал сюда? – сурово спросил Еврибиад.

– Я переплыл.

– И тебя не увидели?

– А как они увидят? Ведь я плыл под водой.

– От Афет до Артемисия? Но тут не меньше чем восемь или десять стадий!

– И все-таки я переплыл.

– Так с чем же ты так спешил к нам?

– Вы видели, эллины, как персы собирали свои корабли и ставили их фронтом. Но вы не могли видеть, что двести их кораблей пошли вокруг Евбеи к проливу Еврипу. Они пошли в обход. Они запрут Еврип, а отсюда двинутся на вас всей массой. Они решили погубить весь эллинский флот до одного корабля и все эллинское войско до одного человека!

Наступила тишина. Военачальники стояли как оглушенные. Ясно было одно: надо немедленно уходить от Евбеи, пока не заперт пролив Еврип, иначе они окажутся в ловушке.

Еврибиад побледнел. Он бы сейчас же дал приказ покинуть Евбею, пока их не окружили, но серебро... Тревожные глаза его обратились к Фемистоклу.

– Но что же нам так спешить? – сказал Фемистокл. – Персы не начинают нападения. Значит, они ждут, когда эти двести кораблей подойдут к Еврипу. А если персы ждут, значит, эти корабли еще не дошли до Еврипа. Что же делать нам? А нам, не теряя времени, надо броситься на персов – они этого не ожидают – и прорвать их строй.

Еврибиад тут же отдал приказ готовиться к бою.

Солнечный блеск уже погас на волнах, и вода у берега наполнилась глубокой синевой, когда маленький эллинский флот, внезапно вскинув крылья парусов и запенив веслами воду, ринулся в наступление на персидскую эскадру, которая в грозном спокойствии стояла перед ними. Увидев эллинов, персы широко развернули линию своих кораблей и со зловещей медлительностью начали окружать их.

С триеры Еврибиада грянула сигнальная труба. Эллинские корабли быстро перестроились, повернулись кормой друг к другу и выставили на врагов железные носы.

Еще раз прогремела Еврибиадова труба. Эллинские триеры бросились на врага.

Пока неуклюжие, тяжелые корабли персов разворачивались, эллинские триеры, легкие и быстрые на ходу, прорвали их фронт.

Вспыхнула битва. Море вспенилось вокруг кораблей, кровь залила палубы, мертвые и раненые валялись за борт в черную морскую воду...

Густая тьма южной летней ночи прервала битву Эллины поспешно вернулись к Артемисию, угнав тридцать вражеских кораблей.

Усталые, возбужденные, эллины долго не могли уснуть. Они выиграли сражение! Они сразились с врагом который намного сильнее их, и победили! Это казалось невероятным. Однако персидские корабли, взятые в плен, – вот они! Стоят здесь, у Артемисия, среди их триер!

Лишь глубокой ночью эллинский стан затих и заснул. Только стража, опасаясь дремоты, шагала по берегу, подбавляя огня в костры.

И не спал Фемистокл. Несмотря на тяжкую усталость, он не мог уснуть и сердился на себя: завтра снова битва, снова трудный, напряженный день, а он лежит, не смыкая глаз. Недобрые мысли лезли в голову, мучила тревога. Они славно дрались, но ведь не победили, а только не позволили победить себя. Они спят сейчас у Артемисия, а двести персидских кораблей тем временем идут вокруг Евбеи, идут, чтобы закрыть пролив, закрыть выход...

Фемистокл встал. Если эллины погибнут здесь, в ловушке, это будет его вина. Но если победят – его заслуга. Надо победить. Надо победить.

На корабле слышался могучий храп спавших вповалку воинов. Кто-то стонал во сне, – видно, болела рана. Фемистокл прошел по палубе, проверил стражу. Около молодого воина, стоявшего на посту прямо, как тополь, остановился:

– Ты ничего не слышишь, Менор?

Юноша прислушался:

– Слышу, как лес шумит в горах.

– Это не лес шумит в горах, – вздохнул Фемистокл, – это двести кораблей шумят веслами, идут к Еврипу.

Молодой воин не смел спорить, но все-таки сказал:

– Шума кораблей я не слышу, Фемистокл. А вот над Пелионом, я слышу, гремит гром. Не буря ли опять собирается?

– Ты прав! – сразу ободрившись, сказал Фемистокл. – Клянусь Зевсом, боги снова решили помочь нам!

Гром грохотал над горами Пелиона, в той стороне, где стояли персидские корабли. Ночь становилась непроглядной. Вскоре загудел ветер, корабли закачались на волнах, и неистовая гроза обрушилась на землю и на море. Молнии, как огненные дротики, летели с черного неба. Море бушевало.

Эллинские триеры стояли, прижавшись к мысу Артемисию. Буря не трогала их. К утру, когда ливень утих и волны осветились зарей, к эллинам пришли жители острова Евбеи.

– Радуйтесь! – сказали они. – Двести персидских кораблей пришли к Еврипу – и буря разбила их о скалы! Все двести! Только обломки от них плавают по воде!

«Боги хотят уравнивать наши силы, – подумал Фемистокл. – Может, потому так и томила меня тоска, что предстояло услышать радостную весть!»

Как идет беда за бедой, так и радость – за радостью. Персы неподвижно стояли у Афет, переводя дух после страшной грозовой ночи, а к эллинам в это время шли на помощь аттические корабли. Фемистокл, счастливый и гордый, смотрел, как приближаются их афинские триеры. А кто убедил афинян построить их? Он, Фемистокл. Обманом, но убедил. А почему? Потому что он предвидел то, что совершается сейчас, он предвидел, что перс придет и бросится на Аттику и что только корабли помогут афинянам защитить свое отечество! Фемистокл было уже поднял голову – «Смотрите, это ведь моя заслуга, что идут, кроме наших ста двадцати семи, еще пятьдесят три корабля!» – эти слова уже были у него на устах, но тут же вспомнилось, что говорил ему его друг Эпикрат: «Не напоминай людям о своих заслугах!» – и промолчал.

Пятьдесят три аттических корабля подошли к Артемисию. Их встретили радостными криками со всех стоявших здесь кораблей. Такими же криками ответили и те, что пришли. На одной из этих триер прибыл Эпикрат.

– Эпикрат, друг мой! – возликовал Фемистокл, когда Эпикрат появился на палубе его триеры. – Ты с нами!

– Неужели ты думал, что я сижу в Афинах? – возмутился Эпикрат. – Я только задержался. Мы снаряжали эти триеры...

– Как дома? – нетерпеливо перебил Фемистокл.

Эпикрат вздохнул:

– Пока все живы, Фемистокл.

– Пока?

– А как ты думаешь? Разве у нас празднество, а не война?

Фемистокл сразу погас. Да, война. Тяжелая, даже непосильная. Еще неизвестно, чем она кончится...

– Да, – мрачно согласился Фемистокл, – я понимаю. Всякой отваге, всякой изобретательности есть предел. Но ты знаешь, Эпикрат, – Фемистокл снова оживился, – ведь это я уговорил Еврибиада дать персам морской бой. И вот мы выиграли!.. Против такой-то эскадры!

Эпикрат внимательно и молча поглядел на него. Фемистокл смутился:

– Ладно, ладно. Я знаю, что ты хочешь сказать.

– И что значит «выиграли», Фемистокл? Выиграли битву, но пока еще не выиграли войну. А если здраво судить, можем ли мы, несмотря на все наши усилия, выиграть эту войну? Ты же не мальчик, Фемистокл!

Фемистокл выпрямился, его глаза стали суровыми, их голубизна словно пропала.

– Гони прочь эти мысли, Эпикрат! Сейчас нам надо думать только о том, чтобы выиграть следующий бой. А за следующим – и все другие. Да помогут нам боги! Но все-таки бой при Артемисии поднял дух наших воинов. Теперь и Еврибиад будет смелее вступать в битву с персом на море. Ведь если бы не я...

– Ты сумел убедить Еврибиада? – удивился Эпикрат.

– Не я убедил, – отмахнулся Фемистокл, – серебро.

– Серебро? – испугался Эпикрат. – Откуда?

– С острова Евбеи. Вот это серебро и помогло мне остановить Еврибиада. Иначе Евбея была бы уже разграблена и порабощена.

– Они подкупили тебя, Фемистокл!

– Да что ты, Эпикрат! Зачем нужно было подкупать меня, если я и сам не хотел уводить корабли? Просто этим серебром они спасли свою Евбею. Я только подал им эту мысль!

Эпикрат покачал головой:

– По острию меча ты ходишь, Фемистокл. Смотри, как бы все твои благие замыслы не обратились против тебя, против твоего доброго имени!

– А как это может случиться? – удивился Фемистокл.

– Скажут, что половину серебра отдал, а половину оставил себе.

Но Фемистокл на это только махнул рукой.

В тот же день, к вечеру, Еврибиад снова вывел в море эллинский флот. Эллинские триеры налетели на киликийские корабли, стоявшие в отдалении, и разбили их, а как только наступила ночь, опять укрылись у Артемисия.

А на рассвете к Артемисию тронулись персидские корабли.

Эллины ждали. Они предвидели, что персы на этот раз, взбешенные их дерзостью, будут упорны и беспощадны.

Персы построились полумесяцем и начали зажимать их в кольцо, все теснее сближая свои корабли.

И еще раз взревела труба на корабле Еврибиада. И еще раз эллины бросились на вражеский флот. Они не ошиблись, битва была беспощадной. Персы решили во что бы то ни стало уничтожить эллинские корабли. А у эллинов был только один выход – во что бы то ни стало устоять перед разъяренным врагом.

Много в этой битве погибло и людей, и кораблей. Корабельные обломки и тела погибших загромождали воды у берегов Евбеи. И опять, не добившись победы, персы отошли к Афету.

Эллины подобрали своих убитых, чтобы похоронить. И тут Еврибиад объявил, что боевых сил у них больше нет.

– Мы больше не можем сражаться. У нас много людей погибло. Почти половина кораблей повреждена...

Военачальники подавленно молчали. Фемистокл хотел было возразить Еврибиаду, но в это время раздался голос дозорного:

– Идет триаконтера!

Триаконтеру, которая шла к Артемисию, узнали сразу. Это был афинский корабль, оставленный Леониду для связи.

Триаконтера подошла к берегу. С корабля сошел Аброних, сын Лисикла, который был связным у Леонида. По его лицу все увидели, что он принес недобрые вести; казалось, что у него нет сил сказать то, что он должен сказать.

– Аброних! – не выдержав, крикнул Еврибиад. – Ты от Леонида! Что требует от нас Леонид?

– Леонид ничего не требует, он убит в Фермопилах, – ответил Аброних, – и все войско наше убито. В живых остался только я один, чтобы возвестить вам об этом.

Еврибиад пошатнулся, будто от удара копья. Но тут же овладел собой.

– На корабли, – приказал он. – Уходим во внутренние воды. Мы сделали что могли. Больше мы здесь ничего не можем сделать.

– А я знаю, что еще можно сделать, – сказал Фемистокл, – надо убедить ионийцев и карийцев, которые сражаются против нас, покинуть персов. И тогда войско Ксеркса сильно уменьшится, и мы без труда их одолеем!

– А как ты сможешь это сделать, Фемистокл? – спросил Еврибиад.

– Я знаю как, – ответил Фемистокл, – у меня есть для этого средство!

Еврибиад пожал плечами:

– В Афинах говорят, что ты хитроумен, как Одиссей. Если у тебя есть такое средство, употреби его.

На другой же день, на рассвете, эллинские корабли пошли от Артемисия к берегам Эллады.

Фемистокл принялся выполнять то, что задумал. Он взял несколько быстроходных афинских кораблей.

– Мы пойдем сейчас по всем бухтам, где есть пресная вода, – сказал он морякам, – ионийцы и карийцы обязательно зайдут в эти бухты. Вот мы там и оставим надписи, напишем все, что не имеем возможности передать устно.

Так и сделали. Корабли Фемистокла прошли по всем пресноводным бухтам, и везде на прибрежных скалах и больших прибрежных камнях афинские моряки вырезали надписи. Фемистокл эти надписи составил заранее.

«Ионийцы! Вы поступаете несправедливо, помогая варварам поработить Элладу. Переходите скорей на нашу сторону! Если же это невозможно, то, по крайней мере, хоть сами не сражайтесь против нас и упросите карийцев поступить так же. А если не можете сделать ни то, ни другое, если вы скованы слишком тяжелой цепью принуждения и не можете ее

сбросить, то сражайтесь не как герои, а как трусы, когда дело дойдет до битвы с нами. Не забывайте никогда, что вы с нами одного племени!»

– Не думаю, чтобы ионийцев тронули наши увещевания, – сказал Эпикрат с грустным сомнением. – Они не посмеют послушаться Ксеркса.

– Может быть, и так, – ответил Фемистокл. – Пусть ионийцы не перейдут к нам, но Ксеркс, увидев наши надписи, перестанет доверять ионийцам. И тогда он сам боясь измены, не допустит их к битве с нами.

– Да, пожалуй, ты прав, Фемистокл, – согласился Эпикрат. – Однако тише, только не вздумай хвастаться этим!

Фемистокл, усмехнувшись, пожал плечами:

– Но если никто не будет хвалить меня, то волей-неволей придется это делать самому!

ПЕРСЫ В ЭЛЛАДЕ

Ксеркс прошел Фермопилы, завалив проход горами мертвых тел.

– Безумцы! – презрительно говорил Ксеркс. – Они возмечтали одолеть мощь персидского царя!

Вскоре после сражения у горячих ключей к царю явились перебежчики из Аркадии. Они пришли проситься на службу к персам. С тех пор как Ксеркс запер Босфор и Геллеспонт и не пропускал идущие в Элладу корабли с хлебом, аркадяне в своей гористой стране умирали с голоду. Измученные и суровые, они, склонив голову, стояли перед царем в своих грубых рыжих плащах.

Ксеркс смотрел на них, прищурился. Видно, плохи, совсем плохи дела в Элладе!

Царь не разговаривал с аркадянами. Вместо него с ними один из царедворцев.

Что же теперь делают эллины? – спросил перс.

– В Элладе сейчас идут олимпийские празднества, – отвечали аркадяне, – эллины смотрят гимнастические и гиппические состязания.[23] Это всенародный праздник.

– Какую же награду получает победивший?

– Победивший получает венок из оливковых ветвей.

Знатный перс Тигран, сын Артабана, недоуменно пожал плечами.

– Только оливковый венок? И никаких денег? – и обернувшись к полководцу Мардонию, сказал с упреком: – Увы, Мардоний! Против кого ты ведешь нас в бой? Ведь эти люди состязаются не ради денег, а ради доблести! Что же это за народ?

Царь метнул на него недовольный взгляд. Трус! Он уже заранее испугался их!

...Войска Ксеркса шли в Элладу по узкой полоске Дорийской земли, направляясь к Фокиде. Проводниками были фессалийцы, давние враги фокийцев.

«Эллины всеми силами помогают мне захватывать их страну, – думал Ксеркс, покачиваясь на ухабах в своей роскошной колеснице, – они предадут ее мне по частям!»

Дорийскую землю не разоряли, это были союзники Фессалии, а Фессалия помогала персам. Зато впереди лежала беззащитная Фокида, и персидские воины уже прикидывали, сколько добра они там нагрябят.

Но ожидания их были обмануты: селения и города фокийские встретили их безмолвием. Фокийцы успели бежать и унести свое имущество. Они ушли на хребет Парнаса, на вершину одинокой горы, куда персам дороги были неизвестны.

Персы в ярости разрушали и жгли все, что могли сжечь и разрушить. Багровый дым пожарищ стоял над Фокидой. Персидские полчища шли по берегу реки Кефиса, и там, где они проходили, огромными кострами вспыхивали фокийские села, святилища, города – Дримос, Харадра, Эрохос... Святилище Аполлона в Абах, полное сокровищ и приношений, разграбили, а храм сожгли.

Наконец войско привалило к фокийскому городу Панопею, стоявшему на развилке двух дорог. Одна дорога вела в Беотию, другая – в Патры, что на Пелопоннесе, и оттуда – на Истм. Ксерксу уже было известно, что главные силы эллинов идут к Истму, поэтому он тотчас разделил свое войско и почти половину направил в Патры с приказом занять Истм, пока туда не пришли эллинские войска.

– Вишь, как зашагали! – переговаривались оставшиеся здесь воины, с завистью глядя вслед уходившим. – Дорога-то на Патры – через Дельфийское святилище. А уж там сокровищ – всего и не унести! Один лидийский царь Крез туда золото таскал без счета!

– Да, там есть что положить в суму!

– Разграбят Дельфы! – вздыхали и царедворцы, тайно сожалея, что это произойдет без их участия. – Все разграбят!

– Не разграбят, – сказал Ксеркс, услышав, как они сокрушаются, – я запретил. В Дельфах – мои союзники.

– Но, царь, как же оправдаются дельфийцы перед Элладой? Если наши войска все кругом разграбят и сожгут, а Дельфы не тронут, так эллины сразу поймут, что тут сидят твои союзники!

Царь небрежно махнул рукой.

– Не мне заботиться об этом. Жрецы найдут способ оправдаться. Сотворят какое-нибудь чудо – им стоит только попросить своего бога!

Дельфийцы, видя, как дым пожарищ с каждым днем приближается к их скалистому городу, в ужасе собрались возле святилища.

– Надо спросить божество, что нам делать. Спасать ли сокровища? Спасаться ли самим?

Жрецы исполнили их просьбу, спросили божество. Ответ был суровым:

«Божество запрещает трогать храмовые сокровища. Бог сам сумеет защитить свое достояние».

Дельфийцы, услышав такой ответ, покинули город и бежали на вершину Парнаса. Божество обещало защитить свои сокровища, но их жизни оно защищать не обещало! В Дельфах остались только прорицатель и служители храма. Они спокойно ждали персов, которым

преданно помогали своими пророчествами.

Ксеркс тем временем двинулся в Беотию, держа путь в самое сердце Эллады – в Афины.

В Афинах еще с ночи завывали собаки, чуя надвигающуюся беду. Народ в тревоге и смятении толпился на улицах. От беотийских границ, погоняя лошадей и быков, запряженных в тяжело нагруженные повозки, спешили поселяне, надеясь укрыть свои семьи и свое имущество в стенах города. Иногда ветер доносил запах гари, и это особенно пугало и угнетало взволнованных людей.

Архиппа металась по дому. То принималась собирать в узлы одежду и постели, приказывала рабыням укладывать в корзину наиболее ценную посуду, то вдруг садилась, опустив руки, – ей казалось, что уже все погибло, что все равно не спастись, персы уже близко... Куда бежать? Где укрыться от них?

Дети не отходили от нее; самый маленький сынок не выпускал из рук ее хитона, – как схватился за ее подол, так и ходил за ней повсюду.

Архиппа послала раба узнать, что делается в Афинах и что там говорят люди. Раб не вернулся. Бежал? Или его взяли в ополчение?

– Фаинида, – попросила Архиппа старую кормилицу, – выйди, узнай, что там в городе.

Фаинида, сухонькая и проворная, быстро вышла на улицу и так же быстро вернулась.

– Ох, беда, беда! Богиня покинула город!

У Архиппы опустились руки.

– Как! Что ты говоришь, Фаинида?!

– Да! Жрица богини вышла из Акрополя. Идет по городу, а в руках у нее лепешка...

– Какая лепешка?

– Ну, та лепешка, которую мы приносим в храм Афины, священной змее...

– А где же змея?

– Так вот, жрица и говорит: «Граждане афинские, вот медовая лепешка не съедена, ее некому есть, священная змея ушла из храма. Храм пуст. Змея ушла за богиней, а след ее ведет к морю. Богиня покинула... нас!..»

Фаинида заплакала.

– Ты сама видела жрицу?

– Я-то не видела, но все соседи видели!

Архиппу охватила нервная дрожь. Если Афина покинула свой город, то, видно, и афинянам придется уходить. Богиня не может защищать их. Теперь и она, потерявшая свою землю, сама беспомощна и беззащитна, как любая афинская женщина...

– Что же делать? Что же нам делать? О Фемистокл, хоть бы ты скорей вернулся!

– А я уже вернулся, Архиппа! – Веселый голос Фемистокла сразу услышал весь дом. – А почему ты не стоишь на дороге и не встречаешь меня, Архиппа?

Дети хором закричали от радости. Сыновья и дочери, бросив все дела, сбежались к отцу. Малютка Никомеда изо всех сил дергала его за руку, требовала, чтобы он посадил ее к себе на плечо. Самый маленький сынок, только что научившийся ходить, приковылял к нему и ухватился за его плащ. Архиппа не выдержала, слезы хлынули ливнем.

– Фемистокл! О Фемистокл!..

А больше ничего не могла сказать.

На другой же день Фемистокла слышали все Афины.

– Граждане афинские, уходите на корабли! Мы не в силах защитить город, спасайтесь сами и спасайте свои семьи. Идите на корабли!

По городу бежали глашатаи, посланные архонтами.

– Граждане афинские, спасайте себя и свои семьи! – кричали они. – Идите на корабли! Спасайте себя и свои семьи!

В городе началось смятение. Афиняне не верили своим ушам. Покинуть Афины, оставить родную землю, идти на корабли? Зачем?

Фемистокл выступал и на Пниксе, и на агоре, рыночной площади.

– Вспомните, что сказал Дельфийский оракул! – убеждал он афинян со всей страстью своего красноречия. – Вспомните:

Гнев Олимпийца смягчить не в силах Афина Паллада,

Как ни склоняй она Зевса – мольбами иль хитрым советом,

Все ж изреку тебе вновь адамантовой крепости слово:

Лишь деревянные стены дает Зевс Тритогенее

Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам.[24]

Корабли – это и есть те деревянные стены, которые будут несокрушимы и защитят нас от врага!

Афиняне, потрясенные тем, что им придется оставить свою родину, не знали, на что решиться.

Но случилось так, что, в то время как Фемистокл выступал с этой речью, на Акрополе, поднявшись со стороны Керамик, появился молодой Кимон, сын Мильтиада, героя Марафонской битвы. Он шел, окруженный товарищами. Прекрасное лицо его сияло. В руках он нес конские удила.

Все Собрание на Пниксе обернулось к нему. Отсюда, с высоты, Акрополь хорошо виден, и афиняне увидели, как Кимон подошел к храму Афины и положил у порога эти удила – он посвящал их богине. Потом вошел в храм и вышел оттуда с одним из щитов, висевших на стене в храме, помолился богине и, спустившись с Акрополя, пошел к морю. Товарищи следовали за ним. Афиняне поняли: Кимон подтверждал слова Фемистокла – не конное войско спасет Афины, а спасут их корабли.

Зловещий дым пожарищ приближался к Афинам, уже было видно и пламя. Горели селения на афинской земле. По городу снова побежали глашатаи:

– Спасайте свои семьи! Спасайте как можете! Спешите на корабли! На корабли! На корабли!

В городе начались крики, плач. Толпы женщин с детьми, немощные старики, рабы со всяким скарбом своих господ бежали по улицам. Грохотали груженные повозки.

Над Афинами печально тянулись волокна дыма. Афиняне жгли все, что не могли взять с собой. Несмотря на то что стоял яркий, сияющий день, казалось, что все вокруг померкло. Печально глядели горы, оливковые сады на склонах затихли, словно в предчувствии беды... Невиданное, ни с чем не сравнимое зрелище – весь город уходил на корабли. Многие не могли сдержать рыдания. Мужественные в бою, теперь они плакали, как женщины, оставляя врагу Афины. С мечами и копьями в руках, они шли, не оглядываясь, потому что нестерпимо было видеть, как пустеют после них покинутые улицы и жилища. Поднимали глаза к Акрополю, чтобы унести в памяти колонны высоких храмов, украшенных цветными фризами и статуями, которые с упреком смотрели с холма, словно умоляя не покидать их на поругание.

Афиняне шли к морю, шли тесно, будто текла человеческая река, спускались с высоких горных улиц, со склонов холмов. По всему городу ревели коровы, пригнанные поселянами. Лаяли и выли собаки, они бежали за своими хозяевами. Хозяева не могли взять их с собой, но они все-таки бежали с жалобным воем, понимая, что их покидают...

Фемистокл провожал в гавань свою семью.

– Куда же мы теперь, Фемистокл? – спросила Архиппа.

– В Трезену. Трезенцы примут вас.

– Вот мы и разорили свое гнездо, Фемистокл! – пожаловалась Архиппа.

Фемистокл вздохнул, он и сам с тоской только что подумал об этом. Он подозвал верного раба, перса Сикинна, который много лет жил в его доме и был учителем его детей:

– Сикинн, ты поедешь с ними в Трезену...

– Нет, нет! – закричала Архиппа. – Ты, Сикинн, пойдешь со своим господином. Ты будешь охранять его в бою!

Увидев, что лицо Архиппы непреклонно, Фемистокл согласился.

– Но сможешь ли ты Сикинн, воевать с персами? Ты ведь и сам перс.

– Но разве не персы бросили меня, раненного, на поле битвы, когда еще в ту войну мы пришли сюда с нашим царем Дарием? Они бежали, оставив меня на поругание врагу. Ты меня взял к себе, ты меня вылечил, ты всегда был мне добрым господином. Я умру за тебя по первому твоему слову!

– Не будем говорить о смерти. Нам не умирать надо, а побеждать!

На это Фемистоклу никто не ответил. Побеждать! Как поверить в невозможное? Да и верил ли он сам в это?

Фемистокл молчал. Нестерпимая тоска давила сердце. Он поднял глаза к Акрополю, мысленно прощаясь с афинской святыней. Там, за высокими колоннами храма, стоит статуя их богини, одинокая, оставленная...

– Поезжайте, я догоню вас, – сказал он Архиппе.

Он свернул в сторону, поднялся на Акрополь. Хотелось еще – в последний раз! – окинуть взглядом с высоты холма свою родную землю, проститься. Кто знает, придется ли ему вернуться сюда!

Он вошел в храм. Богиня Афина сурово глядела куда-то поверх его головы.

– Клянусь Зевсом! – вдруг прошептал Фемистокл. – А где же эгида богини?

Золотая эгида, украшавшая грудь богини, исчезла.

«Спрятали жрецы! – решил Фемистокл. – Спрятали для персов!»

Фемистокл вошел в храм.

Он вошел в маленькую комнату позади святилища. Там было сложено все имущество храма – треножки, светильники, старые расшитые покрывала богини... Фемистокл внимательно осмотрел помещение и не нашел эгиды.

«Значит, унесли с собой...»

В самом углу он заметил ларец. Фемистокл открыл его и отшатнулся в изумлении: ларец был полон золота.

– Так вот что они оставили персам в подарок! – пробормотал Фемистокл. – Я так и знал... Но нет, не персам пойдет это афинское золото, а пойдет оно в уплату нашему афинскому войску!

Он спрятал ларец под плащом и вышел из храма.

Город затихал, умирал. Только старики, которые были уже не в силах держать меч в руках, стояли на холме Акрополя и глядели вслед уходящим. Одни могли бы тоже уйти в Трезену, но не ушли вовремя. Другие никуда не могли уйти, потому что были немощны. Теперь они все надеялись и верили, что деревянные стены, о которых говорил оракул, – именно стены Акрополя, хотя они были всего-навсего колючим плетнем. Старики стояли тихие, как дети, и беспомощно плакали, видя разорение своей древней и славной отчизны.

А в гавани один за другим от берегов Аттики отходили корабли. Семьи афинян переправлялись на Саламин. За одним из кораблей в пролив бросилась собака – ее хозяин плыл на этом корабле. Она из последних сил спешила за триерой. Никто не думал, что она сможет доплыть до острова. Но собака доплыла, вылезла на берег и, не успев увидеть хозяина, упала мертвой.

Корабли увозили семьи афинян и в Трезену, прибрежный город Арголиды. Этот город был когда-то населен ионийцами и поэтому был связан с Афинами узами тесной дружбы.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ ФЕМИСТОКЛА

Еврибиад, бледный, озабоченный, обратился к военачальникам:

– Ксеркс собирает свой флот у Фалер. Надо готовиться к морской битве. Где мы, дадим эту битву? Кто желает – сообщите свое мнение.

Фемистокл, уже заранее продумавший, как и где надо дать морской бой, предложил без колебаний:

– Морской бой надо дать здесь, у берегов Аттики, в Саламинском проливе.

И сразу начался спор. Громче и решительнее всех выступали пелопоннесцы и коринфяне, заботясь о своих городах.

– Аттика уже оставлена – зачем же нам защищать ее?

– Надо спешить к Истму и там дать бой! Надо защищать Пелопоннес, пока еще он принадлежит нам!

– Если мы проиграем битву здесь, у Саламина, то будем заперты на острове!

– Да! И без всякой надежды на спасение. А с Истма мы еще можем спастись – уйдем в свои города и укрепимся там!

Фемистокл, слушая это, не знал, выдержит ли его сердце. Все отступились от афинской земли. Отступились от святилища всей Эллады – афинского Акрополя. Афинские корабли должны уйти к Истму и защищать Пелопоннес, покинув Аттику на произвол врага!

Фемистокл был в отчаянии.

– Но если мы уведем корабли от Саламина, то погибнут все афинские семьи, которые укрылись на острове! Неужели вы пойдете и на это?

В Собрание, расталкивая военачальников, ворвался какой-то человек, бледный, растерянный, в одном хитоне.

– Персы уже в Афинах, – крикнул он охрипшим голосом. – Они жгут Акрополь!

Военачальники вскочили со своих мест. Каждый кричал свое:

– Боги отступились от нас!

– К Истму! Скорей к Истму!

Некоторые из пелопоннесцев не стали ждать, пока вынесут решение, и бросились к своим кораблям, спеша поднять якоря.

Фемистокл еще пытался убедить союзников:

– Поймите, что, защищая Аттику, мы защитим и всю Элладу! Ведь только здесь, у Саламина, в узких проливах, мы можем выиграть битву! Мы знаем наш пролив, и подводные камни, и отмели, персы же их не знают. А у Истма, в открытом море, персы наверняка разобьют нас!

Но его уже никто не слушал. И сам Еврибиад отвернулся от него.

– Решено, – сказал Еврибиад, – дадим битву у Истма.

Многие корабли готовы были отплыть. И лишь наступившая ночь удержала их у Саламина.

С гневным сердцем и поникшей головой Фемистокл вернулся на свой корабль. Его красноречие не победило страха военачальников, его разумные доводы не дошли до их разума. Каждый стремится защитить именно свой. город – и разве не по этой самой причине нынче гибнет Эллада?

Воины-афиняне следили за Фемистоклом тревожными глазами, когда он тяжелым шагом проходил мимо них. Афинский философ Мнесифил, который был на корабле Фемистокла, обратился к нему:

– Друг мой Фемистокл, скажи, какое решение принято на Совете?

– Дать бой у Истма, – хмуро ответил Фемистокл.

Мнесифил задумался.

– Если флот покинет Саламин, – сказал он, – то тебе, Фемистокл, больше не придется сражаться за родину. Ведь сейчас каждый военачальник бросится защищать свой родной город. И тогда никто на свете не сможет уже помешать эллинскому флоту рассеяться. Эллада погибнет от собственной глупости. Поэтому, если есть хоть какая-нибудь возможность, иди, попытайся отменить это решение и убеди Еврибиада остаться здесь. Эллины должны держаться вместе!

Фемистокл поднял голову:

– Флот рассеется? Флот рассеется... Мнесифил, это так и будет – каждый за себя. И тогда нам уже никакой надежды на спасение... Именно это я и должен был сказать на Совете!

Фемистокл тотчас поднялся, чтобы идти к Еврибиаду.

Еврибиад удивился, увидев Фемистокла.

– Зачем ты здесь, Фемистокл?

– Я хочу обсудить с тобой одно общее дело, Еврибиад.

– Что ты хочешь мне сообщить?

– Я хочу убедить тебя остаться у Саламина.

– Ты опять? – закричал Еврибиад и, схватив палку, которой он, как полководец, наказывал нерадивых воинов, замахнулся на Фемистокла.

Фемистокл не уклонился от удара.

– Бей, – сказал он, – бей, но выслушай.

Еврибиад с изумлением посмотрел на него. Кротость Фемистокла обезоружила его. Он отбросил палку.

– Садись.

Фемистокл сел. Еврибиад сел рядом. И здесь, в тиши корабля, когда слова идут от сердца к сердцу, Фемистокл повторил Еврибиаду слова Мнесифила, что, если он позволит военачальникам увести корабли от Саламина, флот их рассеется, а потеряв флот, они все останутся перед врагом беззащитными...

– Прошу тебя, Еврибиад, собери еще раз военачальников и отмени принятое решение, которое погубит нас всех!

Страстная речь Фемистокла убедила Еврибиада. Утром, лишь засветилась заря, он снова созвал Совет.

Фемистокл выступил сразу, не дожидаясь, пока Еврибиад объявит, почему созван Совет.

– Союзники! Не решайте так опрометчиво судьбу Эллады! Вдумайтесь...

– Фемистокл! – грубо прервал его коринфянин Адимант. – На состязаниях бьют палками тех, кто выбегает раньше, чем подадут знак!

– А тот, кто останется позади, не получает венка! – живо ответил Фемистокл.

И обратился к Еврибиаду. Но, чтобы не оскорбить союзников, здесь он уже приводил иные доводы.

– Еврибиад! В твоих руках ныне спасение Эллады! Послушайся моего совета и дай здесь, у Саламина, морскую битву, а не следуй за теми, кто предлагает отплыть отсюда к Истму. Как я уже говорил, у Истма придется сражаться с персами в открытом море, а это нам весьма невыгодно, так как наши корабли числом уступают врагу. А если мы будем сражаться в узком проливе против большого флота, то, по всей вероятности, одержим решительную победу. Ведь сражаться в проливе выгоднее нам, а в открытом море – противнику. Если мы победим на море, то варвары не придут к вам на Истм. Они не проникнут и дальше в Аттику, но обратятся в бегство. И этим мы спасем Элладу. Ведь и оракул нам обещал «врагов одоленье» при Саламине. Когда люди принимают разумные решения, то обычно все им удается. Если же их решения безрассудны, то и божество обыкновенно не помогает человеческим начинаниям!

Адимант то бледнел, то краснел от гнева. Истм – это Коринф. Значит, надо защищать Аттику и покинуть Коринф? Он несколько раз пытался перебить Фемистокла, но Еврибиад не позволял ему этого.

Однако как только Фемистокл умолк, Адимант сказал с прежней грубостью:

– Тому, кто не имеет родины, следовало бы молчать. Еврибиад не должен предоставлять право голоса человеку, лишенному отечества. Ведь прежде чем вносить предложения, Фемистокл должен указать, какой город он представляет!

Тут и Фемистокл утратил свою сдержанность. Упрекать его за то, что Афины во власти врага, – какою же низкою надо иметь душу.

Он резко обернулся к Адиманту и коринфянам, которые стояли за его спиной, и ответил, уже не выбирая выражений и не боясь оскорблений:

– Мой город – Афины. А город Афины и аттическая земля больше, чем Коринф. Мой город снарядил двести кораблей, вот они стоят у Саламина. И ни один из эллинских городов не сможет отразить нападения афинян!

С этими словами он, огорченный и разгневанный, отошел от них и поднялся на палубу своего корабля. И уже отсюда, с высоты палубы, он снова обратился к Еврибиаду, и в голосе его звучала нескрываемая угроза.

– Если ты Еврибиад, останешься у Саламина и покажешь себя доблестным мужем – прекрасно! Если нет – погубишь Элладу. Ведь в этой войне главная наша опора – флот. Поэтому послушай меня! Если же ты этого не сделаешь, то мы, афиняне, немедленно с женами и детьми отправимся в италийский Сирус. Город этот уже с давних времен наш, и по изречениям оракула мы должны там поселиться. А вы, лишившись таких союзников, как мы, еще вспомните мои слова!

Еврибиад внимательно посмотрел на Фемистокла из-под своих нависших бровей. Он понял, что это не простая угроза. Фемистокл – военачальник афинских кораблей, и он сделает так, как говорит.

– Что он грозит там со своим флотом? – закричал Адимант. – Коринф тоже снарядил сорок кораблей!

– Сорок, а не двести, – сдержанно заметил Еврибиад.

– Но я тоже, клянусь Зевсом, могу увести свои корабли!

– Всего лишь сорок, а не двести, – так же сухо отозвался Еврибиад.

– Смотрите, смотрите! – слышались отовсюду голоса. – Сова прилетела! Сова!

Над кораблем Фемистокла появилась сова. Она подлетела с правой стороны и села на верхушку мачты.

– Знамение! – заговорили кругом. – Афина^[25] обещает победу!

Еврибиад со страхом смотрел на сову, которая сидела на мачте, широко раскрыв желтые невидящие глаза. Птица Афины...

– Фемистокл прав, – сказал Еврибиад, – мы остаемся здесь. Битва будет при Саламине.

Прошло несколько дней. Было туманное утро. Малиновое солнце еле просвечивало сквозь густую белую дымку. А когда туман рассеялся, эллины увидели, что персидский флот уже стоит у Фалер.

Вскоре к морю, к Фалерской гавани, подошли и сухопутные персидские войска и на глазах у эллинов заняли весь берег. Было видно, как они, разделившись на отряды, ставят палатки, носят воду, зажигают костры...

И еще эллины увидели, как персы поднялись на гору Эгалесс. Они принесли и поставили на выступе скалистого кряжа царский трон под золотым балдахином – оттуда был виден почти весь Саламинский пролив и царь Ксеркс мог наблюдать движение эллинских кораблей.

Неодолимый страх снова прошел по эллинским лагерям. Бежать! Уходить, пока не поздно! Смерть, гибель стоит перед глазами!..

И снова крики военачальников со всех союзных кораблей:

– Еврибиад! Веди нас на Истм! Идем на Истм! На Истм! Там все наши сухопутные войска! На Истм!

Афиняне молчали. Фемистокл обратился было к Еврибиаду, чтобы напомнить о его решении. Но Еврибиад закричал на него:

– Я достаточно слушал тебя! Что нам защищать здесь? Пустой город? Да и города-то уже нет. Смотри!

В той стороне, где стояли Афины, небо чернело от дыма. Фемистокл замолчал, спазм сдавил горло. Горит Акрополь!

– Сегодня ночью мы уйдем на Истм, – сказал Еврибиад. – Отдайте приказ рулевым, пусть будут готовы. Нам незачем ждать, чтобы персидские корабли подошли и уничтожили нас.

– Это твое окончательное решение, Еврибиад? – спросил Фемистокл.

– Да, окончательное, – резко ответил Еврибиад, не глядя на Фемистокла, – и больше не приходи ко мне со своими предложениями. Нам незачем погибать из-за афинских развалин. Мы будем защищать Пелопоннес. Готовь к отплытию свои корабли.

– Ты не афинские развалины отдаешь врагу, – сказал Фемистокл, – ты отдаешь Элладу!

Но Еврибиад отвернулся от него.

– Так, значит, идем на Истм? – тревожно спрашивали афинские военачальники, когда Фемистокл с удрученным видом вернулся на свой корабль.

– Нет, – твердо сказал Фемистокл, – мы не уйдем отсюда. Если союзники покинут нас, мы останемся у Саламина. Властью стратега, данной мне Афинами, я приму битву здесь, у Саламина, без них.

– Фемистокл, нам одним будет трудно выстоять! И наш эллинский флот во много раз меньше, чем персидский. А если уйдут пелопоннесцы...

Фемистокл, занятый важной мыслью, которая сейчас пришла ему в голову, остановил их:

– Подождите, подождите... Есть еще одно решение. Дайте мне додумать...

Военачальники переглянулись понимающим взглядом и отошли. Их «Хитроумный Одиссей» обязательно что-нибудь придумает.

Фемистокл позвал к себе Сикинна:

– Могу ли я доверять тебе, Сикинн?

– Господин, не обижай меня, ответил Сикинн, – ты знаешь, что я предан тебе и твоей семье. У тебя есть основания сомневаться в моей верности – я перс. Но, кроме того, я твой преданный слуга, Фемистокл. Я столько лет живу в твоём доме, я не видел обиды. Твоя семья мне стала родной. Как же я могу предать тебя?

Фемистокл смотрел ему в глаза и видел, что Сикинн не лжет.

– Тогда слушай меня внимательно, сказал он. – Ты переберешься к персам и велишь провести тебя к царю. Скажи, что несешь важную для них весть. Ты перс, тебе они поверят.

– А что я скажу царю?

– А царю ты скажешь так: афинский стратег Фемистокл перешел на твою сторону и теперь предупреждает тебя, что эллины хотят бежать. И он советует царю лишиться их этой возможности и напасть на них, пока они в затруднении, потому что их сухопутные войска еще не подошли к Саламину. И что если царь нападет на них сейчас, то может истребить весь их флот.

Сикинн, ничему не удивляясь, выслушал Фемистокла, повторил про себя его слова и кивнул головой:

– Я все сделаю, господин.

– Ты должен сделать это до ночи.

– Я иду, господин.

Сикинн поклонился и незаметно исчез с корабля.

День уходил. Блистающее небо начинало меркнуть. Фемистокл, тяжело задумавшись, сидел в своем шатре, стоявшем у самого берега, и ждал. Ждал Сикинна. Ждал надвигающихся событий. Вот-вот наступит тьма, и корабли пелопоннесцев неслышно отойдут от Саламина...

Вошел слуга и сказал, что его зовут. Фемистокл вышел. Перед ним стоял Аристид.

Фемистокл, увидев его, не удивился. Он часто слышал, как афиняне сожалеют о его изгнании. Аристид из тех, кто может помочь словом и делом теперь, когда родина гибнет, и что хуже будет, если он перейдет к персам и станет служить им... Фемистокл слышал это и сам внес предложение вернуть Аристида.

– Войди, Аристид.

Аристид вошел в шатер.

– Я только что с Эгины, – сказал он. – Я поспешил к тебе, чтобы предупредить... Я знаю, Фемистокл, ты никогда не был мне другом...

– Так же как и ты мне, – сказал Фемистокл.

– Да, – согласился Аристид, – так же как и я тебе. Но сейчас, перед лицом страшной опасности, мы должны состязаться только в одном – как бы сделать больше добра родине. Поэтому я поспешил к тебе, чтобы сказать: пелопоннесцы могут теперь рассуждать сколько угодно об отплытии на Истм, это бесполезно...

Фемистокл затаил дыхание, боясь поверить и обмануться.

– Да, бесполезно, – продолжал Аристид. – Я утверждаю, что и коринфяне, и сам Еврибиад не смогут уже отплыть отсюда, даже если бы захотели: мы окружены врагами. Я видел это собственными глазами, когда пробирался сюда. Ступай и сообщи об этом Еврибиаду.

– Ты принес добрую весть, Аристид! – обрадовался Фемистокл. – Ты подтвердил то, чего я ждал и хотел. Ведь все сделалось так, как выгодно для нас. Знай же, что персы поступили так по моему внушению!

И рассказал Аристиду, как он сам через Сикинна надоумил Ксеркса окружить их и Ксеркс попался на Фемистоклову хитрость.

– Я должен был удержать пелопоннесцев у Саламина. Я не собирался предавать их, поверь!

– Ты правильно сделал, Фемистокл, – сказал Аристид, – и я рад, что твоя хитрость удалась. Теперь есть надежда выиграть битву, и лишь только это еще может спасти Элладу!

– Так выйди и скажи им, что мы окружены, что мы заперты. Если я скажу, они не поверят мне, сочтут мои слова пустой болтовней. А тебе поверят.

– Я сделаю это.

Аристид вышел и сразу направился к Еврибиаду. Услышав, что персидский флот окружил их, пелопоннесцы заволновались, они не хотели верить и Аристиду.

– Аристид – афинянин! Ему, как и Фемистоклу, нужно задержать нас здесь, у Аттики!

– Поднимай паруса! Мы еще успеем уйти отсюда!

В это время в пролив ворвалась теносская триера, с острова Тенос.

Начальник триеры Панетия громко, дрожащим от волнения голосом закричал:

– Эллины! Вы окружены, персы заняли все проходы!

Наступила тишина. Теперь уже все поняли и поверили, что путь отрезан. Значит, бой. И уже не к отплытию стали готовиться, а к сражению. Они готовились со всем мужеством насмерть сразиться с врагом, и, может быть, это было мужество отчаяния.

БИТВА ПРИ САЛАМИНЕ

Утром, дождавшись первых лучей своего божества и принеся ему жертву, персидский царь Ксеркс поднялся на скалу и сел на свой золотой трон. Он приготовился наблюдать битву. Отсюда, с высоты, были хорошо видны и остров Саламин, и проливы и скалистые островки, торчащие из воды, и эллинский флот, будто маленькое испуганное стадо, загнанное в узкие саламинские проливы... Видны были царю и его величавые тяжелые разукрашенные корабли. Первым в первом ряду стоял большой корабль карийской царицы Артемизии со множеством воинов на борту. Царица Артемизия была его сатрапом.

Ксеркс, окинув взглядом расположение военных сил, презрительно усмехнулся:

– И эти безумцы все-таки хотят сразиться со мной!

Царя, кроме телохранителей, окружали писцы. Он приказал им внимательно следить за ходом боя и подробно записывать все – кто как сражается, кто побеждает, кто уклоняется от битвы. Он хотел знать имена своих героев, а также имена трусов, изменяющих ему.

Фемистокл со своим даром мгновенно осваивать обстановку увидел, что персы сделали многое, чтобы помочь эллинам. Они, следуя своему стратегическому плану, разбросали флот. Часть кораблей стояла у маленького скалистого островка Пситталии между Саламином и Пиреем, афиняне называли этот островок бельмом на глазу у Пирея. Часть кораблей отплыла к островку Кеосу, что у северного выхода из Саламинского пролива. Финикийские корабли стояли в Элевсинской бухте, севернее Саламинского пролива. А ионийские – между Пситталией и Пиреем, у южного выхода того же пролива. Их флот был раздроблен, рассредоточен. Персы лишились своего численного превосходства, и Фемистокл понял, что наступил тот самый счастливый момент, который персы сами предоставили эллинам и который нельзя упустить.

В то время как царь Ксеркс со своего золотого трона прикидывал ход будущего сражения, афинский стратег Фемистокл приносил жертву возле корабля Еврибиада. Жертва была угодна богам, это подтверждало ярко вспыхнувшее пламя на жертвеннике. К тому же кто-то в это время чихнул справа от жертвенника, это тоже было счастливой приметой. Эллины ободрились, их боги обещали помочь им. И вопреки рассудку у них появились какие-то светлые надежды...

Эллинские корабли выстроились, готовые по первому знаку вступить в бой. Все смотрели на Фемистокла, ждали его команды – ведь это он настаивал на битве при Саламине, и теперь всем уже казалось, что именно он знает, как и когда начать битву.

Фемистокл стоял на палубе своего большого корабля. Он медлил, выжидал, не спуская зорких глаз с персидских кораблей. Но, когда увидел, что персы подошли к проливу, дал команду вступать в бой. Эллинские триеры, дружно взмахнув веслами, ринулись навстречу врагу. И тут же персидские корабли, словно хищные птицы, поджидавшие добычу, напали на них со всех сторон.

Эллины дрогнули, гибель казалась неизбежной. Был страшный момент, когда весла поднялись, чтобы грести к берегу, бежать...

Но тут одна из афинских триер вдруг вырвалась из строя и дерзко напала на вражеский корабль. Корабли столкнулись, триера врезалась железным носом в борт персидского корабля и не могла освободиться. Афиняне, увидев это, бросились на помощь своей триере. Персы, рванувшись им навстречу, влетели в пролив.

Начался бой.

Узкий Саламинский пролив помогал эллинам. Их легкие корабли двигались свободно, увертывались, отходили, нападали... А персидским кораблям было тесно, они сталкивались с треском и грохотом, мешали друг другу, то садились на мель, то налетали на подводные скалы. Сражалась только малая часть флота, все персидские корабли не могли войти в пролив и бесполезно стояли в открытом море.

Персы бились отважно, они знали, что сам царь смотрит на них. Но сражались они беспорядочно, суматошно, с оглушающим криком, тогда как эллины действовали продуманно и умело. Не так давно они стали моряками, но морские битвы у Артемисия многому научили их.

Один за другим рушились, разваливались, уходили под воду тяжелые персидские корабли. Треск разбиваемых судов, проклятия военачальников, голоса гибнущих людей, умоляющих о пощаде, – все сливалось в протяжный и страшный гул.

Треск разбиваемых судов, голоса гибнущих людей — все сливалось в протяжный и страшный гул.

Фемистокл в азарте битвы не видел, как стрелы и копья летят в него с высоких вражеских кораблей. Но он видел, он чувствовал, что эллины побеждают, и радость опаляла сердце. Однако доверять ли неверному счастью сражений?

Но вот уже расстроенная финикийская флотилия, ворвавшись в пролив, пытается пробиться к ионийской эскадре, а эллинские корабли бьют финикийян в проливе, разбивают, топят... А вот эллинская триера гонится за большим персидским кораблем, а тот, убегая, по пути топит свой же корабль.

Смотри, Фемистокл, это бежит царица Артемизия!

– Смотри, она утопила калиндийский корабль! Топит своих союзников!

Афиняне, разъяренные битвой, преследовали и топили вражеские корабли, которые бестолково бросались то в одну сторону, то в другую, пытаясь отбиваться. Спасшись от ярости афинян, они устремлялись к Фалерской гавани под защиту своих сухопутных войск. Но тут их перехватывали эгинцы и жестоко расправлялись с ними. Персы наконец начали понимать, что эллины намеренно заманили их в эти узкие проливы и что персидские военачальники сделали крупную ошибку. В открытом море они были бы непобедимы, а здесь им просто не дают перевести дыхание.

Персы пришли в отчаяние. И как только начало меркнуть солнце и вечерние тени легли на воду, персидский флот всей массой своих кораблей обратился в бегство.

Эллины вернулись к Саламину. Это была неслыханная победа, они еще и сами никак не могли поверить в нее. Усталые, но не чувствующие усталости воины вышли на берег. Разгоряченные боем, они долго не могли успокоиться, вспоминали подробности битвы.

– Ионийцы все-таки придерживали свои копья, – видно надписи Фемистокла затронули их совесть!

– Да ведь и всю битву задумал Фемистокл. Если бы не он, никогда нам не добиться бы победы! Эллада погибла бы.

– А пелопоннесские корабли хотели убежать. Но, говорят, их остановил голос. А кто слышал?

– Ну, кто-нибудь да слышал, если говорят!

– Какой голос?

– Женский голос. Громко так сказал, на всех кораблях там слышали: «Труссы! Доколе вы будете грести назад?» И призрак был. Женщина.

– Это Афина. Афина помогла нам!

– Но без Фемистокла нам и Афина не помогла бы!

Всю ночь на Саламине горели костры. Жрецы приносили благодарственные жертвы. Воины отмывали в море пот и кровь, перевязывали раны, готовили погребальные костры убитым.

Эпикрат, даже не сбросив окровавленных доспехов, поспешил к Фемистоклу.

– Ты великий человек, Фемистокл! – сказал он, обнимая его.

– Почему, Эпикрат, ты можешь хвалить Фемистокла, – усмехнулся Фемистокл, – а мне это делать ты всегда запрещаешь?

– Потому что это может погубить тебя.

Фемистокл внимательно посмотрел на него:

– Ты что-нибудь слышал, Эпикрат, чего я не знаю?

– Нет. Я просто советую тебе еще раз: не требуй для себя славы, отнесись спокойно к тому, что не все оценят тебя, как подобает. Но знай: имя твое навеки связано с этой славной победой. Знай это и молчи, если даже теперь этого многие не захотят признать.

Эпикрат ушел. Фемистокл задумался над его словами, в душе остался неприятный осадок. «Не все оценят, как подобает». Вот как? Но кто же будет оспаривать, что это именно он, Фемистокл, подготовил победу?

Фемистокл махнул рукой. А, этот Эпикрат всегда что-то предвидит, и всегда плохое. Но кто же будет восставать против очевидности?!

Ночью к нему явился Сикинн. Фемистокл от всего сердца обрадовался:

– Ты жив, Сикинн! Ты сослужил Элладе прекрасную службу тем, что помог мне!..

Сикинн рассказал, как он пробрался к персам и как царь благодарил Фемистокла за предупреждение. Но царь так и не понял, что Фемистокл действовал не в его пользу, а в пользу Эллады.

– А как гневался он, когда его корабли побежали! Все время вскакивал с трона от досады. Финикийцы пришли жаловаться, что персы не помогли им в сражении, так он велел всем финикийским военачальникам отрубить головы, чтобы они не клеветали на персов. А ты видел, господин, как Артемизия, убегая, потопила корабль своих союзников? Ксерксу сказали: видишь, как храбро сражается галикарнасская царица – потопила вражеский корабль и никто не спасся! Ну, а раз никто с того корабля не спасся, то и некому обличить ее. Ксеркс поверил, что Артемизия так отличилась в бою, и сказал: «Мужчины у меня превратились в женщин, а женщины стали мужчинами!» С гневом сказал. И с печалью.

СОВЕТ АРТЕМИЗИИ

Ксеркс в угрюмой задумчивости вернулся в свой лагерь, стоявший на берегу Фалерской бухты. Он молчал, насупив густые траурные брови, и никто не смел обратиться к нему и нарушить его грозное молчание.

Войдя в свой обширный, полный прохлады и благовоний шатер, он пожелал остаться один. Странное чувство тревоги не давало ему успокоиться.

«Боюсь я, что ли? Боюсь! Смешно. Разве когда-нибудь я допускал такую мысль – бояться кого-нибудь?»

Ксеркс сердито пожал плечами. Сбросив тяжелое от драгоценных украшений одеяние, он ходил взад и вперед, стараясь разобраться в своих мыслях и чувствах. Что же произошло? Он не победил Эллады. Погибло множество его тяжелых, хорошо снаряженных кораблей, погибло множество его воинов в море, а с ними и его старший брат Ариаман – Артемизия привезла Ариамана на своем корабле и положила к ногам царя мертвое тело. Много погибло воинов и на островке Спитталии: эллинский полководец Аристид переправился с берега со своим отрядом афинских коплитов и перебил там персов всех до одного...

Ксеркс не победил Эллады. Значит, эллины победили его? Нет, это непостижимо. Битва проиграна. Ну, пусть проиграна. Однако что же еще пугает его?

Мосты! Мосты через Геллеспонт – вот откуда грозит ему опасность. Эллины могут разрушить их, и тогда Ксеркс будет отрезан от Азии!

А ему надо спешить в Азию. Приходят вести, что в его восточных сатрапиях восстание. Надо немедленно подавить восстание и наказать непокорных.

И опять – зачем он здесь? Погубить столько войска и хороших кораблей, все море устлано их обломками! И ради чего? Ради захвата этой ничтожной страны. Мардоний, конечно, скажет – ради славы персидского войска. Но Ксеркс сжег афинский Акрополь, разве этого не довольно для славы?

Царь бросился на ложе. Возникли воспоминания о его недавнем шествии по Элладе. Широким фронтом идут его войска по аттической земле, не зная препятствий. И он сам едет в колеснице, предвкушая, как вступит в древний город Афины. Афиняне, конечно, приготовились сопротивляться – Ксеркс сломит их сопротивление. Афины богаты, богаты их храмы. Ксеркс захватит большую добычу и будет вознагражден за то, что не позволил разграбить Дельфы. Правда, о том, что это он сам, царь персидский, запретил разорять Дельфы, не знает никто, кроме тех, кому он отдал этот тайный приказ. Знают другое.

Когда персы вошли в город Аполлона, прорицатель Акерат вдруг увидел, что лук и стрелы

светлого бога вынесены из храма. Кто же мог это сделать, если ни один человек не смел касаться священного оружия? А оно вынесено и лежит на земле перед храмом. Акерат ходил по всему городу и кричал:

– Чудо! Чудо!

А когда персы приблизились к храму Афины Пронеи, опять случилось чудо. С неба вдруг упали огненные стрелы, а с вершины Парнаса скатились две огромные каменные глыбы. В это же время из храма послышались грозные голоса, призывавшие к битве. И персы бежали в ужасе. Тогда Ксеркс, слушая рассказы об этих чудесах, тихонько смеялся:

– Вот вам и объяснение, почему Дельфы остались нетронутыми. Не говорил ли я вам, что жрецы умеют создавать легенды? Иначе за что бы они получали мое золото?

Да. Надо уходить. Но уйти надо так, чтобы никто не догадался, что он отступает. Он – отступает! Он, персидский царь, потомок Кира, Ахеменид, – он отступает. Позор, позор, позор... И во всем виноват Мардоний! Зачем надо было идти сюда? Что он нашел в этих прославленных Афинах? Камни да пустые жилища!..

Безлюдный, опустевший город встретил персов жутким молчанием. Персы сразу побежали толпами по всем афинским улицам, врываются в дома, в храмы. Это было нетрудно – и дома стояли с распахнутыми дверями, в кладовых гулял ветер, ни хлеба, ни вина, ни масла... Разъяренные персы бросились в Акрополь и неожиданно увидели, что в Акрополе есть люди. Вход в Акрополь был прегражден бревнами и досками. Персы разметали их и, размахивая оружием, ворвались в опустевшее обиталище афинских богов.

Навстречу им выступили защитники Акрополя. Это были те самые старики, которые остались здесь из-за своей немощи и из-за своей веры оракулу: их защитят деревянные стены. Жалкие, еле держа в руках копья, они еще пытались сражаться с разъяренными персидскими воинами. Почти все тут же и погибли под их мечами и акинаками. А те, что смогли вырваться из рук врага, сами бросились в пропасть с высокой скалы... После этого по всему Акрополю забушевал пожар. Горело все, что могло гореть, проваливались черепичные крыши, валялись ярко разукрашенные статуи лицом вниз, гибли в пламени священные оливы...

«И все таки не они, а я потерпел поражение! – думал Ксеркс с гневом. – Потерпеть поражение от ничтожной кучки эллинов! Позор!»

А все Мардоний! Что за человек, которому нет на свете покоя! Ведь он уже терпел тяжелые неудачи, его флот разбило у горы Акте, его сухопутное войско разметали фракийцы. Вернулся в Азию с позором. Отец Ксеркса, царь Дарий, когда собрался снова идти на Элладу, отстранил Мардония от командования, а он, Ксеркс, снова поддался этому неумемному человеку. И вот плоды.

Ксеркс застонал, ярость душила его. Теперь он сам, как Мардоний, вернется в Азию с таким же позором...

А ведь надо было послушать не Мардония и не полководцев своих, но царицу Артемизию. Храбрая, умная, хладнокровная. Только она противилась морской битве!

Это был роковой день, когда Ксеркс решил спросить совета у своих военачальников. Пышный был Совет, как и все у персидских царей. Ксеркс сидел на возвышении, на высоком троне, за спущенной занавесью, – не так просто было смертным лицезреть своего царя. Военачальники кораблей, властители племен и городов сидели перед ним, заняв места по чину и по указанию царя. Первым – царь Сидона. Рядом – царь Тира. И дальше – другие вельможи в зависимости от их богатства и влияния.

– Мардоний, спроси каждого, – сказал царь, – давать ли морскую битву у Саламина.

Мардоний начал обходить ряды. Царь Сидона заявил, что битву надо дать немедленно. То же сказал и царь Тира. Те же слова повторили и остальные военачальники. Но царица Артемизия, сатрап большого приморского города Галикарнасса, не согласилась с ними. Мардоний молча слушал, глядя в ее бесстрастное, надменное лицо, будто высеченное из мрамора, с приподнятыми у висков глазами холодного зеленого цвета, с твердым подбородком и жестокой линией рта. Он чувствовал, что Артемизия будет возражать, и боялся этого. Он знал, что царь уважает и почитает царицу, и поэтому еще больше ненавидел ее.

– Мардоний, передай царю, что я говорю так: «Владыка! Щади свои корабли и не вступай в битву».

Голос ее – голос полководца – звучал четко и гулко. Артемизия, зная замыслы Мардония, насмешливо взглянула на него и продолжала еще громче:

– Битва при Артемисии показала, что эллины умеют воевать и на море. Зачем тебе начинать опасную битву? Разве не в твоей власти Афины, из-за чего ты и выступил в поход? Разве ты не владыка и остальной Эллады?.. Если ты будешь стоять здесь с кораблями на якоре, оставаясь в Аттике, или даже продвинешься в Пелопоннес, то твои замыслы, владыка, без труда увенчаются успехом... Но если ты сейчас поспешишь дать бой, то я опасюсь, что поражение твоего флота повлечет за собой и гибель сухопутного войска...

В узких глазах Мардония светились злые искры, зубы сжимались в бессильной ярости. Но он не мог прервать Артемизию, она знала это. И знала, что царь слышит ее.

– Почему я тогда не послушался тебя, Артемизия! – простонал Ксеркс, с досадой стукнув кулаком по золоченому краю ложа. – И что мне делать теперь?.. Проклятие Мардонию!..

В шатер вошел Мардоний и остановился у входа. Царь угрюмо глядел на него.

– Я услышал из твоих уст, о царь, мое имя? – мягко спросил Мардоний. – Ты звал меня? Я здесь.

– Я не звал тебя, – ответил царь, сдвинув брови, – я тебя проклинал.

Но Мардоний будто и не слышал проклятия.

– Владыка, – так же мягко и вкрадчиво продолжал он, – не печалься и не принимай близко к сердцу эту беду! Ведь решительный бой предстоит нам не на море с кораблями, а на суше с пехотой и конницей. Никто из этих людей, считающих себя победителями, не осмелится сойти с кораблей и выступить против тебя!..

Голос Мардония, бархатный и в то же время мужественный, завораживал Ксеркса. Он чувствовал, что снова поддается его увещаниям, сердился и все-таки слушал.

– Если тебе угодно, продолжал Мардоний, – мы тотчас же нападём на Пелопоннес. Желает ли ты подождать? Это также зависит от тебя. Только не падай духом! Ведь эллинам нет никакого спасения. Они все равно станут твоими рабами.

Ксеркс вздохнул и уже более спокойно взглянул на Мардония. Мардоний тотчас уловил этот взгляд и продолжал смелее:

– Не делай, царь, персов посмешищем для эллинов, ты не можешь сказать, что мы где-либо оказались трусами. А если финикийцы, египтяне, киприоты и киликийцы проявили трусость, то в этом поражении персы неповинны. Но если ты действительно не желаешь оставаться, то

возвращайся на родину с войсками. А мне оставь триста тысяч воинов, чтобы я мог завоевать Элладу и сделать ее твоей рабыней.

Ксеркс покосился на него. Не его, Ксеркса, рабыней хочет Мардоний сделать Элладу, а своей рабыней. Но сказать ли ему, что он, Ксеркс, хочет уйти?.. Нет. Пусть думает, что он остается. И все пусть думают так же.

– Я ничего тебе не отвечу сейчас, – сказал царь. – Сначала я созову Совет, а потом приму решение.

«И сделаешь так, как я захочу», – подумал Мардоний, выходя из шатра.

Вскоре Ксеркс приказал построить плотину, чтобы вывести сухопутное войско на Саламин. Подошли грузовые финикийские корабли и стали в ряд от берега до берега. Начались работы. Моряки связывали корабли друг с другом, устраивали плавучий мост. Слух о том, что Ксеркс снова собирается дать битву, пошел по войскам.

Мардоний с тайной усмешкой поглядывал на эти работы. Он знал, что никакой битвы не будет, царь отводит людям глаза...

Ксеркс приказал созвать Совет. Снова собрались цари, сатрапы и военачальники. Но все молчали. Никто из них не мог ничего посоветовать Ксерксу.

– Мардоний, а что говорит Артемизия?

– Артемизия не явилась на Совет, царь.

– Призови ее.

Артемизия вошла походкой воина и низко поклонилась царю, успев бросить полководцам победоносный взгляд.

Ксеркс приказал всем, кроме Артемизии, покинуть шатер. Полководцы, цари, военачальники недоуменно переглянулись и медленной толпой пошли к выходу.

– Пусть выйдут и копьеносцы!

Стража, стоявшая у входа, удалилась. В большом шатре стало очень тихо. Царица Артемизия стояла перед Ксерксом, склонив голову и опустив ресницы. Драгоценный акинак сверкал у нее на поясе, на груди, прикрывая колчатый панцирь, переливались ожерелья. Украшенный золотом шлем она держала в руке, оставив открытыми светлые, посыпанные золотым порошком волосы.

– Садись, Артемизия, – ласково сказал Ксеркс, – мне нужен твой совет.

Артемизия села, подняв на царя прозрачные, косо поставленные глаза.

– Я готова служить тебе, о владыка!

Ксеркс несколько минут озабоченно молчал. Говорить ли о том, что в Персии неблагополучно, или не надо? Пожалуй, не надо. Все-таки – женщина, хоть и умная и храбрая, а все-таки женщина. Не умолчит. А зачем нужно, чтобы весь мир знал, что у него на Востоке мятеж?

– Вот что, Артемизия, – сказал он, – Мардоний советует мне остаться здесь и напасть на Пелопоннес. Он говорит, что персы и сухопутное войско вовсе не повинны в поражении и мечтают на деле доказать свою отвагу. Поэтому он хочет покорить Элладу...

У Артемизии дрогнула маленькая темная родинка у верхней губы и в глазах мелькнула усмешка. Она молчала.

– А мне советует возвратиться на родину. Ты дала мне перед битвой правильный совет – ты отговаривала меня вступать в бой. Так посоветуй же мне и теперь, что следует делать, чтобы добиться успеха.

– Царь! – ответила Артемизия. – Трудно советнику найти наилучший совет. Но в настоящем положении тебе следует, думаю я, вернуться домой. Мардоний же, если желает и вызвался на это дело, пусть остается с войском. Если Мардоний действительно покорит ту землю, которую обещает покорить, и выполнит свой замысел, то это, владыка, будет и твоим подвигом, потому что совершили его твои слуги.

Ксеркс улыбнулся: как раз такой совет он и хотел услышать. Да, царица Артемизия, без сомнения, умнейшая женщина!

– Твой совет прекрасен, – сказал он. – Но я еще подумаю, как мне поступить. А ты, царица Артемизия, нынче возьми к себе на корабль моих сыновей, которые сейчас находятся в войсках, и отвези их в Эфес.

Артемизия, заверив царя, что выполнит его приказание, удалилась. Покинув царский шатер, она с высоко поднятой головой прошла мимо военачальников.

– Если бы царь узнал, как ты, убегая, потопила союзный корабль... – не стерпев ее надменности, начал было сидонский царь.

Но Артемизия, не замедляя шага, прервала его:

– Найди человека с этого корабля, который бы стал моим обвинителем!

И, усмехнувшись, прошла мимо. Она знала, что такого человека найти было нельзя.

Совет, данный Артемизией, укрепил решение царя.

– Выбирай каких тебе угодно людей из моего войска, – сказал он Мардонию, – и, если сможешь, осуществи свои замыслы, а я тем временем возьму Саламин.

Ксеркс глядел куда-то в узор ковра, пряча в глазах лукавство. «Пусть думает, что я затеваю новую битву. И все пусть так думают. А я буду подвигаться к Геллеспонту. Он еще и не знает, что я уже отослал туда свои корабли».

Видя, как царь прячет глаза, Мардоний еле удержал язвительную усмешку.

«Хочет обмануть меня. Не будет он брать Саламин. Он уйдет в Азию. Он думает, что я не знаю, что корабли уже отосланы из Фалера!..»

Мардоний горячо, бархатным голосом поблагодарил царя за доверие и поклялся, что он это доверие оправдает, даже если бы это ему стоило жизни.

ЦАРЬ ИСПУГАЛСЯ

На острове Саламин в лагере эллинов стояла напряженная тишина. Лагерь спал, не снимая оружия: персы могли напасть в любое время. Финикийские корабли перегородили Саламинский пролив. Ксеркс, раздраженный неудачей, может наброситься с новой яростью.

Наученные опытом, персы уже не полезут в узкие проливы, они задумали другое – бросить сюда, на Саламин, сухопутное войско. Эллина умеют сражаться, но их мало... Их так мало по сравнению с армией персов!

Фемистокл проснулся перед рассветом. Сегодня ему приснился его маленький сын. Он требовал, чтобы отец достал яблоко, которое красным шариком висело на верхушке дерева.

«Я не могу достать яблоко, – говорил ему Фемистокл. – Не могу, видишь?»

«А ты протяни руку подальше и достанешь, – отвечал сын. – Я хочу это яблоко!»

Фемистокл тянулся, карабкался на дерево, ветки обламывались под его тяжестью...

«Так достал я это яблоко или не достал? – пытался он вспомнить. – Как же так? Надо было достать!»

Он вздохнул, закрыв глаза. Мучительно, неодолимо захотелось увидеть своих – и детей и Архиппу. Как-то они там? Придется ли им встретиться в жизни?

В его ушах еще звенел голосок сына: «Достань мне это яблоко!» Он улыбнулся мальчику, будто видел его перед собой. Как-то, замученный его своенравием и в то же время гордясь упорством его характера, Фемистокл сказал: «Мой сын – самый могущественный человек в Афинах. Я властвую над Афинами, а он властвует надо мной!»

Фемистокл встал и вышел из палатки. На крыше храма, что стоял над морем у южной оконечности острова, алели окрашенные зарей черепицы. В лагере слышалось неясное движение, там и сям загорались костры.

Фемистокл поднялся на холм посмотреть, как подвигается плотина, которую устанавливают персы. Тяжелые темные корабли стояли сплошной стеной поперек пролива. Отсюда персы полезут на Саламин...

Вдруг в голубом серебре моря возникла черная триера. Она неслась от берегов Аттики. Фемистокл поспешил в лагерь – видно, есть какие-то новости. Афиняне встретили его восклицанием:

– Персидский флот ушел из Фалер!

– Бежал ночью!

– И царь?

– Нет. Только корабли! Явился вестник от Еврибиада:

– Фемистокл, Еврибиад зовет тебя!

Военачальники быстро собрались к Еврибиаду, возбужденные, недоумевающие: почему персы вдруг побежали?

Решение было принято тут же: в погоню за персидскими кораблями!

Эллинские корабли всей стаей поспешили бросились догонять персов. Но у Кикладских островов они потеряли персов из виду.

Еврибиад направил свой корабль к острову Андросу и вышел на берег. Вслед за ним вышли на берег и все военачальники. Фемистокл, возбужденный погоней, гневно бранился вполголоса. Когда надо догонять и уничтожать врага, проклятый спартанец Еврибиад останавливает флот! Сколько еще терпеть это спартанское верховенство?..

Еврибиад тут же, на Андросе, открыл военный совет.

Как им поступить сейчас?

– Я за то, чтобы преследовать персов! – нетерпеливо сказал Фемистокл. – Пройти между островами к Геллеспонту и разрушить их мосты!

Афинские военачальники дружно поддержали его. Но их пылкие речи встретили холодное сопротивление Еврибиада.

– Я не согласен с тобой, Фемистокл, – сказал он. – Разрушив мосты на Геллеспонте, мы навлечем на Элладу величайшую беду. Ведь если персидский царь будет отрезан от Азии и останется здесь, то он, конечно, не станет бездействовать. Он перейдет к нападению, и может случиться, что он покорит всю Элладу, город за городом, народ за народом. Поэтому не разрушать мы должны мосты, уже существующие, но, если бы была возможность, мы бы должны построить еще один мост, чтобы царь как можно скорее ушел из Эллады!

Фемистокл пытался возражать. Но все союзные военачальники поддержали Еврибиада, и Фемистокл понял, что будет так, как решил Еврибиад. Покоряться чужому решению трудно. Но, немного остыв, Фемистокл подумал, что, пожалуй, на этот раз Еврибиад прав.

– Ну что ж, – сказал Фемистокл, – раз такое решение кажется полезным, надо найти средство заставить царя поскорее убраться отсюда, пока он не бросился на Саламин.

«И я, кажется, это средство знаю», – добавил он мысленно.

Фемистокл ушел в свою палатку и велел прислать к нему Сикинна. Сикинн явился немедленно.

– Господин, я здесь.

Фемистокл пристально поглядел в его темные, преданные глаза.

– Ты по-прежнему верен мне?

– Я всегда верен тебе, господин, и моей доброй госпоже Архиппе.

– Ты по-прежнему умеешь молчать?

– Я буду молчать, если даже меня распнут.

– Возьми быстроходную триеру и плыви в Фалер. Пусть все останутся на триере, а ты сойди. Пробрись в глубь страны, к царю Ксерксу. Ты уже был у него, и теперь тебе это будет нетрудно сделать.

– Я это сделаю.

– Когда ты проберешься к царю, скажи ему вот что: «Меня послал Фемистокл, сын Неокла, военачальник афинян, самый мудрый и доблестный человек среди союзников. Он, афинянин Фемистокл, желая оказать тебе услугу, отговорил эллинов преследовать твои корабли и разрушить мосты на Геллеспонте. Отныне ты можешь совершенно спокойно возвратиться домой». И от себя добавь – пусть он поспешит, пока эллины не передумали.

– Господин, можно ли мне задать тебе вопрос?

– Задавай.

– Господин, ты и в самом деле хочешь оказать услугу персидскому царю?

– Конечно, нет. Услуга эта – эллинам. Нам нужно поскорей спровадить перса. Напугай его!

Сикинн исчез. Фемистокл, выйдя на берег, смотрел, как быстроходная триера уходила в море, черная скорлупка среди искристых лазурных волн.

Сикинну и на этот раз удалось выполнить приказ Фемистокла.

– Царь выслушал меня очень внимательно, – рассказывал Фемистоклу перс, – и он испугался! Он испугался, что мосты будут разрушены. Теперь он сразу побежит из Эллады.

Фемистокл кивнул головой:

– Это хорошо.

Вскоре стало известно, что персидская армия тронулась в обратный путь к Геллеспонту. Царь спешил, страх подгонял его, страх, что не успеет перейти по мосту, страх, что эллины нападут на него в дороге и задержат здесь. Мардоний взял у царя самых лучших персидских воинов и остался с ними в Фессалии, чтобы снова завоевывать Элладу. За царем же следовали остатки его армии, воины шли кое-как, вразброд, измученные, павшие духом. Шли, разделившись на племена, так же, как ходили в сражение. Только никто уже не заботился о том, чтобы держать строй и сохранять воинскую выправку. Одежды их износились, выцвели, пропитались пылью, украшения растерялись в боях...

И чем дальше двигалось войско, тем бедственней становился путь. Персы шли по разграбленной, опустошенной стране, которую сами же разграбили и опустошили. Они набрасывались на все съестное, что находили в городах и селах; дочиста выгребали запасы – хлеб, оливки... Убивали скот.

Жители бежали от них, унося все, что могли унести. В армии начался голод. Персы ели траву, лишь бы что-то взять в рот, жевали кору с деревьев, древесные листья... И падали в дороге от истощения.

Но Ксеркс, мрачный и раздраженный, требовал только одного – погонять коней. Колесница его, почти не останавливаясь по целым дням, грохотала на неровных, каменистых дорогах. Он так спешил, что даже на ночь не снимал туго застегнутого пояса.

– Скорей! Скорей к Геллеспонту и за Геллеспонт!

И военачальники, торопя войско, погоняли воинов бичами.

Вскоре измученную, голодную персидскую армию настигло еще более страшное бедствие – появилась чума. Царь с ужасом отмахивался от черных вестей. Он мчался еще быстрее, спеша достигнуть Геллеспонта. Его колесница грохотала по дорогам не только днем, но и ночью. Царь стремительно убегал, теряя войско на всем протяжении пути.

Ворвавшись в Пеонию, царь потребовал священную колесницу, которую он оставил здесь, когда входил в Элладу.

– У нас нет твоей колесницы! – ответили ему пеонийцы. – Ее украли фракийцы, что живут у Стримона!

Царь скрипнул зубами. До чего дошло! У него, у властителя половины вселенной, воруют драгоценную колесницу и не боятся сообщать ему об этом! Нет, скорее к Геллеспонту и за Геллеспонт!

На сорок пятый день Ксеркс наконец увидел синюю воду пролива. Из последних сил мчались его лошади к переправе к мосту, к спасению...

Но, разогнавшись, остановились на берегу. Мостов не было, лишь обрывки веревок висели над водой.

– Как! Эллины успели разрушить мосты?

– Нет, царь, – ответили ему персидские моряки, которые раньше его прибыли на Геллеспонт, – мосты разметала буря.

– Опять! Тогда – на корабли! Немедленно!

Ксеркс вошел в город Абдеры, фракийский город, стоявший на берегу. Жители Абдер встретили его как своего властителя. И только здесь, почувствовав себя в безопасности, царь впервые за все сорок пять дней пути свободно вздохнул и снял с себя пояс.

В Абдерах с войском случилась другая беда. Наголодавшиеся воины набрасывались на еду и теперь умирали от избытка пищи. Но царя это не трогало – он уже в безопасности! Правители Абдер были щедры, почтительны, красноречивы в изъявлении дружбы. Здесь Ксеркс снова ощутил себя владыкой, сжатая страхом душа его воспрянула.

В память своего пребывания и в знак дружбы царь подарил правителям города золотой акинак и свою расшитую золотом тиару. И, взойдя на корабль, переправился на азиатскую сторону, в Абидос. Отсюда лежала прямая царская дорога в Сарды.

Царь был счастлив. Поход в Элладу был страшным сном. Слава богам, этот сон кончился.

«Пусть он там поработает кого хочет, – злорадно думал Ксеркс, вспоминая о Мардонии, – мне же таких строптивых рабов и вовсе не надо. Мало ли мне забот со своими мятежниками? Скорей в Сарды!»

НАГРАДЫ

На Истме, недалеко от богатого торгового города Коринфа, в сосновом лесу, стояло святилище Посейдона Истмийского. Здесь коринфяне справляли в честь лазурнокудрявого бога священные Истмийские игры, привлекавшие толпы народа. Здесь, у алтаря Посейдона, в душистой тени сосен, собирались на Совет посланцы эллинских государств.

Нынче на Истм собрались военачальники кораблей славной Саламинской битвы делить награды. Фемистокл, заранее торжествуя победу, прибыл одним из первых. Взволнованный, не умеющий скрыть своего тщеславия – ему так и хотелось кричать всюду, что ведь это он спас Элладу! – Фемистокл прохаживался под священными соснами святилища, окруженный друзьями. Под жарким дыханием солнца на соснах плавилась янтарная смола. В промежутках меж медно-красных стволов светилось лазурью веселое море, с парусами рыбацких лодок и военных триер.

Триеры союзников подходили и останавливались в Лехее, в гавани, лежащей под городом.

– Богаты коринфяне, – говорил Фемистокл, – они держат ключи от Истма. Торговые пути сходятся здесь. Везут товары из Азии, везут с Запада... Большие деньги оседают в Коринфе. И как правильно они сделали, что построили эти длинные стены от гавани до города! Надо бы и нам в Афинах поставить такие стены.

– В Афинах! – горько усмехнулся Эпикрат. – А где наши Афины?

– Неужели ты, Эпикрат, думаешь, что мы не восстановим их? Как только я возьмусь за управление государством...

– А ты уверен, что тебе дадут управлять государством?..

– Эпикрат!.. – Широкие глаза Фемистокла вспыхнули возмущением. – Неужели ты можешь подумать, что после всего мною сделанного... После того, как я получу первую награду...

– Остановись, Фемистокл.

– Хорошо. Не будем обо мне. Я говорю об Афинах. Надо построить и нам длинные стены от города до гавани. Только не до Фалер, а до Пирея. А еще бы лучше вообще подвинуть Афины к Пирею, к морю!

– Это тебе не удастся, Фемистокл. И никому не удастся. Мы любим свои Афины. Какой же афинянин может себе представить город без нашего Акрополя? Уж и так говорят, что ты оторвал афинян от земли и посадил за весла.

Они шли вдвоем, незаметно отстав от веселой толпы военачальников, прибывших вместе с ними на кораблях.

– Вот и храм Посейдона дает им немалую прибыль, – продолжал Фемистокл, – теперь они стали устраивать Истмийские игры – опять-таки доход. Надо бы и нам...

– У нас – Панафинеи, – прервал его Эпикрат. – Не оскорбляй богиню, не придумывай праздников другому божеству. И вообще, Фемистокл, спустись с облаков. Наши семьи живут на чужой земле, и им некуда возвратиться, потому что мы еще не знаем, есть ли у нас крыша!

Фемистокл вздохнул. При воспоминании об Архиппе, о детях его душа сразу наполнилась нежностью и тоской и руки сами собой поднялись, чтобы принять их в объятия.

– Крыши будут, Эпикрат. Крыши будут. Вот только уладим все эти дела – и возьмемся отстраивать город. Думаю, что наше желание поднять Афины будет горячее, чем было желание персов разрушить их.

Наконец началось голосование – кому из военачальников надо дать награду. Жрецы принесли в жертву Посейдону черного быка. После этого военачальники получили плоские камешки, на которых надо было написать имя того, кого считаешь первым героем при Саламине. Чье имя будет названо чаще, чем другие, тот и получит первую награду.

И случилось то, чего Фемистокл не ожидал, не мог ожидать. Ему казалось, что он ослышался, что он оглох: первой награды не присудили никому!

Вторая награда – Фемистоклу!

– Вторая – Фемистоклу!

– Вторая – Фемистоклу!

Фемистокл стоял неподвижно с сердцем, полным изумления и обиды. Ему – вторая! Ему, спасителю Эллады! Как это могло случиться?

– Очень просто, – сказал Эпикрат, угадав его мысли. – Каждый военачальник к первой награде представляет себя! А умолчать о Фемистокле никак нельзя. Вот и получилось, что твое имя, Фемистокл, повторяется так часто, но вторым.

Фемистокл нахмурился, еле сдерживая гнев.

– Это справедливо? – внезапно охрипнув, спросил он.

Эпикрат пожал плечами:

– У кого искать справедливости? Может быть, у Аристида? Ведь его называют не иначе, как Справедливым. Однако я не слышу его голоса теперь, когда надо показать свою справедливость и оправдать свое прозвище! Но ты должен утешиться Фемистокл: ведь все другие военачальники получили только по одному голосу, да и то лишь тот голос, который каждый подал за себя!

– А то, что эгинцы получили первую награду, расстроено сказал Фемистокл, – это справедливо? Они хорошо дрались, но главный-то бой выдержали афиняне!

Эпикрат вздохнул.

– Наша слава не померкнет, Фемистокл, – ответил он, – никакие награды не дают славы на века, и не награды ее определяют. Славу дают человеку его дело, а твои дела не забудутся никогда, клянусь Зевсом!

Союзники покидали Истм, отправляясь в свои города. Собирались домой и афиняне. Фемистокл был грустен и задумчив, чувствуя себя глубоко оскорбленным.

При голосовании спартанцев было большинство, они и решили исход дела.

«Этого следовало ожидать, – с горечью думал Фемистокл. – Разве они могут допустить, чтобы слава досталась афинянам!»

Может быть, и в Спарте поняли, что они поступили несправедливо, и, чтобы поправить это дело, они пригласили Фемистокла в Лакедемон, чтобы отдать ему заслуженные почести.

Это было настоящее торжество. Никогда Фемистокл не думал, что будет праздновать победу в Спарте. Город у подошвы величавого хребта Тайгета, город без стен, охраняемый только военной славой и силой спартанцев, город-лагерь, нынче был полон веселого праздничного шума. Трубили трубы, заливались флейты. Все жители города во главе с эфорами и царями встречали победителей. Крики приветствий заглушали музыку:

– Слава Еврибиаду! Слава доблестному полководцу Еврибиаду!

– Слава спартанскому войску!

– Слава Фемистоклу! Слава мудрому стратегу Фемистоклу!

Фемистокл был бы счастлив, если бы эти крики раздавались в Афинах.

«Меня чествует Спарта! – с горечью думал он. – Спарта, но не Афины! Не Афины...»

А чествовали его щедро. Сами эфоры, суровые старцы, не жалели для него похвал, говорили о его мудрости, о его предусмотрительности, которая помогла эллинам спасти Элладу.

Еврибиада наградили оливковым венком за доблесть – высшей наградой Спарты.

«А мне что? – тревожно думал Фемистокл. – Опять вторую награду? Клянусь Зевсом, боги, вы несправедливы!»

Но он напрасно тревожился: его тоже увенчали венком из оливковых ветвей – за мудрость. Тут лицо его просветлело – Спарта полностью признала его. А Спарта – это или

могущественный союзник, или опасный враг.

Звонкой вереницей пробежали праздничные дни. Фемистокл собрался домой. Спартанцы на прощание подарили ему самую лучшую колесницу, какая была у них в городе, – пусть явится в Афины, как прославленный герой. Триста знатных спартанских юношей провожали его до самой Тегейской границы. Никогда и никому Спарта не оказывала таких почестей.

Первого, кого Фемистокл встретил, вернувшись в Афины, был Тимодем с острова Бельбины, [26] человек злобный и завистливый.

– Смотрите, Фемистокл в оливковом венке и на лаконской колеснице! Да неужели ты, Фемистокл, и вправду думаешь, что Спарта наградила тебя за твои доблести? Всею своею славой ты обязан только Афинам, но не себе. Не будь ты афинянин...

Фемистокл, обернувшись и увидев с высоты колесницы, кто его поносит, ответил:

– Конечно, будь я бельбинитом, спартанцы не оказали бы мне столь высоких почестей. Но тебя, человеке, они не почтили бы, хотя бы ты и родился в Афинах!

Никогда и никому Спарта не оказывала таких почестей.

ЕЩЕ ОДНА ХИТРОСТЬ ФЕМИСТОКЛА

Со всех сторон – из Трезены, с острова Саламин, из горной страны Аргоса – тянулись повозки, ехали верхом, шли пешие со всяким скарбом, – женщины, дети, старики... Афиняне возвращались в свои родные Афины.

Архиппа, покачиваясь на узлах с имуществом и прижимая к себе младших детей, не переставая плакала. Плакала от счастья, что снова возвращается домой.

В Трезене афинян приняли ласково. Всем нашли кров, всех обласкали. Трезенцы решили содержать их за свой счет, платить им каждому по два обола[27] в день. Богатые люди открыли для афинских детей свои сады – пусть приходят и берут, что им захочется, пусть не чувствуют себя здесь обделенными. А кроме того, трезенцы постановили платить за афинских детей учителям – пусть учатся, как учились дома. Архиппа, глубоко благодарная, говорила детям:

– Дети, помните это. И если трезенцев настигнет беда, помогайте им. Нет порока чернее, чем неблагодарность!

Но как бы ни были приветливы приютившие их люди, чужой хлеб горек и чужие пороги круты. Вне пределов Аттики чем отличались они, афиняне, от жалких и бесправных метеков?

А теперь они снова в своей стране. О боги, примите своих афинян, вернувшихся домой!

Вот и город виден. И Акрополь стоит в сиянии жаркого солнца. Увидев черные после пожараща колонны храмов, обгорелые и провалившиеся кровли, статуи, упавшие в груды камня и кирпича, Архиппа опять заплакала – варвары осквернили их святыни!

Повозка заколыхалась по ухабистой афинской улице.

– Мама, а где мы будем жить? – спрашивали дети. – В нашем доме?

– Если наш дом не сгорел, значит, в нем и будем жить.

– А если сгорел, мама?

– Тогда, может быть, садик остался.

– А если и садик сгорел?

– Но земля-то не сгорела. На той земле и будем жить.

Едва скрипучая повозка въехала в узкий переулок, ведущий к дому, как Архиппа услышала знакомый голос:

– Госпожа! О госпожа!

Им навстречу бежал Сикинн. Еще более желтый, еще более худой, но глаза его полыхали от счастья.

– Сикинн! Дети, это же ваш учитель! Ты жив, Сикинн! А где же Фемистокл?

– Наш господин Фемистокл велел мне ждать, когда ты приедешь. А он – где же ему быть? На Пниксе, конечно. У него очень много дел, госпожа, ведь он государственный человек, и очень прославленный государственный человек!

– Да, знаю, знаю. Нужна мне ваша слава, как же! Мне нужно, чтобы все были живы и все здоровы, а больше ничего мне не нужно, понимаешь ты?

– Но слава тоже нужна, госпожа! – улыбаясь, возражал Сикинн, и его зубы еще ярче белели на потемневшем от загара лице. – Когда творишь славные дела, надо, чтобы их достойно ценили.

– Слава возбуждает зависть, – сурово возразила Архиппа, – а зависть рождает беду!

– Сикинн, а наш дом не сгорел? – спрашивали дети.

– Нет, не сгорел.

– А наш садик?

– И садик не сгорел. Персы не жгли дома. Они сожгли только Акрополь. Там ведь были защитники, сражались с врагами. Вот они Акрополь-то и сожгли.

– А защитников?

– А защитников убили.

Повозка подошла к дому. Соседи уже копошились в своих дворах, вычищали мусор из домов. Ворота Фемистоклова дома стояли запертые на замок, а стена двора лежала грудой желтой глины и кирпичей. Видно, толкнула ее какая-нибудь тяжелая колесница, она и завалилась.

– Крепко же заперт наш дом, – усмехнулась Архиппа. – Смотрите, даже замок висит на воротах. Отпирай, Сикинн!

Сикинн пошарил под кирпичами, достал ключ и открыл ворота. Архиппа, а за ней дети и слуги вошли в засыпанный глиной и осколками кирпича двор. И, стоя среди голых стен своего

жилища, Архиппа сказала глубоким, счастливым голосом:

– Слава богам, вот мы и дома!

Афины чистились, прихорашивались. Незатейливые двухэтажные и одноэтажные дома из камня, из необожженного кирпича или просто из глины, смешанной с рубленой соломой, принимали жилой вид. Снова шумела агора – торговая площадь, снова слуги и рабы смеялись и перебранивались у городского фонтана, уже кое-где слышалась песня, ребятишки носились по афинским холмам, плескались в ручьях, играли в Саламинскую битву... Афиняне, вернувшиеся с войны, снова собирались на Пниксе и обсуждали свои государственные дела.

А дел было много. Фемистокл, побывав в Лакедемонне, ушел оттуда с чувством признательности за почести, оказанные ему, и с тяжелым ощущением опасности, таящейся для Афин в этой воинственной стране.

– Они живут без городских стен, – говорил Фемистокл, выступая на Пниксе. – Их жизнь – или война, или подготовка к войне. Мы живем иначе. Мы воюем лишь тогда, когда враг нападает на нас или на наших союзников, мы защищаемся. А для защиты нам необходима городская стена, от старой стены у нас остались одни обломки. Надо строить новые стены, и строить как можно скорее!

– Ты ждешь нападения персов, Фемистокл?

– Граждане афинские, врагами ведь могут быть не только персы. Разве не случалось, что вчерашний союзник сегодня обращал против нас свое копье? Так что поспешим с этим делом, граждане афинские!

Собрание согласилось с тем, что стены Афинам необходимы, и афиняне немедленно принялись за их постройку.

Но едва они положили первые камни, как в Афины явилось спартанское посольство.

– Наши цари и эфоры поручили нам передать вот что, – сказали спартанцы афинским правителям. – Афиняне, не возводите стен. Вы лучше помогите нам скрыть окружные стены во всех городах, где они есть. Мы заботимся о безопасности всей Эллады, о нашей общей безопасности. В случае, если персы снова вторгнутся на нашу землю, пусть не будет у нас укрепленных городов, где они могли бы закрепиться, как это случилось с Фивами: Мардоний сделал Фивы своей военной базой. А вам, афиняне, бояться нечего. Если персы снова вступят в ваш город, Пелопоннес всегда будет вам и убежищем, и оплотом. Мы ждем вашего ответа.

Фемистокл слушал спартанцев опустив глаза, как бы страшась выдать свои мысли. Он все понимал: Спарта боится усиления Афин. Спартанцы видели, какой сильный у афинян флот, они видели, как отважны и бесстрашны афиняне в бою. Спарта их боится, Спарта привыкла быть первым государством в Элладе и не хочет уступать Афинам своего первенства. Не о персах думают они, а о самих себе. Как продиктуешь свою волю Афинам, если они окружат себя стеной и закроют городские ворота?

Ответа послам не дали. Афинянам самим надо решить, что ответить Спарте.

На Совете правителей Фемистокл сказал:

– После того, что потребовали спартанские послы, нам должно быть еще более ясно, что строить нашу стену необходимо, и как можно скорее, чтобы не зависеть ни от чьих требований. Давайте сейчас отпустим спартанских послов и скажем, что для обсуждения

этого дела мы придем в Спарту свое посольство.

Так и сделали. Спартанские послы ушли, не получив определенного ответа.

В тот же день, как послы ушли, Фемистокл открыл правителям свой план:

– Отправьте послом в Спарту меня. И как можно скорее. Других же послов, которых назначите, не посылайте сразу, помедлите. А в это время пусть афиняне как можно быстрее строят стену. Пусть все поголовно, кто есть в городе, возьмется за постройку. Пусть не щадят ни частных, ни общественных зданий, если они будут мешать. Пусть не останавливаются перед разрушением всего, что может послужить материалом для стен.

– А если придется разрушить твой дом? – спросил Аристид.

– Если надо будет разрушить – разрушайте, – продолжал Фемистокл. – А когда стена будет выведена достаточно высоко для обороны, тогда отправляйте остальных послов в Спарту.

– А ты, Фемистокл?

– А я в Спарте устрою все сам. Я знаю как.

– Я вижу, что ты все так же хитроумен, Фемистокл, – сказал Аристид. – Куда приведет нас твоя изобретательность? Не знаю. Но мне со Спартой ссориться не хотелось бы. – И он с сомнением покачал головой.

Однако правители согласились с Фемистоклом. По городу пошли глашатаи, призывая афинян выходить на постройку стены. А Фемистокл немедленно отправился в путь, захватив с собой верного раба Сикинна.

В Афинах взялись за работу. Тащили камни, кирпичи, глину, все, что годилось для постройки. Укладывали фундамент, не заботясь о красоте кладки, лишь бы было прочно сделано. Стена стала длиннее по сравнению с прежней, поэтому пришлось ломать здания, стоявшие на ее черте. Сносили все без различия – дома, памятники, портики, нарушали кладбища... И все, что годилось, укладывали в фундамент стены, вплоть до могильных каменных плит. Работали без оглядки, с утра до ночи. Афинские женщины, изведавшие горе изгнания, забыли свой гинекей и чем могли помогали строителям. Строилась защитная стена, оборона от врага, оборона Родному городу, который они едва не потеряли!

Фемистокл в это время в белоснежном льняном гиматии расхаживал по улицам Спарты. Его узнавали, его приветствовали. Он любовался мрачной красотой Тайгета, спускался к реке, шумящей прозрачной горной водой. Появлялся на стадиях, где молодежь обучалась военному искусству. Здесь он был особенно внимателен.

«Девушки тоже тренируются, – думал он, любуясь грациозной силой юных спартанок. – Спартанцы правы: чтобы рожать крепких детей, мать сама должна быть крепкой. Это так. Однако я не хотел бы, чтобы мои дочери бегали голыми по стадию...»

Однажды на площади у храма Афины Меднодомной, когда он стоял и разглядывал медные пластины, украшавшие храм, к нему подошел старый эфор.

– Фемистокл, – сказал он, испытующе глядя ему в лицо острыми серыми глазами, – нам известно, что ты уже несколько дней в Спарте. Если ты прибыл послом, то почему же не являешься к нам?

Фемистокл почтительно поклонился эфору.

– Я не могу пока что явиться к правителям государства, – ответил он эфору с самым

правдивым видом, – я поджидаю членов нашего посольства. Но почему они задерживаются так долго, сам не понимаю. Может быть, какие-нибудь неотложные дела...

– Ну что ж, подождем их.

Однако дни проходили, а послы афинские все не являлись. Фемистокла пригласили к эфорам.

– Все еще нет посольства, Фемистокл?

– Все еще нет! – Фемистокл недоуменно пожал плечами. – Я и сам уже устал ждать их!

– А может быть, афинянам выгодно затягивать решение вопроса о вашей городской стене?

– Выгодно? Но почему же?

– Выгодно потому, – резко сказал старый эфор, стукнув об пол посохом, – выгодно потому, что стены в Афинах все таки строятся!

– Этого не может быть!

– Но из Афин пришли люди, они были там по своим делам, и они говорят, что видели собственными глазами – афиняне строят стену!

– Эти люди вводят вас в заблуждение, – ответил Фемистокл, не теряя спокойствия. – Как же мы начнем строить стену, не договорившись с вами? Вот скоро придет наше посольство...

– Так где же оно, это ваше посольство?!

Афинское посольство наконец явилось в Спарту – Аристид, сын Лисимаха, и Аброних, сын Лисикла. Фемистокл искренне обрадовался, увидев их:

– Что там, в Афинах?

– Стена достаточно высока. Поэтому мы здесь.

Фемистокл ликовал. Он обнимал то Аристида, то Аброниха. Аброних отвечал таким же ликованием, но Аристид хмурился:

– Я не люблю обмана.

– Даже если это на пользу нашим Афинам, Аристид?

– Обман никогда и никому не приносил пользы.

– Не буду спорить с тобой, Аристид, – сказал Фемистокл, скрывая обиду, – но и ты не мешай мне довести дело до конца.

– Не буду мешать. Но только в том случае, если твоя горячая голова не доведет нас до беды.

В это время спартанские эфоры снова получили известие о том, что афинские стены уже окружили город и что стены эти уже высоки. Но Фемистокл продолжал уверять спартанцев, что они обмануты.

– Не давайте провести себя лживыми рассказами, а лучше пошлите в Афины людей, которых вы уважаете, людей добросовестных. Пусть они отправятся туда и все разузнают. Тогда вы получите точные сведения о том, что делается в Афинах.

Аброних восхищался самообладанием Фемистокла, восхищался его предусмотрительностью – правильно действует; пусть спартанцы отправят своих послов в Афины, а то ведь, пожалуй, когда обман все-таки откроется, им самим не выбраться из Спарты. А так в Афинах будут заложники. Великий мудрец ты, Фемистокл!

Аристид сидел молча, насупив брови, и краснел от стыда. В каком бессовестном обмане он должен участвовать! Конечно, он понимает, что спартанцы хлопочут о своих интересах, прикрываясь общими, и он понимает, что стена Афинам нужна... Но этот обман трудно перенести, когда всю жизнь привык говорить только правду!

– Неужели вы не верите мне? – продолжал Фемистокл, глядя прямо в глаза эфорам. – Так повторяю вам: пошлите своих послов, да не кого-нибудь, а из своей среды, людей знатных, которых вы цените и которым доверяете!

– Мы верим тебе, Фемистокл, – ответили эфоры, – но послов своих проверить тебя все-таки пошлем.

Проверить, действительно ли в Афинах строится стена вопреки желанию Спарты, поехали послы из среды спартанской знати. А одновременно с ними, только тайно от них, отправился в Афины и Сикинн с поручением Фемистокла.

– Скажи правителям, чтобы они задержали спартанских послов под любым благовидным предлогом. Иначе, я опасюсь, спартанцы могут не выпустить нас из Спарты.

Спартанские послы, важные, суровые, но сохраняющие дружелюбный вид, как и подобает союзникам, вскоре появились в Афинах. Но еще раньше их явился Сикинн, посланец Фемистокла.

Увидев стены окружавшие город, спартанцы переглянулись с негодованием. Они намеревались тотчас вернуться в Спарту, но афинские пританы, вежливые, любезные, и слышать не хотели о том, чтобы так скоро отпустить гостей! И спартанцы поняли, что афиняне их не выпустят, пока не вернутся из Спарты афинские послы.

Фемистокл и его товарищи по посольству Аброних и Аристид решили, что наступила пора обсудить со спартанцами тот самый вопрос, ради которого они и приехали в Спарту. Объясниться с эфорами поручили Фемистоклу. Аристид от разговора уклонился, он слишком дорожил расположением Спарты.

Эфоры в этот день не узнали Фемистокла. Всегда любезный и улыбчивый, нынче он предстал перед ними с гордо поднятой головой. Он открыл свое истинное лицо, лицо афинянина, знающего цену себе и своему народу.

– Афины уже настолько ограждены стеной, – заявил он после необходимых приветствий, – что в состоянии защищать своих жителей. Если спартанцы или союзники желают, они могут отправить послов к афинянам. Но посылайте таких послов, которые сумеют на будущее время различать интересы свои собственные и интересы общеэллинские. Когда мы, афиняне, нашли необходимым покинуть свой город и сесть на корабли, мы решились на это без спартанцев. А когда приходилось совещаться вместе со спартанцами, мы, афиняне, никому не уступали в рассудительности. А теперь мы сочли необходимым окружить свой город стеной. Ведь, не имея обороны, не сможешь участвовать в общих решениях с мало-мальски равным правом голоса!

Эфоры краснели и бледнели от гнева. Афины не пожелали с ними считаться! Афины больше не принимают их гегемонии! А Фемистокл, которого они чествовали так недавно, – он обманул, он провел их! Как они были глухи и слепы!

Спартанцы кипели негодованием, но прятали его под личиной приветливости и уважения. Они могли бы сейчас арестовать афинских послов, но тогда и афиняне посадят в темницу послов спартанских! Проклятый Фемистокл все предусмотрел!

Пришлось отпустить афинян. И в тот день, когда афинские послы покинули Спарту, спартанские послы выехали из Афин.

ВРАГИ СНОВА В АТТИКЕ

– Каково будет Ксерксу, когда ты, Мардоний, зажжешь огни на горах, несущие весть о твоей победе, а? Ты только представь себе это, Мардоний!

Фессалиец Алевад, грузный и осанистый, плотно сидел на большом темно-рыжем гривастом коне.

Мардоний искоса взглянул на него. Светлые глаза хищной птицы, горбатый нос, почти касающийся верхней губы, твердый подбородок, прикрытый пышной, мелко завитой бородой...

«Я понимаю тебя, Алевад, – мысленно ответил ему Мардоний, – тебе нужна эта война, потому что тебе нужна власть над Фессалией...»

Но речи Алевада не пропадали зря. Они вызывали в воображении необычайное, волнующее каждого полководца зрелище – победные костры, которые один за другим вспыхивают на вершинах гор, один за другим вплоть до Геллеспонта, а потом уже и за Геллеспонтом, До самых Сард, где сейчас пребывает царь.

Стояла весна 479 года. Мардоний со своим отборным войском снова шел в Аттику. Снова под копытами его конницы глухо гудела фессалийская земля. Грозное войско блистало доспехами, ряды его двигались четко, размеренно, подчиняясь единой команде. Оно шло медленно, но словно ураган поднимался следом, увлекая за собой жителей городов и селений, мимо которых это войско проходило. Мардоний приказал брать в ополчение всех, кто может держать оружие.

Персидские военачальники, выполняя волю полководца, бичами сгоняли мирных жителей в свои отряды.

Войско Мардония, чем дальше проходило по стране, тем больше разрасталось.

– Я не сомневаюсь, что ты поработишь Элладу, Мардоний, – продолжал Алевад, – ты сделаешь то, чего не смог сделать царь Дарий и не смог сделать царь Ксеркс. Ты докажешь царю, что Дарий, отстранив тебя от командования, сильно ошибся. Ты возьмешь Элладу и станешь полным ее властителем!

Кони мерно ступали рядом шаг в шаг. Сиплый голос Алевада гудел над ухом, как большой шмель, но это не раздражало Мардония. Лесть помогала ему поверить в себя и в успех своего рискованно задуманного дела.

– Скоро вступим в Беотию, – сказал Мардоний.

Алевад понял его.

– Да, я знаю. В Беотии нас ждет спартанский отряд. Вернее, должен ждать, чтобы преградить

нам дорогу в Афины.

Мардоний взглянул на него:

– Ты забыл, Алевад, какую клятву дали афиняне?

Алевад засмеялся, открыв мелкие желтые зубы.

– Ну как это я могу забыть! «Пока жив хоть один афинянин, не будет у нас мира с Ксерксом! Нет на свете столько золота, нет земли столь прекрасной, чтобы мы ради этих благ захотели предать Элладу!» Ну, и еще там что-то...

– Вот тогда же и спартанцы дали слово выставить на нашем пути свое войско. А ты, Алевад, как будто этому не очень-то веришь?..

Алевад отмахнулся:

– Мало ли они давали слов, а потом забывали об этом! Может быть, забудут и теперь.

– Ну нет, – Мардоний вдруг хлестнул коня и поднял его в галоп. – Не забудут! Предстоит трудная битва. Надо готовиться, это враг очень сильный!

Алевад не ответил.

Войско Мардония вошло в Беотию и раскинулось по всей равнине. Мардоний готовился к сражению со спартанцами. Граница Аттики была рядом. И эта граница была открыта.

Мардоний недоумевал.

– Мне донесли, что в Беотии меня встретит войско спартанцев! – сказал он беотийским правителям – беотархам. – Но где же эти прославленные воины? Я вижу, они не пожелали помериться со мной силой.

– Они не вышли тебе навстречу, потому что справляют свой праздник Гиакинфий, – объяснили беотархи. – Они чествуют богов и не могут выйти сейчас на войну.

– Тем лучше, – сказал Мардоний. – Пока они справляют свои праздники, я пройду в Аттику и возьму Афины!

Но беотархи не одобрили его решения.

– Мы хотим так же, как и ты, победы над Аттикой. Но не переступай их границы. Поставь здесь свой лагерь, это самое удобное место для битвы с твоим огромным войском и бесчисленной конницей. В твоих руках будут наши беотийские проходы на Аттику и на Истм. Одолеть эллинов трудно: когда они действуют единодушно, это ты знаешь и сам. Лучше последуй нашему совету – пошли золота правителям Эллады, но так, чтобы об этом никто не знал, договорись с каждым из них тайно. Этим ты внесешь разлад среди них, и тогда покорить их тебе будет легко. Послушайся нас!

Мардоний слушал, мрачно сдвинув брови, в его жестоких, близко поставленных глазах горели темные огни. Подкупить... Взять без войны... А где же слава? А где же сигнальные костры победы?

– Нет. Я возьму Афины боем, – упрямо отвечал он.

– Но это будет тяжелый бой, Мардоний. Ты можешь потерять много войска!

– Все равно. Я возьму Афины. Я возьму Афины и сровню их с землей.

Персидское войско перевалило через границу Аттики.

Мардоний неистово стремился к Афинам, чтобы обрушить на этот непокорный город свой главный удар. Он приготовился к атаке, к штурму, к избиению. Он уже видел, как разваливает афинские стены, как гонит пленных жителей, как поджигает жилища. Он слышал крики, стоны, мольбы о милости, о пощаде...

Его встретила неожиданная, оглушающая тишина. Пустынные поля. Безмолвные, безлюдные, еще кое-где недостроенные стены Афин. Открытые ворота.

Мардоний в бешенстве погнал коня и влетел в город. Город был пуст, дома стояли с закрытыми ставнями, словно закрыли глаза, не желая видеть врага. Лишь кое-где бродили по улицам оставленные хозяевами собаки.

– Проклятие! – закричал Мардоний. – Они опять ушли!

Персы, как бурные потоки воды в половодье, хлынули в Афины. Еще года не прошло, как здесь побывал Ксеркс и сжег афинский Акрополь. Теперь снова персы врывались в афинские жилища и разоряли афинские очаги.

Мардоний послал гонцов в Пирей узнать, что делают афиняне.

– Все афиняне на кораблях, – сказали гонцы, – а их семьи снова на Саламине. Афиняне готовы к сражению.

Мардоний не знал, что делать.

«Может быть, теперь, когда Афины в моих руках, они станут умнее? – думал он. – Может, это исцелит их от их глупого упрямства?»

Мардоний решил убедить афинян покориться без боя. С этим поручением он отправил на Саламин геллеспонтийца Мурихида.

Мурихид вернулся с острова чуть живой от пережитого страха. Его выпуклые черные глаза глядели на Мардония почти бессмысленно, он не мог вымолвить ни слова.

– Приди в себя! – с досадой сказал Мардоний. – Я не знал, что посылаю труса! Что там, на Саламине?

– Они взбесились, Мардоний, – прохрипел Мурихид, – им ничего не стоит растерзать и посла, если они и своих терзают...

– Иди успокойся, а потом придешь и расскажешь все как было.

Позже Мурихид сидел в шатре Мардония и подробно излагал все, что видел и слышал на Саламине.

– Сразу, как только вступил на Саламин, я понял, что успеха у меня не будет. Кругом мрачные, ожесточенные люди, смотрят на меня с ненавистью. Собрался Совет военачальников...

– Фемистокл там был?

– Был Фемистокл. Яростный, как лев. По их разговорам я понял, что они ненавидят нас. И ненавидят Спарту.

– Спарту?

– Да. Ты же знаешь, Мардоний, что спартанцы должны были встретить твоё войско в Беотии, чтобы защитить границу Аттики. А они верны себе. К Марафону опоздали – ждали полнолуния. В Беотию опоздали из-за праздника Гиакинфий.

– Короче. Ты всё сказал, как я велел?

– Мне не дали говорить. Едва я произнес несколько слов, как они уже закричали. Фемистокл сразу набросился на меня: «Афины не сдадутся!» И другие тоже. Один только Ликид, военачальник, выступил разумно: «Что ж, граждане афинские, может, нам лучше не отвергать предложение Мардония? Может быть, представить его предложение Народному собранию?» И что же тут поднялось! «Как смел ты предложить нам рабство? Разве не клялись мы никогда не говорить о мире с нашим давним врагом?.. Ты думаешь, афинский народ может предать свою родину, свои святыни?.. Тебя купили персы, Ликид!» Ликид прикрыл руками свою лысую голову, выбежал на улицу и сразу попал в разъяренную толпу. «Предатель! Смерть предателю!» И тут же закидали его камнями. До смерти. Ликид упал и больше не шевельнулся.

Мурихид умолк, с ужасом вспоминая то, что видел.

– Это всё? – мрачно спросил Мардоний.

– Это ещё не всё, – продолжал Мурихид. – Женщины, как услышали о том, что сказал Ликид, с воплями, с проклятиями бросились к дому, где жила семья Ликида. С камнями в руках они ворвались в дом, не слушая плача детей и мольбы жены Ликида, с яростью убили их камнями. И кричали: «Ступайте к предателю своему мужу и отцу. Семье предателя нет места среди афинян!» После этого я поспешил вернуться к тебе, Мардоний, – закончил Мурихид. – Право, я себе не верю, что остался живым.

СУДЬБА МАРДОНИЯ

Мардоний медленно поднялся на Акрополь, осторожно ступая по усыпанной пеплом и осколками кирпича дороге, идущей в гору. Молчаливая свита сопровождала его, отстав на несколько шагов. Мардоний был хмур и раздражен, он хотел побыть один со своими мыслями и требовал, чтобы ему не мешали. Акрополь. Разрушения, запустение, безмолвие. Разбитые храмы с провалившимися крышами, колонны, которые ещё стоят, будто руки, воздетые к небу в мольбе о мести за совершенное святотатство. Ярко раскрашенные статуи, сброшенные с пьестала.

Мардоний остановился возле них, лежащих во прахе. Женщины с красными волосами, с черными дугами бровей и косо поставленными выпуклыми глазами с красным зрачком... Синие с красным одежды, пестрые узоры на хитонах и гиматиях – клетки, извилины, цветы... Тело, не закрытое одеждой, цвета слоновой кости казалось теплым – афинские художники и ваятели натирали мрамор маслом или воском, чтобы смягчить его блестящую холодную белизну...

«Кто они такие? – думал Мардоний, глядя в улыбающиеся лица поверженных статуй. – Богини? Жрицы эллинских храмов?..»

Ему показалось, что все они смотрят на него с молчаливой насмешкой, будто знают, что все усилия персидских властителей не смогут сокрушить афинское государство, что, вот и поверженные, они все равно сильнее, чем он, Мардоний, который может поставить свою ногу на алтарь разбитого храма...

Мардоний, стараясь стряхнуть наваждение, прошел вдоль обрыва. Отсюда видно было море, синяя искристая вода с белой каймой прибоя. Виден был весь город с его кривыми улицами, с фонтанами, с портиками и черепичными кровлями жилищ. Видна была и вся афинская земля с ее реками, с деревнями, где на пустом току не было зерна, а нивы лежали затоптанные персидским войском...

– Вот и все афинское государство! – сказал Мардоний вслух, забыв, что он один. – Нет, это непостижимо. Государство, которое можно окинуть взглядом до самых его границ, мы не находим сил победить! Или их боги сильнее наших?

Все так же сдвинув длинные мрачные брови, Мардоний вернулся к свите, сопровождавшей его.

– Из Саламина ничего нет?

Персидские вельможи, недовольные промедлением, неохотно ответили, что афиняне делают все для своей гибели – они молчат и ждут битвы.

– Ждут битвы? – сказал Мардоний. – Хорошо. Они ее получают.

И все-таки что-то смущало его. Ему надо действовать без промаха. Если он опять проиграет сражение, ему лучше не показываться перед лицом царя. Надо еще раз попытаться договориться с этими странными людьми, которые ждут собственного уничтожения!

Но когда Мардоний вернулся в тот самый большой в Афинах дом, в котором он жил, к нему явился гонец-скороход.

– Я из Аргоса, – сказал он, задыхаясь от усталости, – Мардоний! Послали меня аргосцы с вестью: спартанское ополчение покинуло Спарту и аргосцы были не в силах помешать их выступлению. Поэтому жди битвы и постарайся как следует обдумать положение... Спартанцы идут!

Мардоний побледнел от гнева.

– Я уже давно все обдумал. Довольно ждать разумных действий от безумного народа!

Он тотчас призвал военачальников и отдал приказ отвести войска обратно в Беотию, где много съестных припасов, где народ им дружелюбен, а их широкая равнина удобна для сражения. А уходя из Афин, предать их огню и разрушению. Пусть больше не будет этого города на земле!

Изголодавшееся в скудной и опустошенной стране Аттики, персидское войско охотно отошло в Беотию, а на месте Афин после ухода персов остались разрушенные дома и черные пожарища, дым и пламя, и красная, пронизанная огнем пыль долго стояла над развалинами славного города. Глядя на это зарево, афиняне плакали на Саламине.

Мардоний привел войско на беотийскую землю и стал лагерем на равнине вдоль реки Асоп. Чтобы коннице было свободно действовать, он приказал вырубить оливковые рощи, главное богатство эллинской земли. Беотийцы терпели: что ж делать, персы – их союзники. И в то время, как оливы с треском и стоном валились под топорами персидских воинов, фиванец Аттагин, сын Фринона, устроил у себя в саду, в Фивах, богатый пир для Мардония и для его знатнейших вельмож.

Пир продолжался всю ночь, а наутро, когда солнце осветило вершины горной гряды Киферона, персы увидели на склонах блеск оружия эллинских войск. Спартанский стратег Павсаний, сын Клеомброта, перевалив через вершину горы, остановил войско, не спускаясь в долину. Две армии стояли друг перед другом: персы – на холмистой беотийской равнине по

берегам многоводной реки Асопа, а эллины – на склоне горы.

Отрядом персидской конницы командовал Масистий, самый красивый, рослый и отважный военачальник во всем персидском войске.

Масистию не терпелось начать битву. Он первым, впереди своего отряда, погнал коня к позициям врага. Золотой чешуйчатый панцирь, пурпурный хитон, подпоясанный золотым поясом, золотая уздечка – все сверкало на нем под жарким пламенем солнца. Персы, стараясь побольнее оскорбить эллинов и вызвать их на бой, насмешливо кричали:

– Труссы! Труссы! Труссы!

Афиняне стояли тесным строем, щит к щиту. Взлетело железное облако персидских стрел и, падая вниз, загремело о поднятые над головой щиты. Но тут же взлетело железное облако эллинских стрел и упало на головы персов. Вслед за ними полетела еще одна стрела и ударила коня Масистия. Жалобно звякнула золотая уздечка, конь зашатался и упал со стрелой в бок, подминая своего всадника в пурпуровом хитоне.

Афиняне тотчас бросились на него.

– Масистий убит!

Но Масистий, окруженный тесной толпой врагов, чьи копья и мечи взвивались над ним, не сдавался. Он размахивал своим драгоценным акинаком, сверкавшим самоцветами. Раненые валялись вокруг него, он выдерживал тяжелые удары, однако никто даже ранить его не мог – золотой панцирь защищал Масистия. И эллинам в их бесплодных усилиях уже казалось, что он бессмертен.

Но вот один из афинских воинов ударил его мечом в лицо, и Масистий упал мертвым.

Персидские всадники, когда увидели, что Масистий убит, всей массой с воплями бросились отбивать его тело. Но тут все эллинское войско хлынуло со склона горы на помощь афинянам. Много воинов легло вокруг тела Масистия, и персов и эллинов.

Мардоний был поражен – погиб Масистий! Над всей равниной, занятой персидским лагерем, стоял скорбный стон. В знак печали персы остригли себе волосы, отрезали гривы коней и мулов. И сам Мардоний отсек акинаком локоны своих маслянисто-черных кудрей.

А в лагере эллинов ликовали. Тело Масистия, человека огромного роста и необычайной красоты, возили по отрядам, чтобы все воины видели, какого врага они сокрушили.

– Смотрите, это Масистий! Смотрите, он пал от нашей руки. Так же падет и Мардоний!

Это зрелище придавало эллинскому войску бодрость и уверенность, каждый воин казался себе сильнее, чем он был. Высоко поднял голову и спартанец Павсаний, сын Клеомброта, военачальник союзных войск.

Но стоять эллинам на отрогах гор было трудно: не хватало воды, не хватало съестных припасов. Персы перехватывали их обозы в горных проходах, ни днем, ни ночью не подпускали их к реке. Воду эллины добывали только украдкой.

Павсаний уже решил было менять позиции, как вдруг ночью в их стан снова явился одинокий всадник. И то же самое предупреждение прозвучало во тьме:

– Слушайте вы, эллины, будьте готовы – завтра Мардоний нападет на вас. А я – Александр, сын Аминты, царь македонский. И если Зевс дарует вам победу, то не забудьте, что я, как друг, предупреждал вас.

С этими словами он исчез. Это было как один и тот же повторяющийся пророческий сон... Сын Аминты уже предупредил их однажды о грозящей опасности, явившись ночью к ним в лагерь, стоявший в Темпейской долине.

А накануне этого дня, вечером, у Мардония был военный Совет. Терпение Мардония истощилось. Он кипел яростью, он жаждал битвы и мести.

Фиванцы на Совете повторяли свое:

– Перехватывай обозы, подкупай эллинских военачальников, и ты без крови победишь эллинов.

Но Мардоний приказал готовиться к бою. Битва начнется завтра утром, как только взойдет солнце и персы принесут божеству свои жертвы и молитвы.

А когда на утренней заре персы переправились всем войском через Асоп и подошли к горам, они увидели, что на склонах Киферона остались только черные остывшие круги от костров.

– Эллины бежали!

Мардоний бросился в погоню со своими отважными персидскими отрядами. Следом за ним повалило его пестрое, шумное, беспорядочное войско.

Эллины шли к Платеям,[28] туда, где сходятся горы Киферона и Парнеса и где много воды.

Военачальник афинских отрядов Аристид шел со своим войском по глубокой долине. Он считал, что совсем незачем шагать на виду у персов, а лучше появиться внезапно там, где персы не рассчитывали их увидеть.

А Павсаний вел спартанцев по гребню горы, и Мардоний еще издали увидел острый блеск их копий.

И снова два войска, персидское и спартанское, стояли друг против друга. Павсаний, волнуясь, ждал, что скажет жрец, который стоял у алтаря и рассматривал внутренности жертвенной овцы. Жрецы нередко помогали на войне полководцам. Воины верили их предсказаниям, они смелее шли в бой, если знали, что боги обещают им помощь.

Жрец не спешил дать благоприятное предсказание. Он знал, что позиция их более выгодна для того, чтобы защищаться, но не для того, чтобы нападать. Он выжидал – может быть, персы тронутся первыми. И, стоя над жертвенником, он хмуро качал головой:

– Жертва неблагоприятна.

Однако Павсаний увидел, что выжидать больше нельзя, войско нетерпеливо рвется в бой. Тогда он обратился в сторону Платей, где возвышался храм богини Геры.

– О Гера! – громко воззвал он. – Ты видишь, мы оказались одни, без союзников, перед таким страшным врагом. О Гера, помоги нам!

Жрец, услышав молитву Павсания, тут же заколол еще одну овцу и, заглянув на жертвенник, радостно вскрикнул:

– Жертва угодна богам!

Спартанцы восторженно встали, мгновенно построились к бою. И Павсаний немедля повел на врага свои тесно сомкнутые фаланги.

Персы тем временем установили защитный заслон из копий и щитов. Прячься за этим

заслоном, они пускали стрелы навстречу спартанцам. Но это не остановило спартанского войска, они шли на рукопашную.

Началась кровопролитная битва. Защитная ограда персов тут же свалилась. Персы изо всех сил старались сломать строй фаланги. Они бросались на спартанцев и массами и в одиночку, хватались руками за их длинные копья – у персов копья были короче – и ломали их. Мардоний на белом коне с тысячным отрядом самых знатных и самых отважных воинов бросался туда, где страшнее свирепствовал бой...

Однако спартанцы, как всегда, сражались не только мужественно, но и умело. Если строй прорывался, они тут же снова смыкали ряды. Их железной рукой держал спартанский закон: или победы, или умри. И они умирали, не покидая строя. Тяжело вооруженные, они отражали атаки легких персидских копий, а у персов тяжелого вооружения не было.

Мардоний не хотел видеть, не хотел понять, что его огромное войско бессильно перед этой железной спартанской фалангой. Он с криком бросался в бой, он поспевал всюду, ему казалось, что он один может сокрушить эту горсть эллинских воинов, ему казалось, что эллины уже давно должны были бы лежать на кровавой земле. А они стояли, они отражали атаки и нападали сами.

«Люди ли это? – с тайным ужасом думал Мардоний. – Или демоны невидимо помогают им?»

Но еще удар, еще атака. Снова рукопашная.

Мардоний дрался в самой жаркой схватке битвы, с ненавистью топтал конем эллинских воинов, рубил их мечом направо и налево...

В это время спартанец Аримнест схватил большой камень, изловчился и ударил Мардония в висок. Солнце в глазах Мардония сразу погасло. Выпустив из рук золотые поводья, он свалился под ноги своего белого коня. А вскоре и вся его отважная свита, защищавшая его, легла вокруг своего полководца.

Когда персы увидели, что Мардония уже нет, они всей массой обратились в бегство. Они бежали по холмам, по равнине, бросались в Асоп и переплывали его. Они стремились обратно в свой укрепленный лагерь... Спартанцы, не нарушая строя, плечом к плечу, твердым шагом следовали за ними.

В это же время афинян в узкой долине подстерегли фиванцы. Сражаясь с ними, афиняне не успели прийти на помощь Павсанию под Платеями. Но теперь, отбив фиванцев, они тоже спешили к персидскому лагерю. Спартанцы уже дрались там.

Эллинские войска соединились. Общей силой они взяли лагерные укрепления и уничтожили остатки персидских войска.

На кровавой беотийской равнине наступила странная, наполненная дыханием смерти тишина.

Павсаний, еще не совсем веря своей победе, стоял над телом Мардония.

– Вот человек, который хотел поработить Элладу, – сказал он, – и вот он лежит, сраженный, на эллинской земле...

К Павсанию подошел знатный эгинец Лампон, сын Пифея.

– Сын Клеомброта! – сказал он Павсанию. – Ты совершил подвиг небывалый, столь велик он и славен. Теперь тебе остается довершить остальное. Ведь Мардоний и Ксеркс велели отрубить голову павшему при Фермопилах Леониду и пригвоздить его тело к столбу. Если

ныне ты воздашь тем же Мардонию, ты отомстишь за Леонида!

Но Павсаний отрицательно покачал головой.

– Эгинский друг мой, – ответил он, – я ценю твою благосклонность ко мне. Однако ты ошибся, дав свой совет. Так поступать приличествует варварам, но не эллинам. Что же до Леонида, отомстить за которого ты призываешь, то мне думается, он вполне отомщен. Он сам, вместе со всеми павшими при Фермопилах, почтен бесчисленным множеством убитых здесь врагов. А ты, Лампон, впредь не являйся ко мне с подобными предложениями и будь благодарен, что на сей раз это тебе сошло благополучно!

В то время Павсаний еще был высок душой и без коварства предан своей родине.

СНОВА ДОМА

Скрипят колеса, покачивается повозка. Архиппа покачивается вместе с повозкой, прижимая к себе маленького сына. Взрослые сыновья едут верхом впереди, ей слышен глухой стук копыт по мягкой пыли дороги. Дочери, закутавшись в покрывала, сидят тесно друг к другу за ее спиной. Она чувствует их сонное тепло, они устали, спят.

Архиппа тоже устала. Устала ночевать в чужих домах, устала от тяжелого опасения за жизнь своей семьи, своего мужа... Устала от слез по родному городу, пожарище которого так долго окрашивало тучи в багровый цвет...

Вот бы уже и радоваться: персов прогнали, прогнали проклятого врага, бросившегося на них из-за моря. Прогнали с большим позором! После морской битвы при Саламине была битва сухопутных войск у города Платеи, где эллины снова разбили персов. Была битва и у мыса Микале, где эллины еще раз разбили персов и сожгли их флот... Победа, полная победа!

Но где взять силы, чтобы радоваться освобождению? Сердце устало, нервы устали.

И еще одно тихонько подтачивало душу. Главное командование отдано Павсанию. Афинское войско под Платею повел Аристид. В битве при Микале командовал Левтихид. А Фемистоклу не дали никакой стратегии. Оказывается, Фемистокл, хоть он и архонт афинский, воевать не умеет. Оказывается, не ему обязаны успехом в битве при Саламине и не он заставил афинян построить корабли, которые спасли Афины... Вот так!

А ведь все ясно. Спарта все еще командует Элладой, Спарта влияет на распределение стратегий даже и в Афинах. И Спарта не может простить Фемистоклу обмана, когда вопреки их желанию он все-таки построил афинскую стену. Спартанские цари и эфоры поняли, что Фемистокл не будет плясать под их флейты, потому что он хочет возвысить Афины и освободить их от всякой зависимости, а особенно от спартанской. А вот Аристид будет. Он любит Спарту. И Кимон, которого Аристид теперь всюду продвигает, тоже любит Спарту. Их поддерживают богачи рабовладельцы, поддерживает аристократия, сильная, жадная и жестокая. Что же будет с Фемистоклом, кто в Афинах поймет его, кто поможет ему защищать их свободу, их афинскую демократию? Что будет с Фемистоклом, если богачи и аристократы захватят власть?

Фемистокл умчался к Афинам на колеснице. Может быть, не все сгорело в городе. Может, на счастье, их дом уцелел и, как прежде, на воротах у них висит замок... Ох, хоть бы крыша была над головой, своя крыша!

Однако когда повозка, следуя за повозками и вьючными животными, идущими впереди,

покатилась по афинским улицам, Архиппа поняла, что надежды ее напрасны. Города не было, были обгоревшие, черные обломки стен, разрушенные очаги, обуглившиеся стволы деревьев, не так давно осенявших прохладой и тенью жаркие улицы... Копыта лошадей мягко ступали по серому пеплу пожарища. И над черными развалинами города такое же черное, разрушенное, разоренное святилище – Акрополь...

Города не было, была обгоревшие, черные обломки стен, разрушенные очаги...

Афиняне разъезжались и расходились по своим улицам, по своим домам, которые перестали быть домами. С печальным сердцем подъехала Архиппа и к тем развалинам, которые так недавно были ее домом. Черепичная крыша провалилась внутрь здания, стояла только одна задымленная стена. Двери лежали на земле, но на них по-прежнему висел замок. Это развеселило Архиппу.

– Дети, смотрите, наш дом стоит на запоре!

Мальчик прыгал по лежащим дверям и звонко смеялся. Но старшие дети, дочери и сыновья, молча смотрели на свой разрушенный дом.

– Мама, где же мы будем жить?

Снова тот же вопрос: где жить?

Фемистокл вместе с Сикинном и слугами расчищали пожарище. Увидев, в каком смущении стоят его дети, он засмеялся:

– Вот как! Вернулись домой, в свой родной город, и горюют! Беритесь-ка за работу. Как это – нет у нас дома? Видите, одна стена стоит. Пристроим еще три, вот и будет у нас дом. А пока проживем в палатках. Как на войне.

И сразу все ожили. Фемистокл был так счастлив, семья его не погибла, и город его не погиб, и снова они на родной земле, что его настроение передалось всем. Сыновья тотчас бросились помогать ему, Архиппа принялась налаживать очаг, на котором можно сварить обед, дочери стали развязывать узлы, встряхивать и проветривать одеяла, покрывала, плащи...

Архиппа, велев служанке смотреть за очагом, вышла оглядеться. Отсюда, с их гористой улицы района Мелиты, ей было далеко видно. Афины снова шумели, народ копошился на своих участках. Среди пожарищ и развалин домов снова повсюду слышались голоса – где-то пели, где-то смеялись или громко переговаривались. А кто-то плакал в голос и упрекал богов: война не проходит без горя и без тяжелых утрат...

– О Афина! – вздохнула Архиппа. – Защити нас, защити наших детей!.. И не покидай больше своего города!

Архиппа была убеждена, что богиня вернулась в афинский Акрополь, ведь и она на чужбине не имеет ни силы, ни власти, чтобы помочь своему народу.

Город восставал из пепла. С каждым днем все приходило в порядок, поднимались дома, расчищались улицы, начинали журчать и плескаться фонтаны на площади и во дворах. Вскоре в Керамике задымилась печи горшечников, там и сям вставали расписные портики. И мало-помалу устраивались храмы Акрополя. Но это было труднее – у афинян еще не было ни

денег, ни сил.

Фемистокл был в плену государственных забот и планов. Восстановить стену вокруг Афин. Оградить стеной Пирей и перевести сюда из Фалер стоянку флота – здесь, в Пирее, три удобные гавани...

За Пирей ему много пришлось бороться. Он убеждал афинян, убеждал архонтов, как Афинам нужен и выгоден Пирей. И главным его противником, как всегда, был Аристид. Это была борьба двух партий – демократии, к которой принадлежал Фемистокл, и аристократии, к которой принадлежал Аристид. Землевладельцы во главе с Аристом по-прежнему стояли на том, что не годится уводить афинян к морю.

– Фемистокл хочет, чтобы наш город был приспособлен к морю, – говорили сторонники аристократии, – но это неправильно. вспомните спор нашей богини Афины с Посейдоном. Афина принесла народу оливу – и победила. Она хотела, чтобы афиняне занимались земледелием. Зачем же отрывать нас от земли и бросать на море вопреки ее воле?

– Не так толкуете этот спор, – возражали сторонники демократии и Фемистокла. – Посейдон – конник, покровитель коневодства, а значит – аристократии. А богиня Афина – богиня крестьян и ремесленников, она встала на сторону простого народа. Так и власть в Афинах должна принадлежать простому народу, демосу. И не только крестьянам и ремесленникам, но и матросам, келевстам – начальникам гребцов, рулевым. И как победила Афина Посейдона, так победит теперь аристократию демос!

Фемистокл добился-таки, чтобы стена у Пирея была построена. Руководить постройкой стены поручили ему и Аристиду. И, как всегда, бранясь и ни в чем не соглашаясь между собой, они вместе строили стену.

– Все-таки ты делаешь, Аристид, то, что задумал я, – говорил Фемистокл. – Я решаю, а ты выполняешь.

– Я выполняю то, что мне поручено, – сдержанно отвечал Аристид, – хотя вовсе не согласен с этим делом. Ты нарушаешь старые обычаи, заветы наших древних царей. Они приучали афинян жить земледелием, а ты толкаешь их к морю. Ты поплатишься за это, боги не прощают тех, кто нарушает течение дел, положенных исстари.

– Ну что ж! – Фемистокл смеялся. – Я поплачусь. Но народ наш станет самой сильной морской державой. Этому-то и боится Спарта, которой ты так привержен.

– Да, я дорожу этой дружбой. Смотри, Фемистокл, не пожалеть бы тебе, что ты эту дружбу потерял!

– Да. Дружбу Спарты я потерял. Но потерял ее не ради своей личной выгоды, а ради славы и силы Афин.

– Ты отнял у Афин сильного союзника, какой была Спарта.

– Союзник ли это, если он стремится диктовать свою волю нашему государству? Вряд ли! Подумай об этом. И если ты Справедливый, так будь справедлив.

Аристид умолкая первым. Пожав плечами, он с кротким видом отходил прочь. Однако Фемистокла этот кроткий вид не мог обмануть. За этой благородной внешностью, тихим голосом и кажущейся уступчивостью таилась железная воля.

Но друзья не оставляли Фемистокла.

– Эй, Фемистокл, когда построишь эту стену, что придумаешь еще?

– Буду строить вторую стену, Эпикрат! Пусть тогда кто-нибудь попробует осадить Афины. У нас будет безопасный путь прямо к морю!

Эпикрат подошел и сел на большой камень, лежавший у дороги. За время войны он несколько постарел, но щеголеватый афинянин снова завивал кудри и носил яркие плащи.

– Фемистокл, когда же ты подумаешь о подпорке?

– О подпорке? А разве я так обветшал, что мне нужна подпорка? О чем ты говоришь, Эпикрат?

– Аристид тоже еще не обветшал, но он о своей подпорке позаботился.

Фемистокл на секунду задумался. И вдруг понял.

– Ты говоришь о молодом Кимоне?

– Да, Фемистокл. Как я погляжу, Аристид уступать тебе не собирается. А наоборот, подбирает себе союзников. Кимон, сын Мильтиада, героя Марафона. Благородный юноша. Приветливый. Щедрый. Наш народ любит таких правителей...

– Правителей?

– А разве не видишь ты, Фемистокл, что Аристид всюду его выдвигает? Как только есть возможность возвысить Кимона, он тотчас предлагает его! А Кимон, сам знаешь, влюблен в Спарту, и Спарта любит его.

Фемистокл задумался. Да, это так. Он уже давно замечает эту дружбу. Впрочем, Эпикрат прав: это не дружба, это политический союз. Аристид рассчитал правильно: Кимон – та самая счастливая кость, которая может выиграть игру. Кимон будет ему сильной поддержкой против Фемистокла, против демократии... Афиняне и сами не заметят, как Спарта снова наложит на них свою тяжелую руку и снова начнет диктовать им свои желания. Если бы афиняне понимали, как он, Фемистокл, боится этого и как он борется за независимость Афин, они бы снова изгнали Аристида! Но Аристид – благородный, Аристид – справедливый, Аристид – бескорыстный. Когда Аристида подвергли суду остракизма, один неграмотный поселянин, не зная его в лицо, попросил: «Напиши на черепке имя Аристида, я за то, чтобы его изгнать», – Аристид поставил на черепке свое имя. И вот уже который год вспоминают об этом: «Вот какой он честный!» И не видят за всеми этими прекрасными словами, что Аристид предает их свободу!

– Ничего, Эпикрат! Я еще живой, я еще могу действовать. Но не так-то просто сейчас свалить меня – все-таки я спас Афины при Саламине, народ еще не забыл этого.

– Еще не забыл. Однако я уже не раз говорил тебе, Фемистокл, никто не любит, чтобы напоминали о сделанных им благодеяниях. Сделал кому-то что-либо хорошее – и забудь об этом. Забудь. А ты, как я слышал, опять напомнил об этом на Пниксе. В крупных делах у тебя, Фемистокл, находится множество хитростей, а вот чтобы защитить себя, у тебя нет даже самой маленькой хитрости в запасе. Не кричи повсюду: «Граждане афинские, не забывайте, что это я спас Афины!» А наоборот. Тебе скажут: «Фемистокл, ведь это ты спас Афины!» А ты сделай удивленные глаза и скажи: «Вот как? Когда же это было? Не помню, чтобы я так уж отличился!»

Фемистокл засмеялся.

– Эх, Эпикрат, легче советовать, чем выполнять советы!

– Я знаю, – вздохнул Эпикрат, – но чем же, кроме советов, я еще могу помочь тебе?

– Ничего, ничего! – стараясь ободрить и себя и друга, сказал Фемистокл. – Работать надо, работать. Вот укрепим Пирей, привяжем его к городу...

– А говорят, что ты город привязал к Пирею!

– Тем лучше. Я бы переселил город к Пирею, будь моя воля. Портовый город Афины! Морская торговля! Богато жили бы афиняне.

Но тут Эпикрат поднял руку, прося замолчать.

– Нет уж, Фемистокл. А как же мы будем жить без нашего Акрополя, без Пникса? Без агоры? Нет, нет, не трогай Афины.

Вечерняя тьма остановила работы. Фемистокл довез в своей колеснице Эпикрата до его дома и сам отправился в Мелиту. Оставив возницу пробираться по гористым улицам, он поднялся к дому крутой узкой тропинкой; Архиппа, как в прежние времена, ждала его на пороге.

– Архиппа...

– Да, да, Фемистокл. Жду, конечно.

– Но стоит ли? Ведь я теперь не с пирушки иду домой...

– Неужели ты Фемистокл, хочешь лишить меня этой радости? Выйти, постоять, прислушаться... А потом вдруг услышать твои шаги... Неужели ты не понимаешь? Сколько сейчас женщин в Афинах, которые вот так же хотели бы выйти на порог и прислушаться и услышать шаги своего мужа! Но они их никогда не услышат...

– Понимаю, Архиппа, понимаю!

В новом доме еще было много чуждых запахов – запах глины, извести, кирпича... И приятный запах свежего дерева – Фемистокл мог позволить себе такую роскошь: сделать деревянные двери! Но дымок очага уже тронул беленые стены, и теплое дыхание его обживало дом. Стол, как и прежде, в спокойные, мирные времена, стоял накрытый к ужину. И Фемистокл, огрубевший на войне, загоревший на работах, смирившийся с лагерной жизнью в палатках, почувствовал, что может сейчас заплакать от счастья. У него снова есть теплое гнездо, полное детей. И с ним Архиппа, охраняющая его очаг.

– А здесь был Тимокреонт, – сказала Архиппа за ужином, – хотел говорить с тобой.

– Опять!

– Да. И придет завтра.

– Получит тот же ответ.

– Это опасный человек, Фемистокл. Он ведь писатель, поэт. Только боги знают, что он может сочинить про тебя!

– И все-таки, клянусь Зевсом, он получит тот же ответ, что бы он там ни сочинил. И больше не говори мне об этом человеке, Архиппа, я хочу быть сегодня только с тобой. Как вы тут жили без меня? Как дети?

Как дети! Это тот самый вопрос, отвечая на который Архиппа может говорить и рассказывать хоть до утра...

А утром к Фемистоклу явился Тимокреонт, поэт с острова Родоса, аристократ. Уже с первого

его взгляда Фемистокл понял, что предстоит неприятный разговор.

Тимокреонт вежливо приветствовал Фемистокла, но под этой вежливостью явно сквозила ирония.

– Пусть будет взыскан богами твой дом, мой проксен.[29] Давно хочу поговорить с тобой, но ты без конца строишь стены. От кого ты отгораживаешь Афины? Ведь перс уже далеко и возвращаться не собирается!

Фемистокл велел подать вина. Слуга поставил на стол кувшин с вином и кувшин с водой, принес блюдо винограда; крупные влажные виноградины светились насквозь, будто налитые желтым медом.

– Так я все о том же, Фемистокл, – начал Тимокреонт и, сморщась, пригубил чашу, словно не вино ему подали, а уксус. – Почему ты все-таки так бесчестно поступил со мной?

– Бесчестно?

– А как же? Ты был моим проксеном. Не обязан ли ты заботиться о моем благополучии?

– Как видишь, я забочусь. Вот мой дом, вот мой стол. Живи как дома.

– Я хочу жить дома, а не как дома. Я уже в свое время приходил к тебе и просил. Ты отверг мою просьбу. Как ты мог это сделать, Фемистокл?

– Ты просил! Но как же ты не понял, Тимокреонт, что я не мог выполнить твою просьбу! Ты просил сразу после Саламина, когда я... Ну, в общем, после нашей победы ты просил повернуть корабли на Родос...

– Да. Повернуть корабли на Родос, завоевать Родос, прогнать демократов и вернуть меня на родину, откуда демократы меня изгнали. Да. И теперь я эту просьбу повторяю.

– И теперь, Тимокреонт, я повторю то, что ответил тебе тогда: я демократ и демократию свергать не стану ради того, чтобы вернуть на родину аристократа.

– Но ты мой личный гостеприимец, Фемистокл. Ты обязан был восстановить ради меня аристократию на Родосе!

– Для меня интересы демократии выше личных отношений. А завоевывать Родос... Зачем? Да и война тогда была направлена в другую сторону, я не имел права нарушать план стратегов. Но об этом – все!..

– Все!

– Да. Все.

– Сколько же тебе заплатили те, кого ты все-таки вернул на родину? Я заплачу столько же.

– Я ни с кого не брал денег, Тимокреонт. Не повторяй клевету, возводимую на меня людьми, которым не нравятся мои дела в государстве.

– Не нравятся?... – Тимокреонт ядовито усмехнулся. – Да, пожалуй, ты прав: не нравятся. Никому не нравится, что ты подтаскиваешь Афины к Пирею и что простолюдины, становясь моряками, начинают мнить себя очень влиятельными людьми.

– Не только мнить. Они действительно становятся влиятельными людьми. И им это нравится.

– Никому не нравится, – продолжал Тимокреонт, не слушая возражений, что ты собираешь деньги с островов и кладешь их в свой карман.

Фемистокл вскочил, он больше не мог владеть собой.

– Я кладу их в свой карман? Пусть тот, кто сказал это, проглотит собственный язык!

Тимокреонт, увидев, что рука Фемистокла хватается за меч, поспешил поправиться:

– Но разве ты не собираешь деньги с островов?

– Да, собираю, – стараясь подавить бешеное раздражение, ответил Фемистокл, – но я собираю дань. Понимаешь ты это? Собираю ту дань, которую они платили персам, изменив нам. И не в свой карман – я их кладу в общую казну наших союзников. И это наше право, право афинян, брать дань с тех, кто изменил своей метрополии и воевал вместе с персами против нас!

Тимокреонт замолчал, отодвинув почти полную чашу. Фемистокл тоже не начинал разговора, лицо его полыхало, глаза сверкали негодованием, ему нечем было дышать. Столько клеветы! И какое опасное оружие – клевета! Не от этого ли оружия придется ему погибнуть?

– Так, значит, с этим вопросом все? – зловеще спросил Тимокреонт.

– Да, все, – жестко, не глядя, на него, ответил Фемистокл.

Тимокреонт встал.

– Ну что ж, пойду. Но ты еще услышишь обо мне.

Он вышел с недоброй усмешкой. Фемистокл не поднялся, чтобы проводить гостя. Он угрюмо сидел, подпершись рукой и глядя куда-то вниз, в мощный белой галькой пол. Архиппа тихо подошла к нему:

– Прости, Фемистокл, но я все слышала. Не огорчайся. Клевета живет недолго, ее разносит ветром, как собачий лай.

Ни Архиппа, ни Фемистокл не знали тогда, что эта клевета, повторенная историками, на все века очернит его доброе имя.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Пилагоры[30] сели на коней, путь предстоял не близкий. Кони осторожно ступали по немощеным афинским улицам.

Фемистокл весело посматривал по сторонам.

– Всего два года прошло после нашествия персов, – сказал он своим спутникам, – а город уже встал из пепла. И стена городская стоит. Теперь соединить бы город стенами с Пиреем – мы были бы неодолимы!

– Очень длинные пришлось бы строить стены – возразил пилагор Лисикл, человек важного вида, но недалекого ума. – Пирей далеко.

– Да, да, – кивая лысой головой, повторил пилагор Толмей. Он имел удобную привычку

соглашаться со всеми, кто бы и что бы ни говорил.

– Ради могущества Афин можно потрудиться. Тогда нам была бы не страшна никакая осада – ни чужеземных войск, ни своих соседей... Но что это там толпится народ?

Они выехали на площадь. Народ собрался, любуясь новым портиком, который поставили совсем недавно. Портник был красив: с одной стороны колоннада, с другой – стена, украшенная яркой живописью.

Фемистокла узнали.

– Привет, Фемистокл!

– Да хранят тебя боги, Фемистокл!

Фемистокл, занятый постройкой стен в Пирее, уже многого не видит, что происходит в Афинах.

– Кто же расписал так прекрасно этот портник? – спросил он, придерживая коня.

– Наш художник Полигнот.

– Прекрасный художник. Но почему вы пересмеиваетесь, друзья? Я сказал что-нибудь не так? Но ведь я, вы знаете, не обучен искусствам, может, я и ошибаюсь...

– Ты не ошибаешься, Фемистокл. Полигнот – знаменитый художник. Но посмотри, кого он изобразил!

– Кого? Приама, царя Трои, как я понимаю, и дочь его Лаодику... Или нет?

– Это так. Но взгляни получше. На кого похожа Лаодика? Это же сестра Кимона, Фемистокл! Это же Альпиника!

Фемистокл пригляделся. Да, конечно, это Альпиника. Он усмехнулся и тронул коня. Душа его сразу омрачилась. Кимон, всюду Кимон. Кимон, который не стесняется заявлять, что он любит Спарту, что он богатства не ценит, а хочет жить лишь так, как живут спартанцы – простой, умеренной жизнью. Как будто в Афинах это не дозволено – жить умеренной жизнью! А давно ли об этом самом Кимоне, сыне Мильтиада, шла скандальная слава о его распущенности, о его пьяных пирах? Теперь же оказывается, что он только и стремится к жизни со спартанским укладом!

«Вижу руку Аристида, ведущую этого юношу, – думал Фемистокл. – Аристид действительно нашел опору себе для утверждения в нашей стране олигархов. Кимон из знатной семьи. Кимон – сын героя при Марафоне. Кимон молод, красив, приветлив... А Фемистокл суров и нетерпелив. Когда строили стену вокруг города, сколько было слез, сколько нареканий – там велел разрушить дом, там потревожил могилы... Его просят, плачут, а он, грубый человек, гонит их прочь и делает, что задумал! Слышал, слышал я все это. Но как это люди не понимают, что Фемистокл со своей грубостью оберегает Афины от спартанского владычества, а вежливый Аристид, теперь уже с помощью Кимона, тащит Афины под спартанское ярмо!..»

Выехав из города, пилagoры направились в сторону Фермопил.

Был пасмурный день. Море неприветливо шумело, забрасывая пеной песчаный берег. Печальные воспоминания против воли угнетали путников – может быть, потревоженные души погибших здесь от руки врага эллинов шли сейчас рядом, заклиная не забывать о них...

Стемнело, когда пилагоры ступили на ту узкую дорогу, где шумели, свергаясь со скал, горячие ручьи. Серый туман испарений стоял над ними, мешаясь с вечерней тьмой. Вот и стена, старая стена, преграждающая дорогу, у которой сражался Леонид. Вот и могильные плиты, поставленные погибшим героям.

Пилагоры спешили. Фемистокл достал вина из походной сумы и совершил возлияние на могилах. Надписи, сделанные на каменных плитах, пропадали в темноте, но афиняне знали их и без того, чтобы разбирать высеченные на камнях строки. Вот могила эллинов – союзников... Вот могила Мегистия... А вот могила Леонида, царя спартанского. Спартянцы поставили льва на его могиле. И сделали надпись:

Путник, скажи в Лакедемоне,

Что, их законам верны, здесь мы костями полегли.

Пилагоры сели на коней. В ущелье становилось все темнее. Пришлось остановиться на ночь, раскинуть палатки и развести костры. Разговор возвратился к войне, к персам, к Леониду.

– Спарта блистательно показала себя в этой войне, – тоном, не допускающим возражений, сказал пилагор Лисикл. – Спарта дала столько героев!

– Да, да, – тотчас подхватил Толмей, – Спарта победила персов! Павсаний разбил Мардония при Пла-теях, Леотихид разбил персов при Микале, Леонид погиб славной смертью героя...

Фемистокл с укором посмотрел на них.

– Все Спарта да Спарта! – сказал он. – Ах, друзья мои! А вот Афины, оказывается, не сделали ничего достойного славы! Горько мне говорить об этом, но уже забыто, что победу в большей мере обеспечили афинские корабли...

– Это так! Это так! – отозвался Толмей.

– Уже забыты все ошибки спартанских военачальников, а ошибки были! – продолжал Фемистокл. – И никто не задумывается над тем, что Спарте было отдано все высшее командование! Но неужели Еврибиад победил бы при Артемисии, не имея нашего флота? И разве спартянцы без нас отразили бы врага при Саламине?

– Да, это так! – кивал головой Толмей.

– И никто не вспомнит, что афиняне во время этой тяжелой войны превзошли всех своим самопожертвованием, своим всенародным подвигом, решившись оставить город, и что пострадали они в этой войне больше всех!.. А теперь Спарта по-прежнему руководит в Элладе! И вы, афиняне, миритесь с этим, да еще и восторгаетесь этим!

Ты, пожалуй, прав, Фемистокл, – согласился наконец и Лисикл, – но когда слышишь каждый день – то Аристид выступает, то Кимон, и все о доблестях Спарты, то, конечно... сбиваешься...

– Да, да, сбиваешься, – повторил и Толмей.

«Что за пилагоров мне дали? – с досадой подумал Фемистокл. – Или Аристид заранее позаботился послать поддержку спартянцам?»

Рано утром снова тронулись в путь. Фермопильский проход расширился, горы отступили. Путники выехали на равнину. В дымке туманного солнца показались стены города Трахина. Пилагоры свернули в сторону к храму, стоявшему недалеко от города. На каменных скамьях, стоявших на участке святилища, еще лежала плотная светлая роса. Здесь, под сенью бога, собирались на Совет амфикионы, посланцы эллинских государств.

Народу собралось много, эллины дорожили Союзом амфикионии. Обсуждали важные государственные вопросы, обсуждали их бурно, однако к соглашению приходили. Казалось, что так и закончится мирно и доброжелательно этот всеэллинский Совет.

Но тут выступил посол Спарты:

– Мы, правители Спарты, считаем, что надо обсудить и пересмотреть состав амфикионов. Мы вынесли тяжелую войну и, отразив врага, спасли Элладу. Но здесь присутствуют пилагоры многих государств, которые не принимали участия в войне. А есть и такие, которые помогали персам и сражались против нас. Это Аргос, Фивы, Фессалия...

Фемистокл насторожился. Куда это клонит спартанец?

– Так вот, мы, правители Спарты, считаем что эти государства надо исключить из Союза амфикионов, и это будет справедливо.

Сначала наступила внезапная тишина, потом поднялся шум:

– Правильно! Мы воевали! Мы принесли много жертв!

– Но вы не можете исключить эллинские города из Союза эллинов!

– Не война определяет наше присутствие здесь, в Союзе амфикионов!

Неизвестно, чем кончился бы этот шумный спор, но слово взял Фемистокл:

– Если исключить из Союза такие крупные государства, как Аргос, Фессалия, Фивы и многие другие, которые не были нашими союзниками в войне с персами, то Союз будет состоять из двух или трех крупных государств. А такое положение будет губительным для Эллады!.. Я то знаю, чего вы хотите, – обратился он к спартанцам. – Если исключить все эти государства из Союза, то каждый раз, на любом Совете, вы, спартанцы будете побеждать при голосовании большинством голосов, как это и было при раздаче наград после войны и победы. Тогда все дела Эллады будут решаться лишь так, как вы того пожелаете. Но этого не будет, потому что это несправедливо!

Пилагоры согласились с Фемистоклом и отклонила предложение Спарты.

Благодарные аргосцы, фиванцы, фессалийцы провожали Фемистокла домой. Особенно благодарили его аргосцы, ненавидевшие Спарту.

Фемистокл еще раз победил спартанцев. И еще раз навлек на себя их гнев.

Спартанские пилагоры угрюмо переговаривались между собой:

– Нас не учили риторике. А у афинян длинные языки!

– Надо избавиться от этого человека. Он мешает нам во всех наших делах!

– Вся надежда на Аристида. Аристиду надо занять в Афинах высшую должность...

– Не забывайте о Кимоне. Кимон – наш друг.

– Это так, Аристид и Кимон будут править Афинами. Наши, эфоры позаботятся об этом. И тогда слово Спарты будет законом для всей Эллады.

Фемистокл торжествовал победу над Спартой. Но умевший провидеть судьбы государства, он не умел предвидеть своей собственной судьбы. А звезда его славы уже шла под уклон. Влияние Спарты на афинян тайно подрывало его авторитет и возвышало авторитет Аристида и его молодого друга Кимона. Времена менялись. Аристократы брали верх.

Аристид сделал уступку, провел закон, по которому ремесленники и земледельцы получили политические права наравне с высшими сословиями и даже почетное право быть избранными на должность архонта! И уже имя Аристида в Афинах стало самым любимым, самым уважаемым. Он умел угодить всем – и богатым людям, обедневшим во время войны, а значит, потерявшим многие права, и беднякам, которым он дал теперь эти права. И никто не вспомнил, получая от Аристида благодеяния, что все это уже подготовил для афинян Фемистокл.

Аристид, всегда спокойный, ласковый и приветливый, не вступал теперь на Пниксе в споры или в перебранку с Фемистоклом. Но он старательно готовил ему замену, воспитывая и обучая молодого Кимона искусству властвовать, покоряя умы и сердца людей.

– Если ты хочешь, Кимон, нравиться афинянам, будь доступным и сговорчивым. Ты глава знатного рода, ты богат. Так помни старые заветы аристократии – накорми бедных родственников, открой сады и огороды для тех, у кого их нет, пусть придут и возьмут какую-нибудь луковицу или пучок редиски, ты не обеднеешь. Накормишь человека, дашь ему незатейливый обед, а он за тебя в нужную минуту проголосует. А это поважнее, чем луковица или пучок редиски!

И вот уже шла слава о щедрости Кимона. Он приказал каждый день готовить обед – не слишком обильный! – для тех, кто придет и попросит поесть. Он распорядился снять изгороди со своих садов и огородов – пусть приходят и берут что хотят из плодов...

В доме Кимона часто собирались гости, друзья, приятели и просто знакомые. Легкая беседа, ласковое обхождение, хорошее вино... Вот и сегодня у него полно гостей в доме, беседа течет, как река, полная меда.

– Кимон, не забывай о том, что твой отец Мильтиад, герой Марафона. Надо и тебе совершить что-нибудь великое!

– Да, Кимон. Мы видели, как ты храбро сражался с персами. Суждения твои зрелы, хотя ты и молод. Тебе надо нести какую-нибудь общественную службу. Не все же отдавать в руки Фемистокла!

– Да, да! Не все же Фемистоклу возвышать до чрезмерности моряков и горшечников!

– Его грубость уже надоела.

– А его самохвальство? Мы все время должны выслушивать, сколько благ он доставил Афинам! Право, это становится утомительным!

– Да, я хотел бы занять какой-нибудь государственный пост, – сказал Кимон. – Персы еще сидят на Стримоне, на фракийском берегу. Если бы афиняне мне доверили...

– Афиняне доверят!

– Каких еще правителей нам надо, если отвергать Кимона?

Снова вспыхнул костром хор похвал Кимону, щедрому, доброму, знатному и богатому

Кимону, который не жалеет своих богатств для бедных и к которому каждый может прийти за помощью, за советом, за содействием.

В доме Кимона полно гостей, беседа течет, как река, полная меда.

– Послушайте мои новые стихи в честь нашего гостеприимного хозяина! – возгласил поэт Иона.

Иона прочитал стихи, восхваляющие Кимона. Кимон, потупив свой голубой взор, принял смущенный вид:

– Стою ли я таких похвал?

Гости заверили, что стоит. Еще и не таких похвал стоит.

С места поднялся поэт Меланфий:

– Разрешите, Кимон, и мне прочитать то, что написал я сегодня ночью.

– Я переложил эти стихи на музыку, – сказал один из музыкантов, постоянно обитавших в просторном доме Кимона.

Так и длился пир, среди стихов, похвал, музыки, полный веселья...

Немного времени понадобилось Кимону, чтобы занять в Афинах видное место. С помощью Аристида и Спарты он стал получать государственные должности. Потом, назначенный стратегом, вывел афинские корабли к фракийским берегам, где еще сидели на Стримоне, в городе Эино, персы. Кимон разбил персов и запер их в городе. Бут, наместник персидского царя, не желая сдаваться, поджег город и сгорел в нем сам. Кимон взял этот сгоревший город и отдал афинянам. Это было красивое место на берегу реки и плодородная земля.

– Кимон! Кимон!

Клики приветствий встретили Кимона в Афинах. И, наградив особой милостью, ему разрешили поставить на площади гермы – четырехгранные каменные столбы с головой Гермеса.

Кимон поставил три герма и на каждом сделал надписи. На первом было написано:

Были поистине твердыми духом и те, кои персов

Там, где, минув Эион, воды Стримона текут,

Голод, с огненным, страшным Ареем[31] вместе приведши,

Прежде других смогли всякой надежды лишить.

На втором Кимон написал так:

Это афиняне дали своим полководцам в награду
За добродетели их и за благие дела.
Герма же этого вид усилит в потомке желанье,
Кинувшись доблестно в бой, общее дело спасать.

На третьем он сделал еще более пышную надпись:
Некогда царь Манесфей отсюда с Атридами купно
Войско к троянской земле, трижды священной, повел.
Был он, как молвил Гомер, среди крепкооборонных данайцев
Славен искусством своим войско построить на бой.
Вот почему и теперь пристало афинянам зваться
Лучшими в деле войны, славными духом своим.

Фемистокл, увидев эти гермы, был поражен. Такая великая честь Кимону! Когда же это было, чтобы так щедро афиняне чествовали человека? Когда Мильтиад после Марафонской победы хотел получить венок из оливковых ветвей, афиняне возмутились. Тогда на Народном собрании выступил некий Сохор из Декелей и так ответил Мильтиаду:

– Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного!

И народу эти слова понравились!

Однако когда Павсаний после своей победы под Платеями написал свое имя на треножнике, поставленном в храме, имя его стерли, а написали названия городов, сражавшихся там!

А он, Фемистокл, за все заслуги, за все, что он сделал для Эллады, – а он ни много ни мало всего лишь спас Элладу от персов! – когда получал Фемистокл от афинян подобную честь? Никогда! И сознание этого наполняло горечью его душу.

«Не требуй благодарности за благодеяния, принесенные людям, – это невеликодушно. Не требуй и не проси любви – никто не может дать этого ни по требованию, ни по просьбе. Не напоминай о своих заслугах – это унижает тебя» – сколько раз он слышал эти слова от своих друзей!

Фемистокл понимал, что они правы. И все таки на одном из Народных собраний, когда афиняне не захотели слушать его, он не удержался, чтобы не упрекнуть их:

– Что же, разве устали вы получать благодеяния из моих рук?..

Ему ответили недовольным гулом, и он сошел с трибуны, прерванный на полуслове.

«Как же так? – думал Фемистокл, уходя с Собрания. – Уже никто не поддерживает меня... А ведь я хочу только одного – возвеличения Афин».

Замыслы у него были большие. Прежде всего надо ослабить Спарту. Надо «поднять восстание илотов и уничтожить правление аристократии. Вот путь к могуществу афинян!

Но его уже не хотят слушать. Опять война... Опять раздоры... А речи Аристида, призывавшие к сближению со Спартой, сулили мир и спокойствие. Подвиги Кимона на море, который нападал на азиатские берега и воевал с персами уже не со щитом, а с мечом – не защищаясь, а нападая, – его смелые деяния восхищали афинян... Партия Аристида и Кимона, партия союза с аристократической Спартой, побеждала народную партию Фемистокла.

Дал о себе знать и поэт Тимокреонт. Он написал песню, которую распевали на пирах у Кимона, у его друзей и с удовольствием повторяли в Спарте:

Хвалишь ты верно Павсания, иль одобряешь Ксантиппа,

Иль, может быть, Леотихида, —

Я же пою Аристида. Среди многих пришедших

К нам из священных Афин лишь он был один наилучший.

А Фемистокла совсем ненавидит Лето:[32]

Лжец он, обидчик, предатель,

Гостеприимцу Тимокреонту

Денег ради презренных

Не дал вернуться в родной Иалис на Родосе.[33]

Вскоре на помощь «лучшим людям» пришла новая клевета:

«Фемистокл продался персам! Он берет у персов деньги, он замышляет измену!»

И герой Саламина вынужден был предстать перед судом.

Брал ли у персов деньги? Нет, не брал. Замышлял ли измену? Нет, не замышлял. А разве не получал писем от Павсания, сына Клеомброта, того самого Павсания, что был стратегом при Платеях, а нынче стал тираном в Византии? Да, получил письмо от Павсания, сына Клеомброта. В этом письме – вот оно – Павсаний уговаривает Фемистокла перейти к персам. Но если бы Фемистокл задумывал перейти к персам, разве пришлось бы Павсанию уговаривать его? Это письмо Павсания как раз и доказывает невиновность Фемистокла!

Суд кончился ничем, Фемистокла оправдали. И потом даже с почетом проводили его домой.

Но разве это загладило нанесенное оскорбление?

В этот вечер друзья долго сидели у очага в его мегароне. Все уже потерявшие блеск молодости, с проседью в кудрях, с паутинкой морщин у глаз, они не шумели, как прежде, но разговаривали тихо, и слова их звучали между паузами раздумья.

– Тьфу на этого Павсания! – сказал Евтихид, когда-то румяный, как девушка, и златокудрый, как бог. – Зачем ты показал его письмо?

– Письмо оправдало меня, Евтихид.

– Сегодня оправдало, – сказал Эпикрат, – но спартанцы его содержание забудут, а то, что Павсаний обращался к тебе, запомнят.

– Я еще не побежден. И еще неизвестно, кто победит, клянусь Зевсом! Я знаю, как справиться со Спартой.

– Один ты ничего не сделаешь, Фемистокл. А кто поможет тебе? Аристид умен, он дал многие права простому люду.

– Но ведь это же я подготовил дело! А благодарность – ему?

– Фемистокл, забудь ты обо всем, что сделал и чего не сделал, – сказал Евтихид. – Тьфу на все эти дела!

Угли тихо потрескивали в очаге. Янтарно светилось вино в чашах. Отсветы пламени, то вспыхивали, то гасли на беленых стенах.

– Если бы Павсаний вел себя умнее и не ушел с войском в Византии, – сказал Фемистокл, – он мог бы оказать мне большую помощь.

– Я не понимаю тебя, – сказал Эпикрат.

– Спартанцы сейчас дрожат, боятся, что илоты поднимут восстание. А это рано или поздно так и случится, потому что жизнь их невыносима. Мы с Павсанием могли бы помочь илотам, и тогда, клянусь Зевсом, спартанцам хватило бы своих забот и некогда было бы вмешиваться в афинские дела и подводить под суд Фемистокла! Но Павсаний... Эх!.. Ушел.

– А ты уверен, Фемистокл, – сказал Эпикрат, – что Павсаний только и думает о том, чтобы оказать помощь илотам? Судя по тому, как он самовольно ведет себя в Византии, Павсаний думает не об илотах, а о себе. Похоже, что он хочет захватить власть в Спарте.

Фемистокл задумался.

– Пожалуй, ты прав...

– Но если я прав, то годится ли тебе такой союзник, Фемистокл?

– Да, – в раздумье сказал Фемистокл, – захватив Спарту, он протянет руку и к Афинам...

– Тьфу на Павсания, Фемистокл! – в сердцах закричал Евтихид. – Лучше вели принести нам еще вина. А что касается Павсания, то пусть о нем болит голова у спартанских эфоров. Я бы себе такого союзника не хотел. Да и тебе тоже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПАВСАНИЙ, СЫН КЛЕОМБРОТА

А у спартанских эфоров уже давно из-за Павсания «болела голова». Старые властители недоумевали: как могло случиться, что Павсаний, сын Клеомброта, герой битвы при Платеях, человек чистой спартанской крови, вдруг забыл все, чему его учили в детстве и в юности, отверг все законы божественного Ликурга,[34] и стал изменником? Этого еще не бывало. Так опозорить свое славное отечество, свой могущественный город Спарту!

Эфоры сидели в мрачном раздумье. Говорили мало и еще более лаконично, чем всегда. Им было известно, что делал Павсаний в Византии, когда после победы под Платеями он отнял у персов этот город. Павсаний стал настоящим тираном: он надменно диктовал эллинам-союзникам свою волю, был нестерпимо груб и раздражителен, он обращался с ними, как с рабами. Союзники-ионийцы, которые недавно освободились от персов, не желая терпеть новое рабство, ушли от Павсания и попросили Аристида и Кимона принять их войско под свое командование. Другие эллины-союзники сделали то же самое. Кимон, как всегда, ласковый и любезный, принял их. У Павсания остались только пелопоннесцы.

И вот он, Павсаний, нынче здесь, в Спарте, эфоры потребовали его к ответу. Павсаний явился из Византия на суд эфоров. С надменной осанкой, с ироническим выражением лица, он вошел и непринужденно занял свое место.

– Мы обвиняем тебя в том, Павсаний, что ты держал себя недостойно. Ты потерял союзников Спарты из-за своей грубости. Союзников, которые нам нужны!

– Меня не учили болтать языком и кланяться. Меня учили воевать, и эту науку Спарты я оправдал с честью.

– Но по твоей вине наши союзники перешли к афинянам. Тебе доверили высшее командование, а ты не оправдал нашего доверия.

– Я победил под Платеями. Я взял Кипр. Я осадил и взял Византии. Этого мало, чтобы оправдать доверие?

Эфоры переглядывались, опускали глаза. Они терялись перед его резкостью. Они видели, что он больше не боится их и не считается с ними. Вот что значит выпустить человека из Спарты в мир, где предаются недозволенной вольности, где не признают спартанских законов!..

– Ты больше не вернешься в Византии, Павсаний, сын Клеомброта. Тебе нельзя доверять власть.

Павсаний на это лишь усмехнулся и пожал плечами. Эфоры больше не стали разговаривать с ним.

Павсаний остался в Спарте. Вместо него в Византии командиром флота отправился военачальник Доркий. Эфоры провожали его суровыми напутствиями: пусть Доркий, истый спартанец, восстановит в Византии славу и власть Спарты. Ему дали в помощь несколько знатных спартанцев и небольшое войско, большого отряда отпустить из Спарты уже нельзя – их, спартанцев, и так остается мало среди грозящего восстанием Лакедемона.

Павсаний остался в Спарте. Но спартанец ли это? Живет как хочет. Делает что хочет. Ездит на охоту с друзьями, которых привез из Византия. Устраивает пиры и, говорят, пьет, как скиф, неразбавленное вино!

Сначала эфоры требовали, чтобы он соблюдал обычаи Спарты. Вот наступает вечер, вершины Тайгета полыхают закатным огнем. Время обеда, запах горячей черной кровяной похлебки зовет к столу. Рабы ставят на длинный дощатый стол котлы, раскладывают тонкие желтые лепешки, которые служат тарелками... Спартанцы собираются в свои общественные столовые, в каждой столовой пятнадцать человек.

– Но где Павсаний? Он забыл час обеда?

– Пусть слуга сходит за ним.

Слуга вернулся смущенный – Павсания нет дома. Он еще не возвратился с охоты.

А Павсаний, закрывшись в своем мегароне, в это время поднимал чашу с хорошим, крепким вином. Вокруг него возлежали его близкие друзья. Веселье, смех, шутки... Иногда кто-то из византийцев начинал читать стихи, но Павсаний не слушал стихов, он не понимал поэзии.

– Чтобы я пошел жрать их черную похлебку, – говорил Павсаний, разрезая нежное мясо, сдобренное пряностями, – да еще запивать кислой водой, которую они называют вином!..

– Подожди, Павсаний, достанется тебе от стариков!

– Мне? От стариков? Но они же меня оправдали...

– А в Византий тебя не пустили!

– Ну и не надо. Я туда вернусь и без их разрешения. Неужели я буду жить в этой тюрьме? Этого нельзя, того нельзя. Военный лагерь хорош на войне, а не в мирное время. Они дождутся, эти старики со своими ликурговыми цепями: рано или поздно илоты восстанут. И если понадобится, я, клянусь Зевсом, помогу им!

– Павсаний, ради богов, замолчи!

– А чего мне бояться? Разве вы сикофанты[35] какие-нибудь, что пойдете и донесете на меня? Я почти семь лет правил Византием – ох, как пролетели годы! Когда они пролетели?

– Когда жизнь легка, время летит на крыльях.

– Не потому, что легка. Жизнь правителей не бывает легкой. Но я там жил на свободе, я там жил как человек, своей рукой добывший свободу! А здесь? Да мне здесь нечем дышать!

– Не обижал бы ты союзников, так и до сих пор жил бы в Византие, старики тебя не отзывали бы.

– Они мне надоели, эти союзники! А что касается стариков, то, может быть, еще не они меня, а я их буду судить. Вот поднимем мы с Фемистоклом илотов – тогда посмотрим!

– Э, нет, Павсаний! Фемистокл тебе не поможет. Его сила уже кончилась и слава идет на

закат... Кто теперь слушает Фемистокла? Теперь только Аристид да Аристид! Да еще Кимон!

– Кстати, этот Кимон погнал свои корабли к Византию, – сказал кто-то из гостей, – как бы он не занял там твое место, Павсаний, – место правителя!

– Кимон? К Византию? – Павсаний внезапно отрезвел. – Но разве Кимон, а не я завоевал Византий? Но подождите, друзья, у меня есть отличный замысел. Я уже писал Фемистоклу... Он не ответил. Но и не возразил. И если мы объединимся... И если договоримся с персидским царем... Вы увидите, вы еще увидите, кто будет править не только Византием, но и всей Элладой!

Друзья с опаской переглянулись это уже похоже на государственную измену, за которую полагается смертная казнь. И один за другим под разными предложениями они покинули дом Павсания.

Павсаний какое-то время жил тихо, не привлекая к себе внимания. Но, проезжая по лаконским полям и селам, он то здесь, то там бросал илотам фразы, несущие в себе опасный для Спарты огонь.

– Беритесь за ум! Вас, илотов, больше, чем спартанцев, которым вы служите. Чего вы смотрите? Договаривайтесь, объединяйтесь. Если вы поможете мне в этом деле, мы захватим Спарту. А может быть, и всю Элладу. Оглянитесь на себя – вас много! Я приведу вас к победе!..

И потом исчезал. Илоты тайно, при закрытых дверях, передавали друг другу слова Павсания. Разве он не прав? Разве лживы его слова о том, что они, целый народ, в рабстве у горсти спартанцев, которые так беспощадно угнетают и унижают их? Спартанцы считают труд позорным делом, которым могут заниматься только низшие существа – илоты. Сеять и растить хлеб, ткать одежду, строить дома – все это позорно для них. Их дело – копье и меч, их дело – война. А илотов, которые кормят и одевают Спарту, которые добывают все необходимое для жизни, спартанцы не считают за людей!.. Разве это не так? Они могут прийти в их селения в любой час, могут взять или украсть у илотов все, что им понравится, все, даже человеческую жизнь. У них в селах уже нельзя вырасти сильным и красивым – спартанцы не любят этого, они тайком приходят и убивают самых лучших, самых достойных людей! Сколько же можно терпеть все это?

Павсаний говорит правду, это так. Но ведь и Павсаний – спартанец, да еще царского рода. Как поверить ему? Может быть, он хочет узнать тех, кто готов выступить против Спарты и потом погубить их? Спартанцы коварны, они боятся илотов, они чувствуют ненависть поработанных людей. Можно ли поверить спартанцу?

Однако взрывчатая сущность как бы мимоходом брошенных речей Павсания не пропадала. Она, как подземный огонь, тлела и бродила среди илотов, накаляла их мысли. О чем боялись думать, теперь казалось хоть и трудным, но возможным. Возможным и без Павсания. И даже лучше без Павсания...

Спарта чувствовала это. Еще суровее становилась военная дисциплина, еще подозрительнее и озабоченней следили эфоры за делами государства и за поведением людей...

А Павсаний вел себя вызывающе. Он уже открыто перестал подчиняться спартанскому укладу жизни. Особенно бесило его, что эфоры вмешиваются во все частности его личной жизни.

– Я не хочу обедать по звонку, я хочу обедать тогда, когда мне нужно утолить голод. Мне опротивела кровавая похлебка. Мне нравится носить пурпурный хитон и расшитый плащ. Когда я хочу идти вперед, мне велят идти назад, и наоборот. Клянусь Зевсом, я больше не

могу этого терпеть!

Византий с его привольной, богатой жизнью манил его, снился каждую ночь, мерещился наяву и в полуденные часы отдыха, и в часы скучнейших заседаний, и в часы тайных полуночных пиров... Там он был человеком, там он был властителем. Там повиновались ему, а здесь повинуется он. Но где ему искать помощи против жестокой железной власти эфоров?

У персов. Только у персов. Персидский царь охотно пойдет на то, чтобы поселить рознь и вражду в эллинской земле!

Павсаний долго раздумывал над своей жизнью. Может ли он так жить, как сейчас? Нет, не может. Рискнет ли восстать против своей родины? Пожалуй рискнет. Потому что не против родины он восстанет, а против закоснелых ее укладов и законов, против закоснелых людей, охраняющих эти законы. Спарта станет таким же вольным и веселым городом, как Византии, как Афины. А он, Павсаний, со своим спартанским войском и с войском илотов станет властителем не только Спарты и Лакедемона, он станет властителем еще многих городов...

Да. Ради этого стоит рисковать.

И вот наступило утро, когда с первыми лучами зари, упавшими на тихое море, Павсаний с небольшим отрядом, который он успел собрать, самовольно отплыл к Византию.

Павсаний стоял на высокой палубе корабля. Чувство счастья наполняло его сердце, будто вырвался из тюрьмы, откуда уже не было надежды вырваться. Нежно-сиреневое море с ярко-желтыми бликами солнца лежало вокруг, как видение богов. Как прекрасен мир вдали от скованной жизни Спарты, как вольно дышится, как хорош город, стоящий на море, где Павсаний снова станет героем Платеи и завоевателем Византия!

Корабль Павсания торжественно вошел в гавань. Павсаний стоял на палубе, ожидая приветствий, – прибыл прежний властитель города.

Но никто не вышел встретить его. В гавани стояли суда афинян, эгинцев, ионийцев. На берегу, как всегда, толпился народ, Павсаний с гневным лицом прошел в город, сопровождаемый своими рабами и слугами. Его дом, дом правителя, был закрыт и пуст, словно уже все забыли, что полководец, покоривший Византии, еще существует на свете!

Павсаний приказал сбить замки и вошел в дом. В доме все стояло на своих местах, только пахло чем-то нежилым, дом не проветривался. Павсаний, кипя от раздражения и втайне смущенный таким приемом, надел свой самый роскошный плащ и направился в городское здание, где собиралось правительство города. Стража преградила ему вход – шло заседание.

– Кто отдал приказ препятствовать мне, правителю, войти в этот дом? – закричал Павсаний, расталкивая стражу. – Этот человек жестоко поплатится! И вы поплатитесь тоже, если тотчас не отступите от дверей! Выхватив меч, он разогнал стражу, которая не решилась силой удерживать его, и вошел в зал.

Правители города, военачальники, ионийцы, афиняне, византийцы – все повернулись к Павсанию.

– Почему вы не встречаете своего правителя? – гневно обратился к ним Павсаний. – Вы что, уже похоронили меня?

– Ты для нас уже не правитель, Павсаний, – спокойно ответил молодой афинянин, – мы больше не подчиняемся твоей власти.

– Кто же ты такой, что смеешь так разговаривать со мной?

– Я Кимон, афинский стратег, эллин.

– Так что же, я буду только членом Совета? Так, что ли, по-твоему, Кимон-афинянин?

– Ты и членом Совета тоже не будешь, Павсаний, – так же спокойно, но чуть-чуть насмешливо ответил Кимон, – ты вообще не будешь в правительстве. Мы так решили. Мы отправили назад вашего Доркия и сами решаем свои военные дела. Разве ты не слышал об этом?

Павсаний окинул бешеным взглядом сидящих перед ним людей. Их лица были замкнуты. Их молчание было как неодолимая глухая стена.

– Но я разгоню вас всех! – крикнул Павсаний. – Я верну власть, которую я завоевал!

– Если ты начнешь с нами борьбу, – возразил Кимон, – то мы удалим тебя из города силой.

Павсаний в бешенстве покинул Византий и уехал в Троаду за Геллеспонт. Теперь он окончательно убедился, что только персы могут помочь ему. А помощь была необходима, потому что теперь он противостоял не только Спарте, но уже всей Элладе.

ЗВЕЗДА ФЕМИСТОКЛА ПОМЕРКЛА

Когда человек спускается с цветущей горы своих зрелых лет и в одиночестве идет под уклон жизни, его преследуют воспоминания. Есть счастливые люди, которые помнят только радостное, только светлое, что было в молодости, – удачи, успех, веселье дружеских пиров, славу побед на Пниксе, славу побед на поле битвы... Такие воспоминания, украшенные воображением, греют пустые, однообразные дни преклонных лет.

Фемистоклу тоже было о чем вспомнить, и побед, и успехов, и веселых дней немало выпало на его долю. Но в памяти всплывало почему-то лишь все самое обидное, самое оскорбительное, самое болезненное. Не сожаления об ушедшей молодости и шумных днях его деятельной жизни, днях власти и славы мучили Фемистокла. Его мучила горечь обиды на афинян, для которых он сделал столько добра, его мучила неблагодарность родного города, который он сумел защитить в часы величайшей опасности. Это терзало сердце, не давало отдыха. Что получил он за свои заслуги?

Остракизм.

Девять лет прошло после войны. Девять лет непрерывной борьбы с Аристидом, за которого крепкой стеной стоят богатые, знатные афиняне, люди, уже державшие власть в своих руках еще до того, как Фемистокл впервые поднялся на Пникс. И еще более крепко поддерживает его аристократическая Спарта.

Остракизм – не осуждение и не лишение чести. В Афинах нередко прибегают к суду остракизма, здесь не любят людей, слишком высоко поднимающихся над толпой. Если ты сверх меры любим народом – остракизм. Если ты превосходишь всех своим красноречием – остракизм. Если ты обладаешь выдающимся умом – остракизм. Так страшна афинянам угроза диктаторства и тирании.

Видно, и Фемистокл утомил всех своим даром предвидеть события и своим умением эти события предвосхищать. Он мог бы вести за собой афинян к высокому могуществу их государства...

Но Аристид и Кимон оказались сильнее его. Борьба двух партий раскалывала афинское государство. Правители припомнили слова Аристида:

«Афиняне не будут знать покоя, пока не сбросит в пропасть Фемистокла или меня самого!»

Тогда сбросили Аристида, он ушел в Эгину, где правили аристократы, и эгинские правители приняли его, как своего человека. Нынче сбросили Фемистокла... А ему-то казалось, что афинянам без его направляющей руки не прожить и дня!

Горная тропа вела Фемистокла по крутому отрогу Парнона. Остро пахло чабрецом и полынью, разогретой солнцем. На каменистых склонах стояли искривленные ветром и бурями сосны, судорожно вцепившись корнями в сухую желтую почву. Далеко внизу светилась вода залива. И дальше на берегу – город, чужой город Аргос...

Он принят в Аргосе как лучший друг. А Фемистокл и есть их друг. Друг, потому что враг Спарты, которая притесняет аргосцев. Друг, потому что он не позволил аргосцев исключить из Союза амфикионов. Ему здесь предоставлено лучшее жилище, содержание, слуги. У него в доме часто бывают гости...

Но чаще всех гостей его дом посещает тоска. И тогда ему приходится куда-нибудь бежать. Аргос окружают горы, и Фемистокл бродил до усталости по горным тропам. Красота и спокойствие горных вершин, чистый свет теплого неба, тишина ущелий, поросших колючим боярышником и красными кустиками матрача, – все это усмиряет ярость обиды, оставляя тихую грусть.

Утомившись, Фемистокл спустился вниз по крутой горной тропе. В город он вернулся, когда в узких улицах начинали бродить сумеречные тени. Пахло дымом очагов. Привычный шум реки, бегущей с гор, убаюкивал город. Слышались голоса женщин, зовущих детей домой. Где-то в горах блуждало тонкое пение свирели. Может быть, пастухи собирают свое стадо, а может, это синеглазый, козлоногий Пан бродит по горным ущельям? Говорят, аргосцам не раз приходилось встречаться с ним на глухих тропинках...

– У тебя гость, господин, – сказал Сикинн, преданный раб и слуга Фемистокла, ушедший вместе с ним из Афин, – он тебя ждет.

Сердце дрогнуло.

– Из Афин?

– Нет, господин. Не то из Византия, не то из Трояды. Я не понял.

Фемистокл резким шагом вошел в дом. Ему навстречу с ложа поднялся незнакомый человек. Впрочем, Фемистокл его где-то видел, может быть, на войне...

– Я Еврианакт, сын Дориея, – сказал гость, – я пришел к тебе как друг и посланец Павсания, сына Клеомброта, победителя при Платеях...

– Посланец Павсания? – Фемистокл, неприятно удивленный, сразу нахмурился. – Зачем ты здесь, Еврианакт?

– Узнаешь, когда выслушаешь, – ответил Еврианакт, – я пришел как друг.

Фемистокл жестом пригласил гостя к столу, накрытому для ужина.

– Ты из Византия? Или из Спарты?

Еврианакт махнул рукой.

– Что такое Спарта, я увидел еще в то время, как вместе с Павсанием пришел в Аттику воевать с персом. Бездарные цари. Тупая, близорукая политика тупых старых эфоров, не чувствующих времени. Вот уже и добились – потеряли свою гегемонию на море, афиняне отказались подчиняться им. И добьются еще большего – илоты поднимутся всей массой и поработят их самих!

– Но ведь вы, спартанцы, всегда считали своим правом быть первыми, быть главными в Элладе!

– Я вижу, что ты смеешься, Фемистокл. Ты, хитроумный, не раз обманывал наших стариков. И в то время, как строил афинские стены, уверяя спартанцев, что никакие стены в Афинах не строятся, – ты смеялся над нами. И в то время, как Афины обратились к нам за дружбой, чтобы вместе воевать с персами – ты смеялся: пускай спартанцы думают, что мы считаем их непобедимыми! И в то время, как по требованию Спарты вы предоставили нам верховное командование и ты сам настаивал на этом, – ты, Фемистокл, опять тихонько смеялся. Ты уговорил афинян уступить нам первое место, но сам-то ты не считал нас первыми. Не так ли?

– Именно так. Еврианакт.

Приятно потрескивали сухие сучья в очаге. Вечер был тихий, и дым прямо устремлялся в верхнее отверстие. Еврианакт, следя за пепельно-лиловыми волокнами дыма, как бы между прочим спросил:

– Ну, а какково живет герою Саламина на чужбине? А? Ты ведь, кажется, не из любви к Аргосу живешь здесь, Фемистокл? А?

У Фемистокла дрогнуло лицо. Он медленно обратил на Еврианакта свой тяжелый, мрачный взгляд.

– По-моему, и ты и Павсаний знаете не хуже меня, как живет человеку на чужбине.

– Но нас никто не изгонял из нашей страны. Павсания далее зовут обратно в Спарту.

– Да. Чтобы судить.

– Конечно, они будут судить его. Но что из этого? Уже судили однажды, но осудить не смогли. Пусть попробуют еще раз. Героя Платеи не так-то просто заковать в цепи. Нужны доказательства вины, а их нет. И не будет.

Однако в Спарту снова явиться ему все-таки придется.

– Так что ж? Явится, раз они не могут оставить его в покое. Только ничего они с ним не сделают, клянусь богами. Павсаний умен и осторожен.

Лишь в полночь, когда улеглись слуги и дом затих, Еврианакт открыл Фемистоклу, ради чего он приехал.

– Ты ведь понимаешь, Фемистокл, что я здесь не затем, чтобы поужинать у тебя и насладиться беседой...

– В моей беседе мало сладости, – буркнул Фемистокл.

– Тем более. Только ради этого пробираться во враждебный Аргос, где каждый аргосец рад сунуть кинжал в живот спартанцу, сам понимаешь, не стоило бы. Но у меня очень серьезное поручение к тебе. И прошу, выслушай спокойно.

– Я слушаю.

– Скажи, ты смирился со своей судьбой? Ты так и останешься здесь доживать жизнь – десять лет это немалый срок! – в неизвестности, в бездеятельности... И еще вдобавок в бедности? Это ты, саламинский лев, который победил самого Ксеркса, так и смиришься с тем, что твоей родиной правят другие, что твоей славой славятся другие и пожинают плоды твоих трудов?

Фемистокл молчал.

– Ты ждешь, что афиняне позовут тебя? Ты допускаешь, что враждебный тебе Аристид или тщеславный демагог Кимон позволят тебе снова войти в Афины, отнять у них власть и первенство в стране?

Фемистокл молчал.

– Так вот, если ты так думаешь и веришь в это, то скажу тебе, что ты очень глубоко и горько ошибаешься. Ты ведь не будешь, как лисица, вертеть хвостом и кланяться во все стороны – «Граждане афинские! Граждане афинские!» – и делать вид, что мнение Народного собрания для тебя закон. А Кимон будет. И знай: клевета уже работает над твоим именем. Тимокреонт пишет пасквильные стихи о твоём мздоимстве, о том, что ты нечист на руку, что ты утаивал государственные деньги, и мало ли чего еще. И граждане афинские верят!

Фемистокл молчал.

– А теперь они строят длинные стены к Пирею. Удивляюсь твоему терпению, Фемистокл, ты поистине великий человек, клянусь Зевсом! Разве не ты настоял, чтобы эти стены были построены? Разве не тебе обязаны они тем, что Афины стали морской державой и длинные стены Пирея сделают их страну непобедимой? Тебе. Фемистоклу. А где ты, Фемистокл? Удален из страны!

– Ты приехал, чтобы напомнить мне об этом? – спросил Фемистокл.

– Нет. Я приехал не за этим, – сказал Еврианакт, понизив голос, – мне поручено кое-что предложить тебе. Только, пожалуйста, Фемистокл, выслушай спокойно и не хватайся за свой персидский акинак.

Фемистокл отстегнул драгоценный акинак, добытый в бою, и отложил в сторону. Еврианакт одобритительно кивнул.

– Так вот, Фемистокл. Павсаний в Спарту не вернется. Он живет в Троеде, у него богатый дом, ни от каких радостей жизни он не отказывается.

– Но его заставят вернуться в Спарту.

– Да, если он останется без защиты.

– А кто же может защитить его?

– Ксеркс. Павсаний уже ведет с ним переговоры. Персидские цари любят, когда выдающиеся люди Эллады переходят к ним. Царь обещал ему помощь, а с такой помощью Павсаний завоюет не только Спарту. Вся Эллада станет его сатрапией.

– Уж не предлагает ли Павсаний и мне перейти к персам?

– Да, именно...

Фемистокл ринулся было за акинаком, но Еврианакт остановил его:

– Ты обещал выслушать!

– А ты помнишь, как поступили с тем афинянином на Саламине, который предложил сдаться персам, потому что не верил в победу и хотел только одного – чтобы наш город не был разрушен?

Еврианакт пожал плечами:

– Не помню.

– Его убили на месте. Его жену и детей растерзали наши женщины. А ведь он не предлагал измены.

– Что же мне передать Павсанию, Фемистокл?

– Передай, чтобы с такими предложениями он больше никого не присылал ко мне. Ни тебя и никого другого.

Еврианакт встал, накинул на плечи свой темный шерстяной плащ.

– Прости Фемистокл. Уже за полночь. Мне пора.

У порога он остановился, поглядел на бывшего архонта и стратега, который сидел понуро, склонив на руку кудрявую, тронутую сединой голову.

– А все-таки подумай!

Не получив ответа, Еврианакт вышел из мегарона. Топот коней быстро заглох в глубокой тишине гор.

Сикинн неслышно убрал со стола. Снял нагар со светилен. Добавил в амфору вина.

Как случилось, как это случилось, что ему, Фемистоклу, афинскому гражданину, предлагают перейти на сторону врага? Ему предлагают стать изменником! Как же все это случилось?

Фемистокл снова, как уже не раз это делал после своего крушения, перебирал в памяти события последних лет, припоминал свои поступки, свои речи перед народом... Народ его любил, но Аристид и особенно Кимон со своими угощениями и блестящими праздниками сумели оттеснить его. Как охотно и находчиво прибегал он к разным хитростям в войне с персами, а защитить себя перед своим народом у него не хватило ни хитрости, ни ума.

«Может, я напрасно построил это святилище возле своего дома?.. – думал Фемистокл. – Да, меня многие упрекали за это. Святилище Артемиды Аристобулы, подающей советы. Народ принял это как знак того, что наилучшие советы, давал городу именно я. Но что ж такое? Это же действительно было так, клянусь Зевсом, я ведь не присваивал себе чужого! Но как они все возмутились из-за этого храма!..»

Вспомнилось, что и Архиппа была недовольна этим его поступком. Архиппа во многом была права, может быть, все было бы иначе, если бы он внимательнее выслушивал ее.

Архиппа. Дети. Его дом, его гнездо!.. Боги не сжалились над его домом. С каким горем расставался он со своей семьей!..

Опершись локтем о стол и склонив на руку голову, Фемистокл сейчас снова слышал вопли и плач дочерей, которые бросались ему на шею, гнев сыновей, проклинавших неблагодарных афинских граждан, бессильные слезы Архиппы...

Как это случилось, что ему, Фемистоклу, предлагают перейти на сторону врага?

Измучившись, Фемистокл поднялся, чтобы идти в спальный покой, потому что в городе уже пели петухи.

Но вдруг вздрогнул и остановился.

«Что же это я? Надо послать гонца в Спарту, надо предупредить, что Павсаний изменник, что он хочет уйти к персам!»

И тут же устало махнул рукой:

«Кто поверит мне? Скажут, что я клевету, что афинянин Фемистокл выдумал это, лишь бы очернить спартамца. Нет, пусть боги решают сами, как поступить с изменником».

СУД СПАРТЫ

Сегодня в богатом доме Павсания было тихо. Павсаний закрылся в спальном покое и приказал никого к нему не пускать. Он ждал Еврианакта.

Павсаний постарел, располнел. Под глазами набухли мешки, на висках появились залысины. Вчера он много выпил с гостями, а потом плохо спал, останавливалось сердце, дыханию не хватало воздуха...

Проверив, хорошо ли закрыта дверь, Павсаний достал из-под изголовья своего ложа небольшой ларец, вынул из него свиток, на котором висела печать царя Ксеркса, и, придвинув к себе светильню, осторожно развернул его.

«Вот что царь Ксеркс говорит Павсанию: услуга твоя относительно людей, которых ты спас мне из Византия, на вечные времена будет запечатлена в нашем доме, и на предложения твои я согласен...»

Это ответ на письмо, которое Павсаний отправил царю Ксерксу. Он помнил свое письмо до слова.

«Спартанский военачальник Павсаний, желая оказать тебе услугу, отпускает этих военнопленных; предлагаю тебе, если ты согласен, взять в жены твою дочь и подчинить тебе Спарту и остальную Элладу. Поэтому, если тебе угодно принять какое-либо из моих предложений, пришли к морю верного человека для ведения дальнейших переговоров».

Да, Павсаний, будучи стратегом, тайно от эллинов отпустил из Византия взятых в плен персидских вельмож.

И никто не понял, почему Ксеркс отрешил от должности правителя прибрежной страны Мегабата и прислал в эту сатрапию одного из своих родственников, Артабаза, сына Форнака. А он, Павсаний, знал. Этот-то Артабаз и переслал ему письмо царя.

«...Ни днем, ни ночью пусть не покидает тебя неослабная забота об исполнении твоих обещаний, – снова, уже в который раз, Павсаний перечитывал эти строки, – не должны быть помехой тебе ни затраты золота и серебра, ни нужда в многочисленном войске, где бы ни

потребовалось его появление. Действуй смело при содействии Артабаза, человека хорошего, которого я послал тебе, устраивай свои и мои дела возможно лучше и для нас обоих возможно выгоднее».

Вот оно, это письмо, которое положило начало его отчуждению от Спарты, от союзников, от Эллады. Афиняне в своем слепом гнев не знают, что их дружба уже давно не нужна Павсанию.

Но ему нужен Фемистокл. Фемистокл – это прозорливый и предприимчивый человек, это человек государственного ума, который будет ему могущественным союзником и помощником. Однако где же до сих пор Еврианакт?

Павсаний бережно свернул свиток, спрятал в ларец и запер ключом, который висел на груди под хитоном.

Еврианакт вернулся ночью, когда Павсаний уже спал. Тяжелым шагом он вошел в дом. Узнав, что Павсаний спит, не велел будить его.

Но Павсаний проснулся сам. Получив отказ Фемистокла, Павсаний разгневался и огорчился.

«Ну что ж, – решил он, – буду действовать один. Надо продумать, как и с чего начинать это дело. В этом есть и хорошая сторона – один добиваюсь, один и воспользуюсь тем, чего добьюсь!»

А пока Павсаний обдумывал план своих дальнейших действий, к нему снова явился глашатай из Спарты:

– Цари и эфоры Лакедемона велят тебе явиться в Спарту и не медлить. Иначе они объявят тебе войну.

– О Зевс и все боги! – воскликнул Павсаний. – В чем еще обвиняют меня эфоры?! Объявят войну! Зачем? Разве я когда-нибудь сопротивлялся приказаниям, идущим из Спарты?

Павсаний был потрясен появлением глашатая, он уже как-то перестал опасаться эфоров. И вот они еще раз настигли его!

«Ничего, – думал он, – золото поможет снять любое обвинение. А улики у них нет никаких. Что ж, поеду. Пусть не думают, что я испугался, а испугался потому, что виноват!..»

С видом по-прежнему независимым и надменным, но уже без своего пышного отряда персов и египтян, с которым он шествовал из Византия в Трояду, Павсаний явился в Спарту.

Он приготовился защищаться против любого обвинения, которое предъявят ему эфоры. А так как обвинения их не подтвердятся, они и теперь не смогут осудить его. Таков закон!

Но случилось непредвиденное. Как только его конь ступил на Лаконскую землю, спартанская стража тотчас обезоружила Павсания и отвела в тюрьму. Крепкие двери захлопнулись за ним. Эфоры имели достаточно власти, чтобы заключить в темницу не только полководцев царского рода, но и самих царей.

Павсаний дал волю своей ярости. Он проклинал себя. Зачем он вернулся сюда? Почему не ушел в Персию и не начал дело, к которому готовился?

Успокоившись, он старался понять, что выдало его? Кто выдал его?

Он посылал письма и царю и Артабазу. Но посланцы, с которыми он отправлял эти письма, не могли свидетельствовать против него, потому что ни один из них не вернулся и не мог

вернуться – Павсаний в каждом письме просил персов не оставлять его посланца в живых. Значит, свидетелей не было.

Тогда что же? Одни подозрения? О, это ему не страшно. Только надо потребовать открытого суда, а он, спартаец, герой Платеи, имеет на это право!

Старые эфоры между тем были в смущении. Не один час провели они, заседая и обсуждая это трудное дело: как поступить с Павсанием?

– Нам известно, что он переписывается с персидским сатрапом Артабазом. Разве этого мало, чтобы осудить?

– Но у нас нет этих писем.

– Павсаний собирал по городам таких же изменников, как он, и платил им персидским золотом.

– Где те люди, которые получили это золото?

– Но он старался поднять восстание среди илотов. Что еще нужно?

– Илоты, которые донесли на него, могли обмануть нас.

Снова молчали, снова думали, подчиняясь твердому спартанскому правилу: без неопровержимых улик нельзя принимать относительно спартаца какую-либо чрезвычайную меру и выносить непродуманное решение, которое может оказаться несправедливым.

По требованию Павсания устроили открытый суд. Предъявили обвинения: подражает обычаям персов; есть подозрение, что не хочет подчиняться законам Спарты; говорят, что обещал илотам свободу, если они будут поддерживать его... Что же еще? А вот что: когда в честь победы при Платеях поставили в Дельфах треножник, Павсаний без разрешения государства сделал надпись, прославляющую его:

Эллинов вождь и начальник Павсаний в честь Аполлона владыки...

Но это уже давно известно и два раза за один и тот же проступок не судят!

Павсаний не был похож на преступника, которого подвергли суду. Он стоял, подняв голову, в позе незаслуженно оскорбленного человека. Его глаза грозили эфорам и всем, кто пытался обвинить его.

– Я не виноват ни в одном из преступлений, в которых вы хотите меня обвинить. Но если обвиняете, то доказывайте свои обвинения.

И уже трудно было понять, его судят или он судит. Все, кто пытались обличить его, чувствовали его невысказанную угрозу:

«Я припомню вам вашу вражду. Вы еще горько пожалеете о том, что выступили против меня сегодня!..»

Эфоры, не сомневаясь, что Павсаний повинен в государственной измене, оказались бессильными перед ним: они ни в чем не могли уличить его!

Старый, с пожелтевшей бородой эфор еще раз обратился к судьям и свидетелям:

– Можете ли предъявить новое доказательство вины Павсания?

Все молчали. Павсаний, успокаиваясь, с насмешкой поглядывал на эфоров, он видел, что

дело его выиграно.

– Никто не может предъявить новое доказательство вины Павсания? – снова усталым голосом повторил эфор.

– Нет... Никто...

Вдруг какой-то человек в запыленном плаще быстро вошел, вернее, ворвался в зал суда.

– Я могу! – крикнул он.

Павсаний побелел. Он узнал одного из своих посланцев к персам, аргильца, которому он вполне доверял. Аргилец жив, он вернулся, персы выпустили его. Но не будет же он выдавать Павсания. А если и захочет выдать, кто поверит ему? Ведь доказать то и он ничего не сможет!

Об этом же самом подумали и эфоры. Когда аргилец заявил, что может уличить Павсания, эфоры прервали суд.

– Павсаний, сын Клеомброта, ты свободен. Человека, который бы доказал твою вину, не нашлось.

Они отпустили Павсания. Но аргильца задержали.

– Расскажи, что ты знаешь о деле Павсания.

Аргилец рассказал:

– Павсаний дал мне письмо, чтобы я доставил его персу Артабазу. Я повез это письмо. Но дорогой подумал: сколько гонцов посылал Павсаний к персам, но почему-то ни один из них не возвратился. Я подделал печать и вскрыл письмо. Думаю, если ничего плохого нет в этом письме, я снова его запечатаю. Я прочитал письмо, а в конце увидел приписку – Павсаний приказывал убить того, кто доставит это письмо. То есть меня. Вот я и поспешил сюда, чтобы сказать вам: Павсаний изменник. Он договаривается с персами. А своих верных слуг, таких, как я, убивает! Вот это письмо.

Эфоры прочитали письмо Павсания к персидскому царю.

– Да. Это улика! Наконец-то!

– Как будто так. А если письмо подложное? Если кто-то из личной мести хочет погубить Павсания?

Эфоры договорились, как поступить, чтобы наконец добиться истины.

В Лакедемонe, на скале мыса Тенар, стояло святилище Посейдона. Аргилец ушел на этот мыс и там построил себе хижину возле самого святилища, как бы собираясь молить бога о чем-то. В хижине он сделал перегородку. Эфоры тайно пришли к нему и спрятались за перегородку. Они знали, что Павсаний не оставит в покое аргильца, предавшего его. Их было несколько человек, они все хотели слышать, что станет говорить Павсаний, когда придет.

И Павсаний пришел. Эфоры затихли, затаились. Полководец быстрым шагом вступил в хижину.

– Зачем ты здесь? – сразу начал Павсаний, грозно глядя на аргильца. – О чем ты молишь божество?

– Чтобы оно защитило меня от вероломных людей, – ответил аргилец.

– Вот как? – ядовито сказал Павсаний. – Не о себе ли ты говоришь? Как случилось, что ты не выполнил моего поручения? Разве сюда, в Спарту, послал я тебя со своим письмом?

– Не в Спарту. Ты послал меня к персидскому сатрапу Артабазу. Так же, как посылал к персам многих до меня. И я никогда не подводил тебя, когда ты посылал меня к персидскому царю. Я честно выполнял все твои поручения, передавал персам, что ты велел, и приносил от персов, что они тебе посылали. Но я прочел твое последнее письмо, где ты почтил меня смертью наравне с другими твоими слугами.

– Вот как?!

Павсаний помолчал, раздумывая.

– Ну хорошо, – сказал он миролюбиво, – я виноват перед тобой. Но если я признаю свою вину, то и ты не гневайся. Выйди из святилища. Не бойся, я тебе обещаю безопасность. Только ты поспеши с письмом к Артабазу, царь ждет от меня известий, не задерживай важных дел, которые должны свершиться!..

Эфоры слышали все. Они тихо вышли в заднюю дверь и молча удалились из ограды святилища. Сомнений больше не было. Придя в город, они тут же отдали приказ схватить Павсания, как только он вернется с Тенара.

Павсаний, озабоченный тем, что так и не смог уговорить аргильца выйти из-под зашиты божества, с тяжелой душой возвратился в город. Опасный свидетель не дался ему в руки. Что же будет теперь?

Мрачно задумавшись, Павсаний шел по улице. Недалеко от храма Афины Меднодомной он, подняв глаза, увидел двоих эфоров, которые стояли и смотрели, как он идет. Один из них, высокий, с клочковатой рыжей бородой, пристально уставился на Павсания, словно ястреб, готовый броситься на добычу. Другой эфор, маленький, с голубой сединой над розовым лицом, из-за спины рыжего делал Павсанию какие-то знаки, испуганно моргая ресницами, словно предупреждая. На улице появилась стража...

И Павсаний понял. Он быстро повернулся и бросился к храму Меднодомной. Стража ринулась за ним. Но Павсаний успел войти в священное здание, стоявшее на участке Меднодомной. Теперь он был в безопасности. Никто не посмеет тронуть его в стенах святилища, под защитой богини он неприкосновенен!

Около святилища Меднодомной быстро собралась толпа. Вооруженная стража беспомощно ходила около здания, ни их сила, ни оружие не могли им помочь взять молящего о защите. Толпа гневно шумела:

– Смерть изменнику!

– Смерть!

– Смерть!

Павсаний слышал эти возгласы. Он знал, что пощады не будет. Быстрые мысли бежали одна за другой: как спастись, как убежать?

Он услышал голоса эфоров. Так и они все здесь. Они ждут, что он выйдет из святилища. А он не выйдет. И взять они его отсюда не посмеют. А там боги решат, как спасти его. Здание закрытое, ни дождь, ни ночной холод не будут мучить его, а голод он может терпеть долго. Да и не придется долго терпеть, эфоры уйдут, а соблазнить стражу золотом – это он сумеет.

Но что там задумали эти злобные старики? Стражники снимают крышу, снимают двери...

Маленькое помещение в глубине святилища еще оставалось под крышей, и Павсаний вошел туда. Двери здесь не было, чтобы закрыться. Однако это ничем не грозило, его не могли тронуть в святилище.

Но странно, эфоры словно только этого и ждали. Их непонятно торжествующий возглас поразил Павсания. Он почувствовал – готовится что-то недоброе.

Готовилось страшное. Стражники откуда-то притащили кирпичей и принялись закладывать выход из святилища. Павсаний понял, какая смерть ему грозит. Он с отчаянием ждал, когда уйдут эфоры, надеясь уговорить стражу отпустить его.

Но эфоры не ушли. Не ушли и на ночь. Не ушли и на следующий день. Не ушли от замурованных дверей до того самого дня и часа, когда Павсаний умолк, больше не в силах кричать и умолять о пощаде...

– Он умирает!

– Да, он умирает.

– Надо вывести его. Иначе он своей смертью осквернит святыню.

Эфоры приказали разбить кирпичи и открыть выход. Они вывели Павсания, вернее, вытащили его из святилища. Павсаний, славный герой Платеи, мертвым упал к их ногам.

– Так наказывает Спарта изменников! – сказал рыжебородый эфор.

И, не прикоснувшись более к телу, чтобы не оскверниться, эфоры покинули священный участок.

ИЗГНАНИЕ

Медленно, приглушенно шла жизнь в доме на гористой улице Мелиты. Архиппа, оставшись без мужа, приняла на свои плечи все тяготы семьи. Старшую дочь Мнесиптолему Фемистокл успел выдать замуж за небогатого, но хорошего человека. К дочери многие сватались, Архиппа с гордостью вспоминала об этом. Но Фемистокл говорил так:

– Я предпочитаю добропорядочного богатому, потому что лучше человек без денег, чем деньги без человека!

И он был прав, как всегда.

Первое время Архиппа страстно тосковала. Когда-то она жалела тех женщин, к которым мужья не вернулись с войны и им некого было ждать по вечерам. А теперь вот и для нее наступило такое время.

Трудно было ей с сыновьями. Они не могли простить афинянам такую неблагодарность к отцу.

– Дети мои, – говорила она, – остракизм – это не позор. Подлых и ничтожных людей не подвергают остракизму. То, что удалили вашего отца из Афин, доказывает только одно: что он был слишком одаренным государственным человеком, чего люди более мелкие терпеть не могут.

– Десять лет! – возмущался младший сын, которого так любил Фемистокл. – Я уже состарюсь,

когда вернется отец!

– Никто из нас не состарится, – возражала Архиппа. – Как можно? Пусть отец увидит нас молодыми, сильными, чтобы он знал, что ему есть на кого опереться!

А потом, закрывшись у себя в гинекее, рыдала о тоски, от отчаяния.

– Десять лет! – шептала он. – Десять лет! Это же не десять дней! Как мне прожить эти десять лет без тебя, Фемистокл? Если бы у тебя был хоть какой-нибудь уголок на земле, где бы ты был в безопасности, я бы взяла всех наших детей и приехала бы к тебе. Но у тебя нет пристанища, Фемистокл, и мне остается только одно – ждать.

Но вот прошел один год, прошел другой. Архиппа уже перестала считать свои седые волосы, вся ее золотистая голова словно покрылась пеплом. День начинался с того, что она ждала весточки из Аргоса. И кончался тем, что, утешая себя и детей, Архиппа уверяла, что весточка непременно придет завтра.

И все-таки радость являлась всегда неожиданно. Раздавался знакомый стук в ворота, и быстрым шагом в дом входил Сикинн. Этот старый перс был теперь у них самым родным человеком. Архиппа начинала гонять слуг, чтобы как следует накормить Сикинна, чтобы устроить ему хороший отдых. Отдыха у этого перса не получалось; он должен был без умолку рассказывать о том, как живет Фемистокл, и что он велел сказать Архиппе, и что он велел сказать сыновьям. И он должен был внимательно выслушать, что велит передать Фемистоклу Архиппа, и что говорят дети, и что говорит его самый младший сынок!..

– Фемистокл живет спокойно, о нем не надо тревожиться, в Аргосе любят и почитают его.

– Да ведь скучает же! – вздыхала Архиппа.

– А как же? Конечно, скучает. Иногда отправляется в путешествие, в Пелопоннес.

– Хоть бы не в Спарту!

– Нет, туда ему нельзя. Но лучше бы и в Пелопоннес не ездить.

– Почему, Сикинн?

– Говорят, что он там смущает спартанских илотов. Будто бы подбивает их поднять восстание. А это опасно.

– Если даже это неправда, – а это, конечно, неправда! – спартанцы не пощадят его. Сикинн, скажи ему, что я умоляю его побережь себя!

– Я каждый раз говорю ему это, госпожа!

Так прошел еще год. И еще один. Наступил 469 год, когда весть об измене Павсания и о его страшной смерти разнеслась по Элладе. В Афинах много было разговоров об этом. Это событие обсуждалось и на Пниксе, и на рыночной площади, и на перекрестках, и в закрытых мегаронах.

Архиппа, сама не зная почему, испугалась. Эта новость казалась ей зловещей, словно гибель Павсания предвещала и Фемистоклу какую-то страшную беду. Но что могло случиться еще? И какое отношение к ее семье имеет смерть Павсания?

И вспомнила: когда Фемистокла судили, то его обвинили в том, что он связан с Павсанием. Павсаний писал ему, уговаривал вместе с ним перейти к персам. Не подняли бы теперь враги Фемистокла это старое дело...

Днем пришли со стадия сыновья, смущенные, чуть ли не со слезами в глазах. Старший молчал, а младший тотчас подступил к матери:

– Мама, люди говорят, что наш отец тоже изменник!

Архиппа побледнела, но спросила спокойным голосом:

– Какие люди? И почему они так говорят? Сын Лаомедонта говорит.

– Лаомедонт – друг Кимона. А Кимон, как тебе известно, все сделал, чтобы предать остракизму твоего отца. Не обращай внимания, сынок.

– Я не обращаю.

– Он не обращает, – сказал старший, – он только ударил его несколько раз, этого сына Лаомедонта.

– О боги! – вздохнула Архиппа. – Боюсь, что скоро вам, сыновья мои, придется драться со всеми Афинами! О Гера, защити мою семью!

А вечером пришел Эпикрат. Поздоровался без улыбки, глаза его были сумрачны. Архиппа приняла его в мегароне мужа.

– Что еще случилось, Эпикрат?

– Пока ничего не случилось, Архиппа. Но недобрые идут слухи. Боюсь, что враги Фемистокла постараются припомнить ему письмо Павсания.

– Так я и знала! Но ведь он же не скрыл этого письма! Он же сказал тогда: «Если бы я был связан с Павсанием, ему незачем было бы уговаривать меня». А теперь – опять?

– А теперь – опять.

– Что же будет с ним, Эпикрат? Неужели в Афинах все забыли, что сделал для них Фемистокл?

– В Афинах не забыли. Но слухи идут из Спарты. На Спарту легло такое черное пятно. Так им нужно, чтобы такое пятно легло и на Афины. Но подождем, Архиппа, может быть, все это минует нас...

– А если не минует?

– Будем спасать его. У Фемистокла ведь не только враги в Афинах, но есть и друзья.

– Не оставляйте нас, Эпикрат!

– Друзей об этом не просят, Архиппа!

Это было смутное и тревожное время для семьи Фемистокла. Каждый день ждали беды. Иногда казалось, что разговоры и пересуды затихают. А потом – новая сплетня, новая клевета. И уже все меньше друзей у Архиппы, уже все меньше знакомых, посещающих ее дом. Проходили мрачные, томительные дни, месяцы... Вот уж и еще год прошел. В Спарте не умолкали враждебные Фемистоклу голоса. Искали доказательств его связи с Павсанием. Доказательств не было. Но ведь Фемистокл знал, что Павсаний замыслил измену, а если знал, то почему не выдал Павсания?

И вот в Афины явились спартанские послы. – Афиняне видели, как, суровые, хмурые, непреклонные, они проследовали в пританею.

– Сыновья мои, не ходите никуда, – уговаривала детей Архиппа, чувствуя, что подступило то страшное, что решит судьбу их всех – и Архиппы, и детей, и самого Фемистокла. Спартанцы, конечно, пришли обвинять его. Но неужели в Афинах так и не найдется честных людей, чтобы его защитить?

«А кто защитит? – с горечью думала Архиппа. – Аристид? Но он первый поддержит спартанцев. Кимон? Но он лучший друг Спарты. А кто поспорит с ними? Они сейчас самые сильные люди в Афинах. И они, эти аристократы, рады будут очернить имя Фемистокла, хотя с успехом пользуются сейчас делами его рук. Боги, неужели вы допустите такую несправедливость? Хоть бы пришел Эпикрат, рассказал бы, что там!»

Дня через два пришел Эпикрат. А вслед за ним, когда уже совсем стемнело, закрыв лицо плащом, в дом вошел Евтихид.

– Приходится быть осторожным, – оправдываясь, сказал он. – Теперь все так и смотрят, кто идет в дом Фемистокла! Тьфу на них совсем!

– Так, может, вам и вовсе не надо бы ходить к нам, – сочувственно сказала Архиппа. – Я ведь все понимаю. Я не хочу, чтобы вместе с нами погибали наши друзья!

– Ну, ну, – остановил ее Эпикрат, – не чума же у вас в доме!

– Да почти как чума, – сказала Архиппа. – Вчера послала служанку к соседке за свежей петрушкой – мы постоянно делимся друг с другом чем-нибудь со своих грядок, – так эта соседка сказала, чтобы мы забыли, где находятся ее двери...

– Не огорчайся, Архиппа. Соседи – это соседи. А друзья – это друзья.

– Так чего же хотят эти проклятые спартанцы? – вытерев слезы, спросила Архиппа.

– Они хотят судить Фемистокла.

– Но его уже судили! И опять?

– Чтоб они сдохли, эти эфоры, тьфу на них совсем! Они не только требуют суда – они требуют панэллинского суда и чтобы суд происходил в Спарте.

– Как! Почему?

– Не пугайся, Архиппа, – сказал Эпикрат, стараясь сохранить вид спокойствия. – Отдать своего героя на суд Спарты, которая ненавидит его и мстит ему за его услуги Афинам, не такого просто.

– Но почему панэллинский суд? Афины и сами могут судить его!

– Афины могут судить и осудить, а могут и оправдать. А если будут судить его в Спарте, на собрании всех союзных государств, то уж Спарта не допустит оправдания. Вот потому эфоры и настаивают на этом.

– Чтоб они сдохли!

– Спартанцы уверяют, что открыли его связь с Павсанием. Что он такой же изменник, как и Павсаний. И потому его призывают к допросу на панэллинский суд, что он совершил преступление против всей Эллады.

– Что же будет теперь? – растерявшись, спросила Архиппа. – Значит, и Фемистоклу такая же смерть?

– Как знать, что будет? – Эпикрат уже не мог скрыть тревоги. – Пока афиняне согласия на это не дали...

– Но дадут, – мрачно сказал Евтихид.

– Неужели у них хватит совести? – У Архиппы прервался голос. – Эпикрат... Скажи!

Думаю, что хватит, – сказал Эпикрат, вздохнув. – Вспомни, кто будет решать это дело.

– Да, кто? Аристид и Кимон! – подтвердил Евтихид.

– Подождем, подождем, Архиппа! Будет так, как решат боги. Но я посоветовал бы Фемистоклу не являться на суд, где заранее решено присудить его к смерти! Если будет случай, передай ему мой совет, Архиппа!

Фемистокл знал обо всем, что происходит в Спарте и в Афинах. Хотя он ждал, что его призовут на суд, но не верил, что это может случиться.

«Аристид не решится предать меня, – думал Фемистокл, – он слишком дорожит своим именем „Аристид Справедливый“, чтобы не защитить того, кто вызвал на себя вражду Спарты ради пользы Афин... Впрочем, и ему и Кимону, как я не раз замечал, выгоды Спарты дороже, чем польза своего отечества!..»

Сикинн не раз бывал в Афинах, но привозил все те же вести: Спарта не отступает, требует суда над Фемистоклом, которого называет изменником, преступником перед Элладой. Афины все еще не соглашаются.

Потом вести стали звучать иначе: Спарта требует суда, афиняне еще сопротивляются, но многие уже соглашаются с требованиями Спарты. И, наконец, последняя весть – Фемистокла требуют в Спарту на панэллинский суд. Это требование привезли глашатаи из Спарты.

– Что ж, – сказал Фемистокл, получив приказ, – я явлюсь на суд и докажу, что этой вины за мной нет.

Но правители Аргоса, приютившие его в своей стране, воспротивились.

– Этот суд приведет тебя сначала в тюрьму, а потом к смерти. Мы не советуем тебе, Фемистокл, являться в Спарту!

Фемистокл задумался. Ведь и афинские друзья говорят так же.

– Вы правы, – сказал он, – ждать справедливости от спартанцев смешно! Когда они были справедливы? Может, тогда, когда, пользуясь большинством своих голосов, лишили меня первой награды за Саламин? Или тогда, когда вообще не дали мне никакой стратегии, раздав все должности своим? Ох, да что там! Маргит[36] я буду, если явлюсь на этот суд. Вы правы, клянусь Зевсом!

В назначенный день в Спарте собралось множество народа. Всем хотелось видеть, как будут судить афинского героя. Кто-то сожалел, кто-то злорадствовал, кто-то негодовал на Фемистокла за измену, кто-то негодовал на правителей, подвергающих прославленного человека незаслуженному позору...

Ждал народ. Ждали правители Спарты и Афин. Ждали судьи. И ждали напрасно – Фемистокл на суд не явился.

Вместо него примчался посыльный с письмом. Фемистокл обращался к гражданам своей республики, он доказывал свою невиновность в том страшном преступлении, в котором его

обвиняют. Он, всегда стремившийся к власти, по природе своей неспособный подчиняться и никогда не желавший подчиняться, как он мог бы предать себя, а вместе с собой и Элладу во власть врагов – варваров?.. Но враги его, афиняне из партии аристократов, отвергали его доводы, а спартанцы не хотели слушать его оправданий.

Правители Спарты в ярости, что не удалось захватить Фемистокла, настояли на том, чтобы подвергнуть его изгнанию. Кимон охотно поддержал их.

Изгнание – это уже не остракизм. Человек, удаленный из государства голосованием посредством черепков, не лишается ни гражданских, ни государственных прав. Его имущество не трогали. И, возвратившись, он мог снова занимать руководящую должность. Остракизм не лишал его уважения и славы.

И совсем другое дело – изгнание. Изгнание – это лишение гражданской чести и конфискация имущества. Изгнание – это лишение прав гражданина и преследование законом республики. Изгнание – это конец участию в общественных делах, конец уважению, конец славы.

Эфоры тотчас снарядили отряд спартанцев. К ним присоединилось и несколько афинских граждан, готовых преследовать Фемистокла. Отряд получил приказание захватить Фемистокла, где бы они его ни нашли, и доставить его в Афины.

Посланцы тотчас сели на коней и помчались по дороге в Аргос.

Преданный слуга Архиппы, посланный узнать, чем кончится судилище, прибежал в страхе и отчаянии:

– Госпожа! Скорей сообщи Фемистоклу, что они послали за ним...

Архиппа без сил опустилась на скамью. Осудили!

Она мгновенно представила себе свою дальнейшую судьбу – бесправие, беззащитность, унижение...

И вдруг вскочила. Что же это она? Фемистоклу грозит смерть, а она сидит и горюет, что кто-то унизит ее!

Что делать? Кого послать к Фемистоклу? Рабам доверять нельзя. Слуга, которому можно верить, стар, не доберется вовремя!..

На пороге внезапно появился Эпикрат.

– О Эпикрат, надо скорей...

– Уже сделано, Архиппа. А ты подумай, как устроить семью. Может быть, переедешь к родственникам? К тебе скоро придут и отберут имущество. Все, что у тебя есть. Собери все ценное, надо спрятать.

Архиппу уже нельзя было сбить с ног. Что все беды по сравнению с тем что грозит Фемистоклу! Она снова обрела мужество и твердость характера, твердость женщины, хранящей очаг, твердость матери, опоры и защиты своей семьи, своих детей.

– Пусть возьмут все, не намного разбогатеют Афины. Ведь они думают, что у Фемистокла здесь горы золота! Пусть ограбят нас, если найдут, что грабить!

Но все-таки, окинув взглядом углубления в стенах, где стояли дорогие чаши и амфоры, принялась собирать их и укладывать в корзину.

СКИТАНИЯ

В Аргосе уже была известна судьба, постигшая Фемистокла. Правители Аргоса и друзья Фемистокла собирали его в дорогу.

– Мы бы не отпустили тебя, Фемистокл, но мы не в силах тебя защитить. Проклятая Спарта пойдет на все, чтобы захватить тебя. Вплоть до войны.

– Я знаю, друзья мои, поэтому и покидаю вас.

– Что там нашли они в письмах Павсания к тебе? Говорят, что ты обещал перейти к персам и помочь ему поработить Элладу.

– Нет, не это их напугало. Их напугало, что Фемистокл хотел вместе с Павсанием поднять восстание спартанских илотов – они живут как на вулкане, вот-вот у них под ногами развернется земля!

– Но Фемистокл не повинен в этом!

– Вы ошибаетесь, друзья, в этом я повинен, – сказал Фемистокл. – Я не удивляюсь их ярости, это самое страшное, чем я был им опасен: я хотел поднять восстание илотов. Теперь мне уже до конца жизни не ждать пощады от Спарты. Однако то, что я сделал – я поколебал покорность их илотов, – они уже не поправят. Не нынче, так завтра, а илоты все-таки восстанут. И это будет справедливо.

– Нам очень жаль, Фемистокл. Ты уходишь, и у Аргоса уже больше нет в Афинах союзников против Лакедемона!

– Да. Мои планы шли далеко. Я бы поселил афинскую колонию в Италии. Это, конечно: сильно не понравилось бы Спарте, но как это укрепило бы и усилило Афины! Ах, так много я еще мог бы сделать для Афин, но афиняне не поняли этого. Однако простимся. Спасибо за вашу дружбу и за помощь в мой черный день.

Спартанские посланцы вскоре появились в Аргосе и потребовали, чтобы аргосцы выдали Фемистокла. Но те даже разговаривать не стали.

– Если считаете, что Фемистокл у нас, возьмите его!

Небольшое судно вышло в Ионическое море, направляясь к острову Керкире. Фемистокл стоял на корме судна и печально глядел, как удаляются берега Эллады. Навсегда? Нет, этому невозможно поверить. Боги не допустят этого!

Судно приближалось к острову, зеленеющему среди сверкающих волн теплого моря. Фемистокл, простившись взглядом с берегом Эллады, обернулся к Керкире. Керкира встречала его толпой народа. Правители острова, изысканные ионийцы в белоснежных хитонах и расшитых плащах, почтительно встретили Фемистокла, своего евергета.[37]

Это почетное звание евергета Фемистокл заслужил тем, что, будучи у власти в Афинах, постоянно защищал интересы ионийцев – керкирян. Когда-то керкиряне спорили с Коринфом из-за Левкады, лежавшей на западном побережье Акарнании. Коринф считал Левкаду своей колонией, но ионийцы-керкиряне оспаривали Левкаду. Они попросили Фемистокла быть в этом деле третьей стороной. И Фемистокл рассудил их. Колония должна быть общей – и Керкиры и Коринфа, – но Коринф за это обязан уплатить Керкире двадцать талантов.

Звание евергета давало право владеть на Керкире землей и домом, чего не дозволено было людям других государств. Это звание защищало имущество евергета, если ему предъявляли какой-нибудь иск.

Но Фемистокл, поселившись в доме одного из друзей-керкирян, чувствовал, что положение его здесь ненадежно, хотя он и не замечал недоброжелательства или недоверия к себе.

Жизнь на острове казалась ему странной, не то еще не проснувшейся среди полуденных грез, не то задремавшей в тишине прозрачного звездного вечера... Дни проходили без волнений, без событий. Фемистокл привык вставать рано, всю жизнь он торопился – то надо выступить на Пниксе, то надо строить корабли, то надо воздвигать защитные стены, то позаботиться о детях, то надо успеть к друзьям провести праздничный вечер. Сейчас у него не было никаких дел. Осеннее утро разгоралось медленно. Фемистокл не знал, как дожидаться полного света. Он уже давно не спал. Мягкое ложе вместо сладких снов нагоняло бессонницу.

Но вот уже совсем светло, а в доме тишина. В первые дни Фемистокла тревожила эта тишина. Разве хозяева уже ушли куда-то? Но нет, слуги что-то делали, готовили еду, прибирали дом... Хозяева еще спали.

Фемистокл ходил по городу – та же сонная тишина осеннего утра. Лишь на рынке толпился народ между рядами овощей и рыбы... Фемистокл вышел на окраину и, тяжело задумавшись, долго глядел в ту сторону, где за серебряной дымкой моря лежал аттический берег с гаванью Пиреем, которую для Афин построил он, Фемистокл...

«Как ты там, Архиппа? – думал Фемистокл, и перед глазами стояла в темноте женщина на пороге дома. – Как ты там, маленький мой сынок, владетель моего сердца? Как вы все, дети мои? Сильно ли обижают вас люди?..»

Он видел их всех, испуганных и оскорбленных, а дом свой разграбленным...

Одна надежда – на Архиппу; она сильная, она выдержит и не даст погибнуть семье. Ведь не до конца же их жизни будет так?

– Боги, за что вы так несправедливы ко мне! Керкиряне с любопытством поглядывали на него. Вот он, изгнанник афинский, герой Саламина!.. Плохо же ему приходится, если он ищет спасения на их острове, не защищенном ни флотом, ни армией...

К полудню вышел из своей спальни Динон, благородный иониец, хозяин дома.

– Я думал, что ты куда-то уехал по делам, – сказал Фемистокл. – Неужели ты только сейчас начинаешь свой день?

– Да нет, день у меня начался раньше, – ответил Динон, – но не хотелось сразу покидать ложе... Потом – ванна, массаж... Убрать голову, уложить волосы... Все это требует времени.

Динон благоухал притираниями. Его локоны были красиво уложены на голове, полотняный хитон был безупречной белизны... «Ионийцы остаются ионийцами, – подумал Фемистокл, – склонность к изнеженности у них неодолима! Не с этого ли начинается гибель народов?»

Но вслух ничего не сказал. Он чувствовал себя здесь чужим. Все изменилось. Когда-то керкиряне смотрели на него как на защитника и благодетеля, от которого многое зависело в их жизни, теперь он сам ищет у них защиты и благодеяний.

«Нет, надо что-то предпринимать, – думал Фемистокл, – надо немедленно что-то предпринимать. Я не гоюсь в челядинцы богатого дома. Мне противна эта пустая, бездеятельная жизнь. И, самое главное, не могу же я смириться с тем, что Спарта правит Афинами и что афиняне, угождая Спарте, изгнали меня! Как изменить все это? Если бы не

изгнание, я знал бы, что мне делать. Моряки, ремесленники – это мое войско, войско демократии. С таким войском я победил бы этих „лучших“ людей, этих „справедливых“... А так? Только силой можно восстановить в Афинах настоящую демократию – власть демоса, простых рабочих людей! Но где эта сила?.. Может быть, Гиерон?»

Никому не рассказывая о своих замыслах и планах, Фемистокл с попутным торговым судном отправился в Сиракузы. Сиракузами нынче правил брат Герона, Гиерон.

Гиерон удивился, увидев Фемистокла.

– Какой ветер пригнал тебя ко мне? – громогласно обратился он к гостю. – Может быть, вспомнил старую дружбу, как мы вместе дрались с персом? Или снова началась война и ты ищешь союзника? Впрочем, как я слышал, ты теперь не враг персам, а даже наоборот, благоволишь к ним!

– Да, я ищу союзника, – ответил Фемистокл, – но если ты, как и в то время, когда Эллада просила твоего брата о помощи, ответишь мне так же, как он, упреками и насмешками, то, клянусь Зевсом, я не отягощу тебя своим присутствием, Гиерон.

Гиерон задумчиво посмотрел на него. Афинянин, потерявший отечество, что он для Гиерона? Однако это не просто афинянин, это Фемистокл, человек прославленный и хитроумный: может быть, все-таки надо принять его как гостя и выслушать? К тому же интересно, что он скажет нынче Гиерону.

Не обижайся на меня, Фемистокл, будь моим гостем. Всегда приятно провести время со старыми друзьями за чашей вина!

Гиерон был богат и могуществен и крепко держал в руках своих Сиракузы. Поглаживая свою черную квадратную бороду, он исподтишка следил за Фемистоклом, какое впечатление производит на гостя великолепие его дворца – украшения, ковры, золотая и серебряная посуда, столы и ложи, отделанные сверкающей медью. Но, к досаде Гиерона, Фемистокл словно не видел ничего, он вошел в сиракузский дворец, как в походный полевой шатер.

– Я вижу, сильно скрутила тебя судьба, Фемистокл, – сказал Гиерон, приглашая его к столу. – Ты ничего не видишь и не слышишь, кроме своих неприятностей. Отдохни, выпей вина, вино в Сиракузах не хуже, чем у вас, в Афинах. Впрочем, ты уже, кажется, не афинянин?

– Я пришел к тебе с важным делом, Гиерон.

– Ах да! Ты же ищешь во мне союзника! – продолжал Гиерон, и узкие черные, в набухших веках глаза его смеялись. – Я и Фемистокл! Можно ли было это предположить? Да, не тот уже ты, Фемистокл, не тот! Сейчас я вспоминаю, как ты после Саламина явился на Олимпийские игры. О Зевс и все боги! Молодой, красивый, пышный такой! И народ уже не смотрит на ристалище,[38] ни на борцов, ни на дискоболов, все только на тебя: глядите, глядите, это Фемистокл, это герой Саламинской битвы! И чужеземцам покоя там не было: «Вы знаете, кто это? Это Фемистокл, афинянин, герой Саламина!» Мне самому прогудели уши Фемистоклом. А Фемистокл сияет, светится от счастья... Любил ты почести, а, Фемистокл?

– Почести эти были заслужены мною.

– Ну еще бы! Кто же спорит. Но как идет время! И как оно все меняет! Помнится, я тогда тоже прислал на ристалище в Олимпию своих лошадей. И палатку свою поставил. Красивую, роскошную палатку...

– Я помню, Гиерон. Но...

– Еще бы тебе не помнить, Фемистокл, если ты тогда из-за этого впал в бешенство. Ты ведь

тогда кричал на эллинском собрании: «Лошадей тирана нельзя допускать к состязанию на Эллинских играх! Палатку тирана следует изорвать в клочья, тирану не место здесь, в Олимпии!» Ха-ха! Что было, то было.

– Да, это было, – вздохнул Фемистокл, – но это было так давно!

– И вот теперь, ты, герой Саламина, пришел к этому тирану, – продолжал Гиерон, и, кажется, предлагаешь какой-то союз...

– Мы оба постарели, Гиерон, и оба, как я думаю, поумнели, – сказал Фемистокл, – и довольно шуток. Я пришел к тебе, чтобы узнать, долго ли ты будешь нести бремя спартанского верховодства.

– Значит, ты приехал говорить о моих делах, а не о своих? – усмехнулся Гиерон. – А я-то думал, что у тебя хватает своих забот.

– А это и есть моя забота. Ты прекрасно знаешь, почему я вынужден был покинуть Афины.

– Значит, теперь ты хочешь с моей помощью поразить Спарту, чтобы возвратиться в Афины.

– Да. Твоя гегемония над Элладой, человека просвещенного и гуманного, мне представляется единственно возможной.

– Ты мне предлагаешь гегемонию над Элладой?

– Это будет освобождением Афин от спартанских цепей, которыми опутана сейчас моя родина.

Гиерон с минуту молча смотрел на Фемистокла, и Фемистокл видел, как в глазах его загораются хитрые огоньки.

– Клянусь Зевсом, Фемистокл, – сказал он, – ты по-прежнему хитроумен. Но я скажу тебе, чем кончится для меня эта затея. Я возьму верх над Спартой и над теми, кто правит в Афинах по указке спартанцев. Ты вернешься в Афины и снова станешь во главе афинского правительства, а потом захватишь Сикелию и заставишь плясать Гиерона под свою свирель. Не так ли, друг мой? Недаром же ты назвал своих дочерей именем моих городов – одна у тебя Сибарида, а у меня есть город Сибарис. А другая – Италия, уже целая страна!

– Да, я думал вмешаться в твои дела, – ответил Фемистокл, – но я только хотел поддержать тебя против Кротона, который теснил твои города. Однако...

– Давай на этом закончим наш разговор, Фемистокл, – решительно прервал его Гиерон, – сейчас из этого ничего не выйдет. И должен предупредить тебя, что, если спартанцы придут искать тебя здесь, я не стану тебя защищать.

Фемистокл с тяжелой душой вернулся на корабль.

«Что же делать? Где же выход из этого положения? – Мысли его метались, прикидывая то одно, то другое. – Ведь не могу же я так жить, словно зверь, преследуемый звероловами! Но боги, что же мне предпринять теперь?»

Расстроенный, он вернулся на Керкиру. Хорошо, что есть убежище, где его любят, где помнят о его добром отношении к ним, где почитают его героем великих дел... Поживет здесь. Может быть, удастся повидаться с семьей, если тайно проникнуть в Афины... А может, и вообще перевезти сюда семью, это ведь недалеко.

Пройдет тяжелое время, и все может измениться. Вдруг откуда-нибудь явится опасность

Афинам, и тогда афиняне обязательно вспомнят о нем!

Усталый, но с улыбкой и добрым приветствием он вошел в дом Динона. Динон встретил его сдержанно. Фемистокл почувствовал в его голосе холодок.

– Что случилось, Динон? Тебя что-то огорчило?

– Да, Фемистокл. Меня огорчает и заботит твоя судьба.

Фемистокл поднял голову горделивым движением:

– Именно моя судьба, Динон? Или и твоя тоже?

– И моя тоже, – пряча глаза, ответил Динон. – Вчера у меня были все наши ионийцы... Я говорю о тех, кто правит Керкирой. Они очень обеспокоены, Фемистокл: они боятся, что Спарта и Афины станут мстить нам из-за тебя...

– Значит, мне надо покинуть Керкиру.

– Ты знаешь, что мы любим тебя, Фемистокл. Но вражда таких сильных государств, как Афины и Спарта... Ты понимаешь сам, Фемистокл... Что перед ними Керкира?

– Я все понимаю, Динон. Но куда же мне теперь?..

– Мы можем перевезти тебя на материк. Отсюда недалеко до Эпира.

Сикинн собрал в суму вещи Фемистокла, его одежды и обувь. Жена Динона прислала ему большой узел с едой и вином.

Керкиряне, грустные и смущенные, проводили Фемистокла до пристани. И потом долго стояли и глядели вслед круглому суденышку, увозившему Фемистокла. Они видели, как он стоял у мачты, понутив голову, и как ветер трепал его кудри. Они все ждали, что он оглянется, но Фемистокл не оглянулся ни разу. И когда темный берег принял его, керкиряне молча разошлись по домам.

Зимние ветры завывали в ущельях Эпира. Темные облака летели над горами, багряный свет вечерней зари окрашивал их края, и от этого они казались грозными и зловещими. Мулы с опаской шагали по горной дороге. Фемистокл плотнее запахивал грубый домотканый плащ из овечьей шерсти, присланный Архиппой. Фемистокл, уходя в изгнание, не думал, что этот походный плащ может ему понадобиться – было лето, стояла жара и казалось, что до зимы очень далеко.

Дорога шла вверх, к перевалу. Копыта мулов, сбиваясь с шага, звенели по камням.

Зимние ветры завывали в ущельях Эпира. Мулы с опаской шагали по черной дороге.

– Ты знаешь, в какой мы стране, Сикинн? – спросил Фемистокл.

– Нет, господин. Я только знаю, что мы в стране очень мрачной и суровой.

– Мы в стране молоссов, Сикинн. И ты прав, эта страна сурова. Особенно для нас с тобой. А вернее всего, для меня. А ты знаешь, кто царь молоссов, Сикинн?

– Не знаю, господин. Но думаю, что нам это все равно?

– Нет, не все равно. Царь молоссов – Адмет, мой враг, Сикинн. Однажды я сильно оскорбил его.

Сикинн придержал мула:

– Твой враг, господин? Так зачем же мы едем к нему?

Но Фемистокл не тронул поводьев.

– А может быть, ты скажешь, куда нам ехать? – невесело усмехнулся он. – Как ты видишь, нас привезли и высадили на этот эпирский берег. Что же нам делать? Хуже, если мы будем скрываться где-нибудь в молосских селениях. Да и не скрыться – наутро же будет известно об этом царю Адмету. Уж лучше явиться прямо к нему и довериться его великодушию!

На перевале ветер был неистовым, мулы шли, отворачивая головы: ветер слепил им глаза. Фемистокл плотнее запахнул плащ. Заря погасла. Луна то освещала дорогу, то снова пропадала. И, когда наступала тьма, Фемистоклу казалось, что они сейчас вступят в преисподнюю...

Но вот дорога выровнялась, ветер стал тише, и откуда-то издали вместе с шумом ветра донесся тонкий длинный звон...

– Додонские чаши звенят! – сказал Фемистокл. – Теперь недалеко.

– Какие чаши, господин?

– Тут святилище Зевса Додонского, – Фемистокл поддерживал разговор, чтобы заглушить тяжелое чувство тревоги, – там стоит священный дуб, огромное дерево. В нем пребывает сам Зевс и дает пророчества. На дубе висят медные чаши, вот они-то и звенят сейчас от ветра. Мы этого звона понять не можем. Но жрецы по звону понимают, что хочет сказать божество.

– А может быть, он посадит нас в тюрьму, господин?

– Кто? Зевс?

– Нет. Царь Адмет, к которому мы едем.

Фемистокл вздохнул.

– Может быть и это, – сказал он. Теперь, Сикинн, с нами все может быть!..

Горы расступились, раскрылась долина, сумеречные очертания города встали перед ними.

Фемистокл умолк. Все напряглось в нем. Сейчас он ступит в дом человека, который ненавидит его. Хватит ли у царя Адмета великодушия пощадить безоружного и беззащитного врага?

Едва они вошли в город, как ветер принес тучу мелкого острого снега. Огни жилищ еле мерцали в этой снежной мгле. Сикинн молчал и только кряхтел, укрывая лицо. Фемистокл направил мула прямо к жилищу царя, которое не очень заметно выделялось среди низеньких городских домов.

Они спешили. Во дворе стража заступила им дорогу.

– Кто вы, путники?

– Я – Фемистокл, сын Неокла, афинянин, – ответил Фемистокл, – а это мой слуга. Я к царю Адмету.

И, не дожидаясь ответа, вошел во дворец. Стража не решилась задержать человека, чье имя так много прославлялось в Элладе.

Фемистокл сбросил у порога тяжелый заснеженный плащ и вошел в мегарон. Здесь, посреди небольшого зала, жарко пылали дрова в очаге. У очага сидела женщина с маленьким сыном на руках. Это была жена Царя Адмета, Фтия. Она в недоумении вскинула на Фемистокла большие темные глаза.

– Я – Фемистокл, сын Неокла, – повторил Фемистокл. – Я осужден. Меня ищут, чтобы приговорить к смерти.

– Фемистокл... – прошептала женщина, и глаза ее еще больше расширились. – И ты вошел в дом царя Адмета!

– Да. Я вошел в этот дом, чтобы, умолять о защите.

За стеной послышались шаги и голос Адмета. Адмет спрашивал у слуг, кто приехал к нему... Женщина быстро встала, усадила Фемистокла у очага и передала ему на руки своего ребенка.

В эту минуту в мегарон вошел Адмет. Фемистокл сидел у его очага, склонив голову, и ребенок, смеясь, тянулся к его кудрявой бороде.

Адмет остановился. Вот его старинный враг, которому он так давно собирался отомстить. Фемистокл – в его руках, Адмет может припомнить ему старую обиду. Когда Адмет просил Афины заключить с ним военный союз, Фемистокл, который тогда стоял у власти, отказал ему в этом.

И вот этот Фемистокл теперь припал к его очагу, к очагу царя Адмета, и держит на руках его сына. Это – моление о защите. Такое моление у молоссов не допускает отказа.

– Встань, Фемистокл, – сказал Адмет, – и отдай ребенка его матери. Тебе ничто не грозит в моем доме.

Фтия облегченно вздохнула и, взглянув на мужа добрыми влажными глазами, взяла сына из рук Фемистокла и вышла из мегарона.

Царь Адмет угрюмо глядел на Фемистокла; его смуглое, с резкими прямыми чертами лицо было замкнуто и враждебно.

– Ты тяжело оскорбил меня, Фемистокл, – сказал он, – и не только оскорбил – ты лишил меня военной помощи, которая мне была так нужна в то время. Но не опасайся меня, я не могу мстить человеку, который не в силах защититься.

– Ты прав, Адмет, – ответил Фемистокл, – но это было не личное мое дело. Для твоей страны было выгодно заключить с нами союз, а для моей страны это было невыгодно. И ты не должен принимать это как личное оскорбление. Будь я на твоём месте, а ты на моем, ты, Адмет, поступил бы так же. И если бы я таил против тебя вражду, разве пришел бы я к тебе искать защиты? Но я пришел, потому что верю в благородство твоей души.

Адмет задумался, опустив глаза. Лицо его постепенно прояснялось. Что было – было. Государственные дела диктуют людям их поступки независимо от личных симпатий и антипатий. И все-таки это Фемистокл, человек большого ума, который много сделал для спасения Эллады.

Он снова устремил взгляд на Фемистокла, и в глазах его уже теплилось сочувствие.

– Я не обижу тебя, Фемистокл, – сказал он, – и никому не дам тебя в обиду. Припавший к моему очагу – мой гость, и никто не посмеет взять тебя из-под моей защиты.

– Но они придут...

– Я не выдам тебя, пока хватит моих сил противостоять им.

Фемистокл остался в доме эпирского царя. Зимние дни в Эпире были сумрачны, ветры гудели в горах, метель пролетала по улицам, дождь и снег шумели над крышей. Иногда наступали ясные дни, и солнце заглядывало в долину. Фемистокл любил в такие дни бродить по уединенным склонам и глядеть на сверкающие снежные вершины гор – это умеряло его непрестанную, как тяжелая болезнь, тоску. Однако уходить далеко от дома было нельзя – могли внезапно явиться спартанские соглядатаи и схватить его; безопаснее было во дворце, там неотлучно дежурила вооруженная стража.

Не было спокойного дня, не было спокойной ночи.

Фемистокл ждал своих преследователей, и даже во сне он вздрагивал от каждого стука или громкого голоса слуг во дворе. И тут же, вскочив, хватался за меч; спартанцы могут прийти в любой час!

И они пришли. Конный отряд остановился у ворот дворца. Стража тотчас подняла копья. Царь Адмет сам вышел к воротам:

– Кто вы? Что вам надо?

– Мы посланцы Спарты и Афин. Нам поручено доставить в Афины Фемистокла, который скрывается здесь.

– Можете повернуть своих коней обратно, – сказал царь Адмет, – и забыть сюда дорогу. Моя стража проводит вас, – и, отвернувшись от них, ушел в дом.

Ворота распахнулись, со двора вышел небольшой вооруженный отряд.

– Но мы не можем сразу ехать обратно! – закричал на начальника стражи спартанец. – Мы продрогли и кони наши проголодались! Такая чертова страна, холод и трава под снегом!

– Спускайтесь в Фессалию, там согреетесь и накормите коней, – ответил начальник стражи. – Может быть, у вас пропадет охота появляться в нашей чертовой стране. Ну-ка, ходу! Ходу!

Посланцы Спарты с бранью погнали коней обратно.

– Мы еще появимся! – кричали они. – Весной ждите, и тогда вам несдобровать! Ни вам, ни вашему царю!..

– Вот видишь, Фемистокл, сказал царь Адмет, – не так все страшно, как кажется издали. Так что можешь успокоиться!

– Спасибо, Адмет. Но, как я вижу, покоя мне не дожждаться. Враги мои не забывают обо мне. А вчера Сикинн вернулся из Аттики.

– Что там?

– Что ж там? Дом опустошен. Семья в нищете. Всего имущества взято едва на три таланта, а по городу уже кричат, что целых восемьдесят талантов выгребли у меня. Есть и такие, которым восемьдесят мало, они прибавляют еще – уже сто талантов нашли у Фемистокла,

вот сколько он награбил!

Адмет усмехнулся:

– Если бы у тебя было сто талантов, Фемистокл, я думаю, ты купил бы всех своих врагов и тебе не пришлось бы прятаться в бедном доме молосского царя!

Фемистокл молчал, стиснув зубы. Перед его глазами стоял его опустошенный дом, его Архиппа, его дети... Снова гнездо его разорено. Но тогда разорял враг, а теперь?!

Это было трудно, почти невозможно вынести!

Адмет угадал его мысли.

– Надо переправить сюда твою семью, Фемистокл.

– Спасибо, Адмет. Это было бы справедливо. Но ведь их не выпустят из Афин – они теперь как заложники.

– Им надо бежать. Неужели ни одного друга не осталось у тебя, Фемистокл, который помог бы им? Если так, афиняне низкие, неблагодарные люди и подлые трусы, клянусь Зевсом Додонским, если теперь ни один не вспомнит о Саламине!

Но Адмет ошибся. На это опасное дело решился Эпикрат. Он достал лошадей и повозки и, дождавшись полуночи, когда зимняя мгла затопила Афины, проводил из города семью Фемистокла. Тихо шли кони, тихо катились повозки. Эпикрат хорошо заплатил возницам, чтобы молчали, кого они увезли из Афин.

Архиппа не смела плакать. Дочери тихонько всхлипывали под покрывалами. Сыновья хмурились и негодовали. Но все думали только об одном – как бы их не увидели, как бы не задержали! И только утром, когда пересекли границу Фессалии, вздохнули свободнее, Архиппа ободрилась.

– О чем нам жалеть в Афинах? Дом наш разорен. Вокруг ходят сикофанты, за каждым шагом нашим следят. А там, куда мы едем, нас ждет отец! Это ли не радость, дети? Это ли не великое счастье нам?

У границ Фессалии Эпикрат простился с ними. Архиппа призвала благословение богов на его голову.

– Передай Фемистоклу, Архиппа, – сказал, прощаясь, Эпикрат, – что я счастлив был помочь великому человеку, хотя бы мне за это пришлось поплатиться жизнью!

– Тише, Эпикрат! – испугалась Архиппа. – Зачем ты так говоришь? Боги могут услышать! Да и люди тоже... Не произноси таких слов, не наталкивай их на страшные мысли!..

Повозки тронулись дальше.

«Уже уезжали – и возвращались, – думала Архиппа, стараясь как-нибудь успокоить свою сердечную боль. – Два раза возвращались. Возвратимся и в третий... Только когда?»

И, не в силах сдержать рыдания, обернулась в сторону Афин:

– Родина моя! Славный город наш... Прощай!

Каким-то тайным чувством она уже знала, что на этот раз в Афины ей не вернуться.

Семья Фемистокла устроилась в Эпире. Друзья успели спасти из его дома многие ценные

вещи, которые теперь пригодились – Фемистокл продал их, чтобы выручить деньги. Прекрасные чаши сидонской работы, расписные левкиппы, кувшины для воды украшенные лепными фигурками... Жена отдала свои золотые застёжки, которыми закалывала гиматий. Но у дочерей он не взял ничего – ведь каждый драгоценный пустячок приносит им радость. Пусть хоть эти искорки радости останутся у них!..

БЕГСТВО

– Для тебя есть вести, Фемистокл.

По лицу Адмета Фемистокл сразу понял, что вести недобрые.

– Из Афин?

– Да. Из Афин. Кто-то проследил за Эпикратом, когда он переправлял к нам твою семью.

Фемистокл изменился в лице.

– Его судят?

– Его казнили.

Фемистокл без сил опустился на скамью. Он почувствовал, что подступает отчаяние. Тяжело страдать самому, но быть причиной смерти своих друзей – на это уже нет сил человеческих! Неужели он навлечет беду еще и на дом царя Адмета, который так добр к нему и к его семье?

Бледный, молчаливый, он часами сидел в одиночестве, обдумывая свою судьбу и судьбу близких и дорогих ему людей. Надо уходить из Эпира. Но куда? Ни одно эллинское государство не в силах защитить его. Выход один – уйти к персидскому царю: многие изгнанники Эллады находили приют у своего врага.

Человек не знает, что готовит ему судьба. Как часто ты осуждаешь другого – «Вот что он сделал! Я бы никогда не мог сделать этого!» – а потом проходит время, и, поставленный в тяжелые обстоятельства, ты делаешь то же самое, что сделал тот, кого ты осуждал!

Как презирал Фемистокл изгнанного спартанского царя Демарата, который уже много лет ютился у царского трона Ксеркса! А вот теперь он, Фемистокл, сам задумал искать там убежища. Не достоин ли и он такого же презрения? Да. Достоин.

И от этого никуда не уйдешь.

«Но что же мне делать? – Фемистокл мучительно искал выхода. – Куда мне деваться? Не знаю. Знаю одно: мне надо уходить из Эпира».

– Адмет, – сказал он царю, – я вижу, что должен оставить твой дом. Думаю переправиться в Персию.

– Оставить мой дом? – Царь Адмет с тревогой посмотрел на него. – Но разве ты забыл, что в Персии за твою голову объявлена награда? Двести талантов сумма немалая, и я думаю, что найдется много охотников разбогатеть ценой твоей жизни. Тебя тотчас схватят, как только ты выедешь из Эпира, и отправят к царю!

– Я не забыл об этом, Адмет, – грустно ответил Фемистокл, – но ведь ты и сам понимаешь,

что дальше здесь мне оставаться нельзя: это грозит безопасности не только моей, но и твоей. А что касается перса, то лучше будет, если я сам доверюсь его великодушию, чем предстану перед ним пленником, пойманным для расправы.

Царь Адмет согласился с этим. Уже наступила весна, открылись горные дороги, и, может быть, посланцы Спарты и Афин с вооруженным отрядом спешат сюда, чтобы захватить Фемистокла.

– Если они явятся с большой вооруженной силой, – сказал он, – то едва ли я смогу защитить тебя.

И снова, простившись с друзьями и семьей, Фемистокл отправился в путь, полный неизвестности. Он спустился к македонскому городу Пидне. Никем не признанный, Фемистокл прошел в гавань, где стояло несколько кораблей. Он увидел, что одно грузовое судно готовится к отплытию.

– Куда идет это судно?

– В Ионию.

Фемистокл попросил капитана принять его на корабль. Капитан согласился.

Море было бурное, ветер трепал паруса. Фемистокл глядел на все безразличным взглядом – на почерневшие волны, на удаляющийся берег, на горную гряду, за которой осталась родина, изгнавшая его... Фемистокл молчал, сдерживая подступавшие слезы.

Корабль шел медленно, буря сбивала его с пути. Гребцы пытались идти наперекор волнам, но море бушевало так, что пришлось спустить паруса. Корабль несло к острову.

Увидев это, Фемистокл испугался. Ему было известно, что Кимон нынче осаждает острова, сражавшиеся на стороне персов. Ему уже были видны стоящие у острова афинские корабли. Буря несла его прямо в руки самого опасного врага – Кимона.

Фемистокл подступил к капитану и, убедившись, что их никто не слышит, сказал:

– Я Фемистокл. Я осужден и убегая от казни. Ты должен спасти меня.

Капитан испугался:

– Но как мне спасти тебя? Ведь корабль мой несет прямо к острову!

– Поставь свой корабль в стороне, и пусть ни один человек не сойдет с твоего корабля до тех пор, пока не утихнет буря и мы сможем продолжать путь. Я не забуду твоей услуги, а достойно награжу тебя.

Заметив, что капитан колеблется, Фемистокл пригрозил:

– Но если ты вздумаешь меня предать, я скажу Кимону, что я подкупил тебя и что ты согласился за деньги перевезти меня в Азию.

Капитан сделал так, как просил Фемистокл. Он поставил свое судно выше стоянки афинских кораблей и бросил якорь. Весь день и всю ночь не унималась буря. Смертельная тревога мучила Фемистокла: вдруг кто-нибудь из афинян вздумает проверить, что это за судно, или изменит капитан, или кто-то из матросов все-таки сойдет на берег и там проговорится о неизвестном человеке, которого они взялись перевезти в Азию? Встреча с Кимоном теперь была бы последним днем его свободы, а может быть, и жизни. Кимон жесток. Уже известно, как беспощадно он расправляется нынче с жителями островов. Фемистоклу казалось, что он

не помнит такой длинной и тягостной ночи, какой была эта изнуряющая тоской и страхом ночь...

К утру море утихло, светлая заря пригладила и позолотила волны. Грузовой корабль поднял якоря и тихо отправился своей дорогой к берегам Ионии. Фемистокл перевел дух.

Сойдя на берег, он поблагодарил капитана и щедро заплатил. Укрытый плащом, он смешался с толпой рыбаков и матросов, шумевших в гавани. Среди разноплеменного говора он уловил эллинскую речь и невольно прислушался.

– Да знаешь ли ты его в лицо, Пифодор?

– Ну вот еще! Кто же не знает Фемистокла!

– Ты, Пифодор, видел его в Афинах, но я-то в Афинах не бывал.

– Довольно того, Эрготел, что я его видел.

– Сам понимаешь, двести талантов! Надо глядеть в оба, а то вот так пройдет мимо носа...

Фемистокл плотнее запахнул плащ и подумал, что ему надо попроворней пройти «мимо носа», пока его не разглядели. И с грустью отметил:

«Как же я постарел, если даже такие люди, жадные до награды, не узнали меня!»

Азия встретила Фемистокла цветением садов и лугов. Летняя жара еще не опалила листья, и земля справляла свой пышный праздник начала лета. Стараясь не привлекать к себе внимания, Фемистокл пробрался в Эолию, в маленький эолийский городок Эги. И, выждав часа, когда полуденное солнце начинало палить и люди спешили укрыться в тенистых дворах, а улицы становились пустынными, Фемистокл постучался в дом богатого эолийца Никогена. Слуги задержали его у ворот: как сказать господину, кто пришел к нему?

– Скажите, что пришел афинянин, его гостеприимец.

Никоген тотчас вышел к нему навстречу. Увидев Фемистокла. Никоген широко раскрыл глаза от неожиданности, но, тотчас спохватившись, отослал слуг, боясь, что они узнают Фемистокла.

– Проходи, Фемистокл, проходи в мой покой! – сказал Никоген, волнуясь. – Как ты появился здесь? Знаешь ли ты, что за твою голову...

– Знаю, – сказал Фемистокл, – двести талантов.

– А поэтому, – продолжал Никоген, – тебе надо остаться в моем доме и не показываться на улицах. Я очень рад тебя видеть, друг мой, и очень сожалею, что нам суждено встретиться с тобой при таких тяжелых обстоятельствах!

Никоген помнил доброту, с какой встречал его Фемистокл в Афинах. Он искренне сочувствовал ему и жалел его.

– Сначала отдохни. Я велю согреть ванну. И успокойся, я вижу, что тебе много тяжелого пришлось пережить. А потом мы вместе подумаем о твоей судьбе.

Никоген, богатый вельможа, у которого сам персидский царь останавливался, проезжая через их город, и он угощал не только царя, но и его войско, этот Никоген многое мог сделать для Фемистокла, но упросить или заставить царя отменить приказ о награде за голову Фемистокла – этого он не мог.

Фемистокл в доме Никогена впервые за много дней ощутил спокойствие отдыха.

– Давай обдумаем, как помочь тебе, – сказал ему Никоген. – Скажи, что ты сам решил для себя?

– Я решил явиться к царю Ксерксу, – ответил Фемистокл.

– Несмотря на его приказ?

– Несмотря на его приказ. Ксеркс не может убить Фемистокла.

– Я знаю, ты награжден даром предвидения, Фемистокл. Но смотри, клянусь Зевсом, тут ты играешь в опасную игру: или выигрыш, или смерть.

– Я знаю, Никоген. Поэтому не будем медлить. Я не хочу обременять твой дом своим присутствием. И если ты можешь, помоги мне добраться живым до царя. Уж если умереть, то от его руки, потому что я сам много зла причинил ему, но не от руки спартанских и афинских олигархов или, еще хуже, от руки тех, кто охотится за мной ради персидского золота!

Прошло несколько тихих, уединенных дней во дворце Никогена. Герой, которого знала вся Эллада, который всенародно выступал на Пниксе и которого чествовали в Спарте и Олимпии, нынче прятался в дальних покоях, не смея выйти на улицу.

В один из вечеров, после ужина, Ольбий, учитель детей Никогена, неожиданно, сам не зная почему, вдруг произнес:

– Дай язык, дай мудрость ночи и победу ночи дай!

И тут же ошеломленно посмотрел на окружающих, словно не он это сказал, а его устами произнес кто-то другой.

– Откуда ты взял это? Где ты это слышал? – спросил Никоген.

– Я сам не знаю, – растерянно ответил Ольбий, – видно, мне их внушило божество.

– Мудрость ночи... – повторил Фемистокл, – победу ночи... Что-то будет ночью сегодня.

В эту ночь Фемистокл увидел странный сон. Ему приснилась змея. Она обвилась вокруг его живота, всползла на шею и, коснувшись лица, в тот же миг превратилась в орла. Орел подхватил его на крылья, поднял, понес куда-то... У Фемистокла дух занялся от ужаса. Но вдруг он увидел себя на верхушке золотого жезла глашатая, и сразу у него в душе наступило светлое спокойствие.

– Этот сон предвещает счастье, – сказал Никоген, – змея превратилась в орла, а орел – птица счастья и власти. Ты, Фемистокл, после всех тяжелых опасностей снова станешь могущественным человеком. А я уже для тебя придумал кое-что.

В тот же день из города выехала гармамакса, повозка, закрытая со всех сторон и завешенная изнутри коврами. Сильные лошади легко несли ее по ровной царской дороге, ведущей в Сарды. Отряд вооруженных всадников сопровождал повозку, никого и близко не подпуская к ней.

На станции, где люди и лошади отдыхали, любопытные старались догадаться, кто едет в этой повозке. Но начальник отряда, строго следивший, чтобы никто не вздумал заглянуть в нее, объяснял, понизив голос:

– Везем красавицу ионянку одному сатрапу. Так что подальше отсюда, берегите свои головы!

Повозка мчалась со скоростью особых царских гонцов, которым незамедлительно дают на станциях свежих лошадей. Грохот ее колес не умолкал, желтая пыль долго вихрилась после нее над дорогой.

В Сарды гармамакса вкатилась в прохладный час сумерек и остановилась возле дома персидского хилиарха[39] Артабана. Из гармамаксы, откинув ковры, вышел Фемистокл.

Уставший от духоты в закрытой повозке и грохота колес, он с наслаждением расправил плечи. Свежий воздух лидийской равнины, чистое небо над головой, серебряный шум реки, бегущей с горы, на которой светло желтели стены крепости, стада овец на склонах, тонкий голос свирели... Фемистокл растерянно глядел вокруг, мир был так прекрасен!

Да, мир прекрасен, только, кажется, в этом прекрасном мире ему совсем нет места. Сейчас он стоит и смотрит в самое лицо смерти, ничем и никем не защищенный. Ну что ж, смерть так смерть.

Никоген посоветовал, прежде чем идти к царю, обратиться к его хилиарху Артабану, потому что без согласия хилиарха никто не может пройти к царю.

Фемистокл был спокоен. Теперь, когда уже некуда было отступить и нечего было решать, он почувствовал себя странно независимым. С осанкой, полной достоинства, он вошел в богатый дом Артабана. Стража скрестила перед ним копья. Но когда Артабан услышал, что пришел какой-то эллин, то велел впустить его.

Персидский хилиарх, прищурив глаза, смотрел на него с любопытством. Эллин! Кто же это такой? Не был ли этот человек в битве при Платее, когда он, Артабан, избегая сражения, увел свои войска? Если так, то этот человек опасен...

– Ты эллин?

– Да, Артабан.

– Зачем ты явился сюда?

– Я желаю говорить с царем о делах очень важных, которыми он сам более всего озабочен.

– Ты знаешь меня?

– Нет, не знаю. Но мне известно, что ты, Артабан, могуществен и что только ты можешь допустить меня к царю.

«Он меня не знает, значит, не был при Платее... – подумал Артабан. – Тогда, пожалуй, можно допустить его – как знать, какие сведения принес он царю. Может быть, очень важные...»

– Пришелец, – с важной медлительностью сказал Артабан, – разные бывают у людей обычаи: одним кажется хорошим одно, другим – другое. Но что прекрасно для всех – это чтить и беречь свое родное. Вы, как слышно, больше всего почитаете свободу и равенство. А у нас из многих и прекрасных обычаев наипрекраснейший – чтить царя и поклоняться в его лице богу. Итак, если наши порядки тебе по душе и ты согласен пасть ниц, то удостоишься и видеть царя и говорить с ним лично. Если же мыслишь иначе, то для общения с ним воспользуйся посредниками, ибо не принято у нас, чтобы царь выслушивал человека, не отдавшего ему земного поклона.

Земной поклон! Пасть ниц и поцеловать землю у ног царя – это для эллинов было крайне оскорбительно. У Фемистокла лицо пошло пятнами, с языка так и рвалось бранное слово. Однако он овладел собой.

– Но ведь я с тем и пришел сюда, Артабан, – ответил Фемистокл, скрывая лукавство, – чтобы увеличить славу и могущество царя. Я и сам подчинюсь вашим обычаям, если это угодно богу, возвеличившему персов, и благодаря мне умножится и число народов, поклоняющихся теперь царю. С этой стороны нет никаких препятствий к желанной для меня беседе с царем.

«Кто же это такой? – думал Артабан, слушая Фемистокла. – Видно, кто-нибудь из их стратегов...»

– Кого же из эллинов мы назовем, – спросил Артабан, – возвещая о твоём прибытии? Ибо, судя по речам твоим, ты кажешься человеком не простым!

– Этого никто не должен узнать раньше царя, Артабан.

Артабан кивнул головой:

– Я согласен помочь тебе, эллин! Если царь пожелает, он примет тебя.

Когда Артабан, отправившись во дворец, сказал царю, что пришел какой-то эллин, и, как видно, человек знатный, Ксерксу стало очень интересно узнать, кто и зачем пришел к нему из Эллады.

Фемистокла ввели к царю. Он подошел, опустился на одно колено, поклонился до земли, как полагалось, и, поднявшись, молча встал перед ним. Ксеркс глядел на него сквозь свои черные дремучие ресницы, стараясь угадать, кто этот усталый, с блеском седины в кудрях, гордо стоящий перед ним человек. И не мог догадаться.

– Спроси, кто он, – приказал он переводчику.

– Кто ты, эллин? – спросил переводчик.

– Я – афинянин Фемистокл...

Царь привскочил в кресле.

«Так же он вскакивал со своего белого трона, когда мы били персов в саламинских проливах...» – мгновенно мелькнуло в памяти Фемистокла.

– Я – афинянин Фемистокл и пришел к тебе, царь, как преследуемый эллинами беглец, которому персы обязаны многими бедствиями...

Как зимние тучи, нахмурились черные брови царя.

– Но я сделал персам еще больше добра, – продолжал Фемистокл. – Если ты помнишь, я предупредил тебя, царь, чтобы ты поспешил пройти через пролив...

Брови царя разошлись и черные глаза засветились. Да, он вспомнил, как уходил из Эллады и как спешил перейти по мосту через Геллеспонт, пока эллины не разрушили этот мост. Ему сейчас и в голову не приходило, что Фемистокл только и добивался того, чтобы персы поскорей ушли от берегов Эллады.

– Мне, конечно, остается лишь во всем поступать сообразно с теперешними моими несчастьями, – продолжал Фемистокл, – и я явился сюда, готовый принять и милость царя, если он благосклонно со мной примирится, и умолять его, гневающегося и помнящего зло, о прощении...

Голос Фемистокла прервался, он тяжело перевел дыхание. Трудно стоять перед врагом своей родины и вымаливать у него милости. Трудно! Но Фемистокл превозмог себя:

– Положись же на врагов твоих как на свидетелей того, сколь много добра я сделал персам, и лучше используй несчастья мои для доказательства своей доброты, чем в угоду гнева. Ибо, если ты спасешь меня, ты спасешь просителя, умоляющего о защите, а если погубишь меня, то погубишь врага твоих врагов – эллинов.

Царь задумался. Он много слышал о Фемистокле, о его отваге в боях и больше всего о его необычайном уме.

«Верить ли этому хитроумному? – думал Ксеркс. – Он обманывал и своих союзников, обманывал и нас. Может, и тут есть ложь и хитрость в его речах о том, что он помог нам уйти от Саламина?»

– Однако ты смел, Фемистокл, – задумчиво сказал царь, – смел и умен!.. – И добавил с угрозой: – Но берегись, если вздумаешь обмануть меня!

Он велел проводить Фемистокла в один из дворцовых покоев и дать ему все необходимое, и не как пленнику, но как гостю.

– Вы слышали? – сказал царь, обратившись с радостной улыбкой к своим царедворцам, которые молча сидели вокруг. – Нет, вы слышали, кто к нам пришел? Право, я так радуюсь, будто мне выпало величайшее счастье!

И тут же обратился с молитвой к божеству зла Ангро-Манью, которого эллины называли Ариманом.

– О Ангро-Манью, внушай всегда моим врагам такие мысли, чтобы они изгоняли из своей страны своих наилучших людей!

В этот вечер царь Ксеркс принес богам благодарственную жертву. А потом пировал и веселился, словно одержал великую победу. И даже ночью приближенные, охранявшие его сон, слышали, как он вскакивал среди сна и радостно кричал:

– Фемистокл-афинянин у меня в руках!

МИЛОСТИ ЦАРЯ

Еще одна ночь, которая прибавила седины Фемистоклу. Царь выслушал его, но ничего не сказал. Лицо Ксеркса было непроницаемо – горбоносое, смуглое, с золотистым отсветом в черных глазах. Фемистокл видел, что Ксеркс радуется... Но чему? Тому ли, что Фемистокл пришел служить ему, или, угадав его лукавство, тому, что Фемистокл наконец в его власти и он может казнить давнего врага любой казнью?

Придворные царя молчали, Фемистокл не слышал ни одного голоса. Но он видел их замкнутые темные лица, он чувствовал их взгляды, полные ненависти и злорадства. Выйдя от царя, он слышал, как кто-то за его спиной сказал с усмешкой:

– Не нужно теперь царю платить двести талантов за его голову – Фемистокл сам пришел к нему!

Светильники гасли один за другим, лунный свет в отверстиях под потолком становился все ярче. Во дворце стояла глубокая тишина, но Фемистокл чувствовал чье-то присутствие за его дверями.

«Стерегут... – думал он. – Еще бы! Ведь двести талантов!»

Он легонько толкнул резную дверь, она открылась. Чьи-то тени метнулись в темноту. Он прошел через безмолвный зал, внутренний дворик принял его в свой ночной завороченный мир. Тонко звенел фонтан, играя лунными бликами, звезды висели так низко, что казалось, «можно достать их рукой, они мерцали и переливались белыми огнями...»

«Почему я никогда до сих пор не видел звезд? – думал Фемистокл. – Или их не было в Афинах?..»

Он стоял и глядел в сверкающее небо. Казалось, что перед ним творится какое-то чудо. Понемногу в сердце проникала печаль: жизнь кончается, может быть, завтрашний день будет его последним днем, а он как будто и не жил вовсе, всегда суета, волнения: споры, заботы, битвы...

«Что будет делать Архиппа, если я умру? Как будут жить дети? Сколько беды и позора они примут из-за меня! Неужели эта жертва была напрасной?..»

И, чувствуя, как тоска все больше захватывает его, он медленно вернулся в свой покой. До утра он лежал без сна и ждал, когда начнется день и царь объявит ему свою волю. Смерть не страшнее, чем ожидание смерти. Но он вынужден умереть с сознанием своего позора – он, эллин, афинянин, кланялся царю земно, целовал подножие царя!

День у Ксеркса начинался рано. Каждое утро он встречал солнце – божество персов, чтобы принести ему свои молитвы и жертвы.

Сегодня, сразу после утренней еды, царь прошел в зал, сел на трон и велел привести Фемистокла.

Фемистокл, бледный после тяжелой ночи, с резко обозначившимися морщинами между бровями, но внешне спокойный, последовал за царедворцем. Он слышал, как привратники, пропустив его, с негодованием вполголоса поносили его имя. Это не сулило добра.

Фемистокл вошел в зал. Прямо перед собой он увидел царя. Ксеркс сидел на троне в полном царском уборе, в тиаре,[40] в расшитой золотом одежде, перепоясанной драгоценным поясом. Туго завитая, лоснящаяся черная борода лежала на груди, покоясь на цветных ожерельях...

По сторонам сидели царедворцы. Фемистокл не различал их лиц – чернота бровей, белки глаз, пестрота одежд. Они молчали, когда он проходил мимо. И только один из них вздохнул, и Фемистокл слышал, как прошелестели злые слова:

– Эллин, коварная змея, это добрый гений царя привел тебя сюда...

Фемистокл, не дрогнув, подошел к царю, отдал земной поклон и поцеловал темно-красный узор ковра у его ног. Поклонившись, он поднял на царя свои спокойные глаза. Ему уже было все равно, он знал, что скоро умрет.

Но, поглядев в лицо царя, он не поверил себе – царь улыбался.

Царь заговорил, и голос его был приветлив. Переводчик повторял его слова:

– Я в долгу у тебя, Фемистокл. Я задолжал тебе двести талантов. Эта награда обещана тому, кто приведет тебя ко мне. Но ты привел себя сам, значит, и награда, по справедливости, принадлежит тебе.

Фемистокл смущенно поблагодарил царя.

«Как понять? – думал он. – Почему царь так милостив? Чего он потребует за эту милость? Будь осторожен, Фемистокл! Будь осторожен!»

– Можешь говорить со мной об эллинских делах, – продолжал царь, хитро прищурился. – Говори со мной о чем хочешь без всякого стеснения, выскажи свои соображения о моем предстоящем походе в Элладу... Я выслушаю тебя и сегодня и впредь.

Фемистокл, секунду подумав, ответил:

– О царь! Речь человеческая подобна узорному ковру, его узор хорошо виден во всей красе лишь тогда, когда он развернут. Если же ковер смят и скомкан, узоры эти будут искажены. Так же и речь искажается в устах переводчика. Дай мне срок, чтобы выучить персидский язык и чтобы я мог говорить с тобой, царь, без посредников.

– Сколько же времени тебе нужно для этого?

– Мне нужен год времени.

«А за год еще многое может перемениться, – думал Фемистокл. – Как знать? Может, я снова буду в Афинах... Лишь бы пережить это трудное время... Только вот согласится ли царь ждать моих услуг так долго?»

– Я согласен, – ответил царь, – но и я поставлю тебе условие. Ты будешь жить при моем дворе, я ни в чем не стану тебя ограничивать. Но, когда я соберусь в поход на Элладу, ты по первому же приказу встанешь во главе моих войск. Ты прекрасный стратег, Фемистокл, и ты хорошо знаешь страну, против которой я собираюсь воевать. Твоей рукой я отомщу эллинам за весь тот урон, что понесла моя держава в последней войне. Согласен ли ты на это условие?

Фемистокл побледнел. Так вот какова цена царской милости! Этого он не предвидел.

Царь пристально глядел на него. Он ждал ответа. Фемистокл видел, как зловеще сжался его рот, как напряженно заиграли желваки на его темных нарумяненных щеках...

У Фемистокла выбора не было. И он ответил:

– Да, царь. Я согласен.

Фемистокл остался в Персии. Он приглядывался к персидским обычаям и старательно изучал персидский язык. Он жил, ни в чем не нуждаясь, но в то же время чувствовал, что за ним, за каждым его шагом следят царские соглядатаи. Он все время должен был скрывать свою тоску по родине, семье. Изредка он получал вести из-за моря и сам посылал весточку жене. Может быть, их перевезти сюда? Но правильно ли это будет? Милость царя ненадежна, семья может погибнуть здесь вместе с ним. Да и вправе ли он лишиться сыновей их родины – Афин? Оставаясь в Эпире, они еще могли вернуть свое гражданство, но если они последуют за ним в Персию, возврата не будет. Не проклянут ли они тогда отца в тоске по Афинам? Не подвергнет ли он их той же болезни, от которой страдает сам, когда каждый раз при слове «Афины» его сердце сжимается от боли?

Бывший спартанский царь Демарат первым пришел навестить Фемистокла.

– Право, не стоит унывать, Фемистокл. Жить можно везде, и люди – везде люди. Только надо быть немножко покладистее. Вот уж сколько лет я живу у Ксеркса и вовсе не жалею о нашей черной спартанской похлебке!

У них было о чем поговорить и что вспомнить: пожаловаться на несправедливость спартанских эфоров, на лицемерие и жестокость молодого Кимона, который сейчас ведет

захватническую войну на островах, на засилье сикофантов в Афинах, которые часто вершат все дела, склоняя правителя своими доносами в ту или другую сторону, на жадность олигархов, захвативших плодородную землю и ввергающих в нищету ремесленников и поселян, – о бесправной жизни спартанских илотов под страшной властью Спарты...

– Значит, не напрасно, Фемистокл, обвинили тебя в союзе с Павсанием? Ты все-таки бежал в Персию.

– Я не собирался предавать Афины. И если я вредил Спарте, то лишь ради силы и славы Афин.

– Теперь тебе трудно будет доказать это.

– Да. Клевета на этот раз оказалась сильнее правды!

– Клевета всегда сильнее правды.

– О нет! – прервал его Фемистокл. – Если бы это было так, то как бы мы жили на свете? Нам с тобой выпало это несчастье, но я верю, что правда восторжествует. Может быть, и не скоро, но мы вернемся на родину.

– Ты, наверно, удивишься, Фемистокл, – вздохнул Демарат, – если я тебе скажу одну вещь. А может, и не поверишь. Но я все-таки скажу: несмотря на все обиды и несправедливость, постигшие меня, я все-таки больше всего на свете люблю Спарту!

– Я тебя понимаю, – вздохнув так же тяжело, ответил Фемистокл: он свои Афины тоже любил больше всего на свете.

Здесь же, при дворе персидского царя, Фемистокл встретил Тимокреонта, его уже давно изгнали из Афин, обвинив в приверженности персам.

Фемистокл увидел его за обедом у царя. Тимокреонт сидел среди дворцовой челяди и пожирал мясо. Ему подкладывали в миску, и он глотал кусок за куском, раздувая щеки. Царедворцы смеялись и кричали:

– Дайте ему! Дайте еще! Может быть, он все-таки лопнет!

Смеялся и царь, Тимокреонт служил у него шутком – царем обжор.

– Тьфу! – Фемистокл незаметно плюнул и выругался. – Если бы я знал, что встречу его здесь, так, клянусь Зевсом, не голосовал бы за его изгнание!

А Тимокреонт так и расплылся в ехидной улыбке.

– Вот и снова вижу я своего гостеприимца! Уж как-никак, а отблагодарю чем могу за все, что ты для меня сделал!

И очень скоро среди придворной челяди стали гулять его стихи:

Тимокреонт, стало быть, не один поклялся персу другом быть,

Но есть другие подлецы – не я один лишь только куцый,

Есть и другие такие лисицы...

Фемистокла больно ранило это издевательство, он готов был убить Тимокреонта. Но жизнь при царском дворе научила его скрывать свои чувства.

«Кто может унижить тебя, Фемистокл, – думал он, – больше, чем ты сам себя унижил...»

Время шло, Фемистокл уже мог объясняться с царем по-персидски. Ксерксу нравилось разговаривать с ним, афинянин поражал его своеобразным строем мышления, неожиданными мыслями, здравыми рассуждениями.

«Все-таки есть что-то особенное в людях Эллады, – думал Ксеркс, слушая Фемистокла, – то ли их особое воспитание, то ли одаренность какая-то. Ведь это тот самый человек сидит передо мной, который заставил меня не военной силой, но силой ума и предвидения уйти от Саламина! Это мой враг. Но каким сильным он был мне врагом – таким же сильным будет союзником. Лишь бы не изменил. Надо побольше милостей оказывать ему. Он хитер, но ведь и я не уступлю ему в хитрости!»

«Все-таки есть что-то особенное в людях Эллады»—думал Ксеркс, слушая Фемистокла.

Никто из иноземцев не был в такой чести при персидском дворе. Ксеркс допустил его в самые сокровенные покои своего дворца и представил его своей матери. Старая царица Атосса, властная дочь царя Кира, испытующе поглядела на Фемистокла бархатно-черными, все еще прекрасными глазами, и ему показалось, что она заглянула ему в самую душу.

– Я очень рада, что ты пришел ко мне, эллин. Мне твое имя давно известно. Мой отец царь Кир высоко оценил бы дружбу с тобой, но и мой сын Ксеркс эту дружбу тоже ценит. Наша семья понимает, что такое не только слыть героем, но и быть героем!

И, обратясь к своему сыну, засмеялась:

– А хорошо этот человек одурачил тебя при Саламине, а? Ох, как он тебя одурачил!

Ксеркс тоже смеялся, он любил свою умную, всемогущую мать, по своей воле давшую ему царство. Когда Фемистокл ушел, она сказала:

– Сын мой, надеюсь, ты сумеешь воспользоваться пребыванием этого человека у тебя?

Ксеркс самодовольно усмехнулся:

– Иначе я не был бы твоим сыном!

Началась странная, праздничная, пестрая жизнь. Царь едет на охоту со своей свитой, и Фемистокл едет с ним. Царь пирует – и Фемистокл рядом с ним. Если певцы или поэты приглашены во дворец развлечь царскую семью, среди царских родственников сидит и Фемистокл...

– Вы слышали? – шептались придворные. – Царь велел посвятить эллинскую змею в учение магов! Он все доверяет ему, не только свою семью, но и тайны богов!

– Ни один чужеземец не получал таких почестей при наших царях, даже Демарат, а ведь он царского рода!

Никто не знал, о чем так подолгу разговаривает царь с Фемистоклом. Даже хилиарху

Артабану было неизвестно это. А когда он, пользуясь правом оказавшего услугу, спрашивал у Фемистокла, о чем они разговаривают с царем, тот отвечал только одно:

– Мы обсуждаем предстоящий поход на Элладу.

Артабан понимал, что это лишь отговорка, но так и не смог ничего выпытать.

При дворе начали происходить перемены. Кого-то повышали в должности, кого-то, наоборот, понижали. Незаметный до сих пор человек вдруг получал награду и милостивое внимание царя, а другой, считавший себя незаменимым, терял царское внимание...

– Это все эллинская змея! – шептались придворные. – Это он наговаривает на нас царю!.. Он диктует царю свою волю!..

– Он околдовал царя! Необходимо для восстановления справедливости устранить его.

Что-то случилось и с Демаратом. Он начал пить неразбавленное вино. Тосковал. Может быть, завидовал Фемистоклу. Начал тихонько посмеиваться над царем, и Фемистоклу приходилось уговаривать его, чтобы опомнился.

Однажды в один из своих добрых дней Ксерксу захотелось одарить своих приближенных. Пусть каждый попросит у царя то, что пожелает.

– Я бы хотел взять к себе свою семью, о царь! – сказал Фемистокл. – Моя жена и мои дети живут в изгнании...

– Пусть приедут, – милостиво ответил царь. – А чтобы твоя семья не нуждалась, дарю тебе город Магнесию – на хлеб, дарю тебе город Лампсак – на вино, дарю тебе город Миунт – на приправу! Думаю, что ты не будешь лишен необходимого!

Фемистокл, ошеломленный такими дарами, едва нашел слова, чтобы высказать свою благодарность. Однако сердце его заняло от тяжелого предчувствия. Как видно, близится время расплаты.

– А что же дать тебе, Демарат? – спросил царь.

Спартанец был уже с утра пьян. Он иронически посмотрел на царя и сказал:

– Я хочу проехать по Сардам в твоей царской тиаре, царь.

Ксеркс закусил губу, но позволил надеть Демарату царскую тиару. Демарат, гордо подняв голову, поглядел вокруг веселыми, пьяными глазами. Родственник царя Мифропавст не выдержал. Он постучал пальцем по тиаре на голове Демарата.

– Ведь под этой тиарой нет мозга, – сказал он. – Зевсом ты все равно не будешь, хотя бы в руке у тебя была молния!

Фемистоклу было неловко за Демарата. Придворные смеялись над ним, над его растерянностью. А Демарат, не зная, что ему делать, тоже стоял и смеялся. Не ехать же в самом деле ему шутком по Сардам!

– Пусть он выйдет вон, – приказал царь, – и пусть никогда больше не показывается мне на глаза!

Царедворцы тотчас позвали слуг, и бывшего спартанского царя вывели из зала. Фемистокл с жалостью глядел, как его без всякого почтения толкали к двери и как наконец он вышел, склонив голову со сбившейся на ухо царской тиарой. Ксеркс проводил его гневными глазами.

– Этот человек забыл, что он находится во дворце великого царя, а не в лагере своей нищей Спарты!

Но Фемистокл не оставил Демарата в опале. Он немало потратил красноречия, пока убедил царя простить случайную глупость спартанца.

ПОСЛЕДНИЙ ПИР

Архонт Магнесии Фемистокл, сын Неокла приносил торжественные жертвы богине своего родного города Афине. Жители Магнесии с удивлением смотрели на это красивое эллинское празднество. Все было как в Афинах: и процессия девушек, и расшитое покрывало для богини, и жертвенный бык, увенчанный цветами и зеленью... И назывался этот праздник так же, как в Афинах: Панафинеи.

Фемистокл возвратился с праздника растроганный. Воспоминания, хранимые в душе, нынче ожили и воплотились в действительность: богиня Афина присутствовала на его празднике! Враги смогли изгнать Фемистокла из Эллады, но не смогут помешать ему возродить Элладу на чужой земле!

Город Магнесия стоял у горы Форакс, недалеко от извилистой реки Меандра. Это была мрачная земля, то изрытая подземными пещерами, где нередко сам собою возгорался огонь, то утопающая в болотах.

Но доходов с города, данного «на хлеб», вполне хватало. И Лампсак, полный виноградников, данный «на вино», щедро снабжал архонта и вином и плодами садов.

Уже прошло несколько лет, Фемистокл управлял своими городами, следил за воспитанием детей, часто выезжал на охоту, чтобы заполнить пустые дни.

Царь Ксеркс редко давал о себе знать Фемистоклу, ему было не до того – в царской семье шли какие-то тяжелые раздоры. К тому же в Бактрии часто вспыхивали восстания, много сил и забот уходило у Ксеркса на то, чтобы держать в подчинении эту непокорную страну. А недавно пришла весть о восстании в Египте, царю придется и туда посылать войска.

Эти неурядицы в делах царя Ксеркса радовали Фемистокла. Угроза вести войска на родную Элладу висела над ним неотступно, в любой день он мог получить этот приказ.

«Но, может, и не дойдет до войны с Элладой, – думал он, утешаясь этой надеждой. – Что ему там делать? Есть ведь у него более богатые земли. Может, он и забудет о своем условии, которое мне поставил... О Зевс и все боги, сделайте так, чтобы он об этом забыл!»

Архиппа и дети обжились в Магнесии. Особенно сыновья. Богатство, высокая должность отца – архонт! – что из того, что под верховной властью персов?.. Уважение жителей... Все, как раньше в Афинах. Юноши могли показываться здесь в лучшем обществе, что из того, если это общество – варвары? Они состязались в палестрах, участвовали в пирах. Один из сыновей, Клеофант, пристрастился к лошадям, а лошади у него были прекрасные, из царских стад... Но Архиппу мучила тайная тоска. Ей без конца снился ее старый афинский дом. То она брала покрывало и выходила на порог и стояла, прислушиваясь к шагам проходящих, ждала Фемистокла а, ждала... и просыпалась, не дождавшись. То она выходила утром, и перед глазами вставал озаренный солнцем Акрополь... То она шла со служанкой на рыночную площадь и ходила там среди торговых рядов... Проснувшись, она видела стены чужого дома – этот дом так и оставался для нее чужим. И, уткнувшись лицом в подушку, она

старалась снова уснуть, чтобы вернуться туда, в тесноту родных афинских улиц, где прошла жизнь.

«Неужели Фемистокл забыл Афины? Неужели смирился со своей и с нашей судьбой?»

Но сегодня, после Панафиной, устроенных им в чужом городе, Архиппа поняла, что и Фемистокл не может забыть родину. Вернувшись с праздника, он вошел к ней, в ее маленький зал, с улыбкой победителя;

– Вот и у нас Панафиной, Архиппа!

Архиппа пристально поглядела на него и вздохнула. Его улыбка сразу пропала.

– Да, ты права. – Он сел и понурил голову. – Панафиной в Магнесии... Все не то. Не то. Но как смириться? Как забыть, Архиппа?

Архиппа молчала. Она могла бы напомнить о его безрассудствах – и о храме Аристобулы, построенном возле их дома, и о его безмерном тщеславии, когда он выводил из терпения афинян, напоминая о своих заслугах... Ведь говорили ему, и она, Архиппа, говорила, и друзья его говорили – несчастный Эпикрат! – «помни о своих заслугах, но не напоминай о них другим!» Вот и кончилось тем, что они живут теперь на чужбине, изгнанники, лишенные родины... Фемистокл устраивает праздники родных богов – Панафиной. А ведь праздники-то не получаются! Кто веселится на этих праздниках, кроме горстки эллинов, живущих здесь?

Но зачем теперь говорить об этом?

– Когда-нибудь мы снова будем праздновать Панафиной в Афинах, – сказала она ласково. – Или ты не веришь в это?

– Не знаю, – не поднимая головы, ответил Фемистокл, – не знаю. Но пока у власти стоит Аристид и пока Кимон командует войском, мне в Афины дорога закрыта. Мне закрыта дорога на родину! Мне, Фемистоклу! А?

Архиппа молчала.

– Ну что ж, – горько усмехнувшись, продолжал Фемистокл, – теперь там в услугах Фемистокла уже никто не нуждается. Ты ведь слышала, как счастливо воюет Кимон? Захватывает новые земли, покоряет острова один за другим. Что – мы? Мы только защищались, а Кимон нападает и завоевывает. Фемистокл Афинам больше не нужен!

Архиппа положила на его плечо свою белую теплую руку.

– Не отчаивайся, Фемистокл. И не теряй надежды – без надежды человеку жить нельзя!

Никогда еще семья Фемистокла не жила так богато. Никогда Архиппа не накрывала так пышно обеденного стола. Но вот сегодня Фемистокл сел за стол, посмотрел на детей, сидящих вокруг, и сказал со вздохом:

– Ах, дети, мы все погибли бы... если бы не погибли.

Дети не задумались над его словами, они вовсе не чувствовали себя погибшими. Они даже и не поняли смысла его слов. Но Архиппа еле удержалась от слез, она-то поняла. В Элладе они погибли бы, их убили бы, как Эпикрата, но, оставшись в живых, они все равно погибли, потому что потеряли родину...

Тихо текло время в доме Фемистокла. Острота горестей с годами притупилась, оскорбленные чувства затихли. Прошлое незаметно отходило в страну воспоминаний.

Стояло погожее утро. На горизонте горела чистая, ясная заря. Во дворе Фемистокла шла веселая суета – Фемистокл и его сыновья собирались на охоту.

– Как подумаешь, сколько волнений у Ксеркса, – сказал Фемистокл, опоясывая кафтан, – стоит ли этого царская власть? Не лучше ли живется мне, у которого почти никакой власти?..

– Да. Если бы и над тобой, господин, не было никакой власти... – проворчал Сикинн, подводя ему коня.

– А кому нужно проявлять надо мной власть? – усмехнулся Фемистокл. – Обо мне все забыли!

В это время у ворот остановился всадник, резко осадив коня.

– Царский гонец! – сказал Сикинн, спеша к воротам.

– Царский гонец... – упавшим голосом повторил Фемистокл. – Зачем?.. Неужели...

Гонец быстрым шагом подошел к Фемистоклу и вручил ему письмо царя. Это был приказ немедленно явиться в Сарды.

– Так, – Фемистокл тупо смотрел в короткие строки, – немедленно в Сарды. Немедленно. Что там случилось? Ну что ж, едем, Сикинн. Тем более, что кони наши уже готовы!

Фемистокл с трудом узнал царя: так он постарел, помрачнел, осунулся. Смуглое лицо его еще больше потемнело, под глазами залегла желтизна. Он сурово, без улыбки смотрел на Фемистокла:

– Садись. Видишь, я тут как в плену, донесения со всех сторон. Вон сколько свитков. Не успеешь решить одно, является другое... Но – к делу. Ты, конечно, знаешь, Фемистокл, как бесчинствуют на море твои афиняне. Эллинские триеры нападают на Кипр... Доходят до Киликии. Афиняне пробрались и в Египет, поднимают там восстание. Мне это надоело. Я устал.

– Я все это знаю, царь.

Ксерксу показалось, что Фемистокл слишком спокоен. Это безразличие к царским заботам раздражало его.

– Ты все знаешь? Тем лучше. И я объявляю тебе, что решил идти в поход на Элладу.

«Вот оно! – подумал Фемистокл. – Дошло до расплаты».

– Помнишь ли ты мое условие, Фемистокл? И готов ли ты выполнить это условие?

– Помню, царь. И слово свое сдержу.

Ксеркс внимательно посмотрел на него:

– Ты обещал вести мое войско на войну с эллинами. А теперь я вижу, что ты побелел, как твой хитон, и губы у тебя дрожат. Или ты стал трусом?

– Нет, царь, я не стал трусом. Я только жду твоих приказаний.

– Так вот, приказываю тебе, Фемистокл: поезжай на побережье, собирай войска. Ты поведешь их на Элладу.

– Я выполню твой приказ, царь!

Фемистокл земно поклонился – это уже не слишком тяготило его – и отправился выполнять приказание царя.

Небольшой отряд следовал за ним по царской дороге, ведущей к морю. Фемистокл ехал на побережье, чтобы проверить, как подготовлена переправа через Геллеспонт и обеспечено ли продовольствие войску, которое уже собиралось по азиатским городам...

В полдень Фемистокл со своим отрядом остановился на отдых. Палила жара, и лошади и люди устали.

Палатка защищала от небесного пекла, но земля дышала жаром, остро и терпко пахло полынью. Повевало чем-то полузабытым – лагерной жизнью, военными походами... Что ж, теперь он собирался в поход. В поход на Афины!

«О Зевс и все боги, дайте мне силы вынести это испытание! Неужели я должен поднять меч на землю моих отцов?!»

Фемистокл уснул с тяжестью на сердце. И как только он закрыл глаза, в палатку вошла богиня фригийцев Кибела Диндимена, мать богов, живущая на фригийской горе Диндими. Она держала в руке ветку, на голове у нее сверкала диадема с изображением крепостных башен. Кибела наклонилась к Фемистоклу и сказала:

«О Фемистокл, избегай львиной головы, дабы не наткнуться тебе на льва».

Фемистокл очнулся в страхе. Глаза его были закрыты, но он видел богиню, она только что была здесь!

– «Избегай львиной головы...» – повторил он слова Кибелы, которые еще звучали в его ушах. – Львиной головы. Что же это может означать?

И вдруг понял. Львиная голова – Леонтокефалы.[41] Это крепость и селение в Верхней Фригии, через которые он должен проезжать! Еще вчера кто-то в его отряде сказал, что в Леонтокефалах небезопасно... А тут еще видение...

Когда жара спала, отряд снова тронулся в путь. Не доезжая до Леонтокефал, Фемистокл свернул в сторону и, сделав круг, поехал по другой дороге – он верил в пророчество снов. Ехать пришлось по крутому берегу реки. Один из вьючных мулов поскользнулся и упал в воду. Мула вытащили. Но палатка Фемистокла, которой он был навьючен, сильно промокла. Было уже темно, и Фемистокл, опасаясь, как бы не случилось еще какой беды, остановил свой отряд на ночевку. Он лег спать в одной из палаток воинов, сопровождавших его. А полотнища его большой палатки развесили, чтобы просушить.

К ночи небо заволкло облаками, луна еле светила сквозь их дымку. Понизу дул ветер, поднимая тонкую песчаную пыль. Фемистокл уснул. Стража, спасаясь от пыли, приютилась за сырыми полотнищами развешенной палатки...

Сквозь легкий шум ветра воины уловили чьи-то крадущиеся шаги. Они насторожились и взяли за оружие. Невидимая рука подняла полотнища палатки, тусклая полоска обнаженного меча возникла из темноты...

Стража набросилась на пришельцев. Те не ожидали нападения и вскоре валялись на земле со связанными руками. Весь лагерь уже был на ногах. Фемистокл подошел к пленникам:

– Кто вы?

– Писидийцы.

– Разбойники, значит. Кого вы хотели убить?

– Если ты Фемистокл, то тебя.

– Кому понадобилось золото за мою голову? Кто вас нанял?

– Эпиксий, сатрап Верхней Фригии. Мы тебя уже давно ждали в Леонтокефалах.

– Моя стража и там схватила бы вас.

– Нет, Фемистокл, не схватила бы. Там нам помог бы Эпиксий. Ему обещали прислать из Афин хорошую награду.

– Да, это правда, – вздохнул Фемистокл, – но божеству это было неуютно. Развяжите их, пусть уйдут, они лишь оружие в руках убийцы.

Уладив все необходимые дела на побережье, Фемистокл вернулся в Магнесию. На побережье он узнал, что Кимон захватывает Кипр и что эллины сумели поднять в Египте восстание против персов...

«Они действуют правильно, – думал Фемистокл, – эти восстания ослабляют и расшатывают власть персидских царей. У афинян сейчас много хороших военачальников – молодой Перикл, Миронид, Толмид... Однако нет у них Фемистокла!»

Фемистоклу было трудно жить, трудно дышать. Приближался день, когда он должен был выступить в поход и двинуть персидские полчища на Элладу.

И этот день настал – время остановить невозможно. Войска уже стоят под Магнесией и ждут своего полководца.

Архиппа ходила как мертвая, силы покидали ее. Снова Фемистокл уходит на войну. Но... о Гера и все боги, – на войну с Афинами!

И сыновья уходят, сильные, молодые, ее сыновья. Они идут убивать афинян, разорять эллинскую землю... Как пережить это?

А у Фемистокла веселое лицо – неужели и вправду ему весело? Уже седой, уже без блеска в глазах, но все еще статный, все еще воин и полководец, он громким голосом приветствует гостей, которых собрал сегодня на пир. Но взгляда Архиппы он избегает, не может вынести ее горьких глаз... Он знает ее мысли:

«Как можешь ты нести гибель родным Афинам? Как можешь ты разрушать то, что создавал сам? Ты строил Пирей – и ты его разрушишь? Ты строил афинские стены – и ты будешь их разваливать? Ты добывал права для афинских бедняков, а теперь ты будешь убивать тех, кого защищал? Сможешь ли ты это, Фемистокл? Поднимется ли у тебя рука?»

На последний пир перед походом к Фемистоклу собрались все его друзья-персы и друзья-эллины, которые нашлись здесь, и все, кто старался казаться друзьями этого облеченного властью и взысканного царской милостью человека.

Перед тем как сесть за стол, Фемистокл принес жертву, заколол быка. Сладкий дым – богам, жареное мясо – людям. Стол был накрыт обильно и роскошно.

Фемистокл взял в руки свою чашу, полную вина.

– Друзья мои, – сказал он, – и дети мои! Я должен проститься с вами. Но не в тот день и не в тот час, который назначен мне богами, а в тот, который назначил я себе сам.

Все сразу затихли, не понимая, что хочет сказать Фемистокл, встревожились, насторожились...

– Простите, друзья мои и дети мои, – продолжал Фемистокл, поднося к губам чашу, – но в поход на Элладу я не пойду с вами. Прощайте.

И выпил вино.

Рука, державшая чашу, упала. Фемистокл был мертв. Эллины умели добывать из растений сильные яды, которые действовали так, как задумано. Иные убивали человека в течение года, иные – в течение месяца или дней.

Этот же яд, что был в чаше Фемистокла, убивал мгновенно.

А. С. Шофман.

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

В жизни каждого народа бывают события, от исхода которых зависит его дальнейшее существование и развитие. Таким важным событием для древних греков были греко-персидские войны, в которых они, борясь с сильным противником, отстаивали и отстаивали свободу и независимость своей родины.

Греко-персидские войны были для того времени войнами мировыми. Тогда не было ни одного государства, которое так или иначе не было бы затронуто военными действиями. Это было время небывалого военного противоборства Запада и Востока, столкновения двух характерных типов войн: освободительного и захватнического. Такой исторический материал имеет не только большое познавательное, но и воспитательное значение.

Новая книга Л. Ф. Воронковой «Герой Саламина» посвящена самому важному и решающему периоду греко-персидских войн, когда, в сущности, решался вопрос, быть ли Греции свободной или пасть в порабощении.

С первой страницы повести раскрывается сложная обстановка в Афинах перед персидским нашествием, стремление более дальновидных афинских руководителей преодолеть вражду между отдельными греческими государствами, особенно между Афинами и Спартой, чтобы сплотиться на борьбу с врагом.

Ярко представлены многие действующие лица борющихся сторон — греков и персов. Среди афинян — знаменитый Фемистокл, вождь афинских демократов, и его верный друг Эпикрат, а также их политические противники Аристид и Кимон. Среди спартанцев — не искушенный в морских битвах, нерешительный, легко идущий на подкуп полководец Еврибиад, и военачальник союзных греческих войск при Платеях Павсаний, который после победы возомнил себя героем, изменил самой Спарте, был предан спартанцами суду и погиб мучительной смертью.

Так же удачно в книге показана персидская сторона — огромная, пестрая, разноплеменная армия и ее полководцы, надменный и самоуверенный царь Ксеркс, его переход через проливы, бесчинства в греческих городах и его позорное бегство в Азию.

Удались автору и описания хода основных сражений, радость побед и горечь поражений.

Свою повесть Л. Ф. Воронкова ограничила во времени. В ней нет ни начала греко-персидских войн, ни их конца. Поэтому имеет смысл напомнить читателю, почему начались эти войны, какие этапы они прошли и чем они закончились.

Зачинщиком этих войн было персидское государство, которое к концу VI века до н. э. достигло своего наивысшего расцвета, стало самым большим и сильным среди других государств Древнего Востока.

В состав персидского царства вошли Вавилония, Египет, малоазиатские области, значительная часть Закавказья и Средней Азии. Каждый военный поход приносил персам богатую добычу и рабов. Завоеванные народы платили тяжелую дань, строили и чинили дороги, поставляли солдат в армию. Свою власть персидские цари поддерживали жестоким военным насилием. Страна была разделена на 20 сатрапий, или областей. Во главе этих сатрапий стояли царские наместники — сатрапы. За ними, в свою очередь, следили тайные агенты царя, которые назывались его глазами и ушами. Они доносили царю обо всем, что творилось в сатрапиях. В распоряжении сатрапа находились войска. Они состояли из отрядов персидских воинов и солдат, набранных из подвластного населения.

Сатрапии были связаны между собой хорошими дорогами. По этим дорогам мчались чиновники с царскими посланиями, шли торговые караваны, перевозилась почта, передвигались войска.

Многие народы, покоренные персами, стремились сбросить ненавистный персидский гнет. Греческие города Малой Азии подняли против персов восстание. Но после того как оно было жестоко подавлено, персы стали готовиться к войне с Грецией, чтобы укрепиться в районе Эгейского моря.

Поводом для начала войны была помощь города Афин восставшим малоазиатским грекам. Персидский царь Дарий разослал по греческим городам своих послов, которые потребовали от греков «земли и воды», то есть покорности. Многие греческие города, боясь персов, удовлетворили их требование. В Афинах и в Спарте персидских послов убили. В Спарте их бросили в колодезь со словами: «Там вы найдете себе землю и воду». А в Афинах столкнули в пропасть со скалы.

В 490 году до н. э. персидские войска переправились через Эгейское море и высадились на Марафонской равнине, в сорока километрах от Афин. Они вытащили часть своих кораблей на сушу, часть оставили под прикрытием скал.

Быстро пришло к Марафону афинское войско и небольшой отряд беотийского города Платеи. Спартанцы пришли с большим опозданием, когда сражение было закончено. Всего греческих воинов насчитывалось 11 тысяч. Персов же было примерно в десять раз больше.

Греческой армией руководил храбрый и умный полководец Мильтиад. Перед битвой он так построил своих воинов: в центре были поставлены слабые части, а по краям сильные. Когда началась битва, персы легко опрокинули центр, но зато более сильные части флангов греческой армии напали на противника с двух сторон и обратили его в бегство. Греки гнали врага к морю, не давая ему подойти к кораблям. Лишь небольшая часть персидского войска успела сесть на корабли и покинуть греческие берега.

В Марафонском бою погибло 6400 персов и 193 греческих воина. Своих павших за родину героев греки похоронили с почестями. Они праздновали победу. С радостной вестью был послан в Афины гонец, лучший бегун греческого войска Филиппит. До этого афиняне послали его в Спарту за подмогой. Вернувшись, он участвовал в битве и был ранен. После целого дня тяжелого рукопашного боя, не снимая вооружения, окровавленный и весь в пыли, он бежал из

Марафона в Афины сообщить радостную весть. За сутки Филиппит пробежал более 200 километров. Силы этого юноши были уже на исходе. Прибежав в город, он успел крикнуть гражданам: «Радуйтесь, афиняне, мы победили!» — и тут же упал мертвым от разрыва сердца.

Марафонская битва имела для греков большое значение.

Греки увидели, что не так уж страшны персы, когда против них выступают мужественные люди, отстаивающие независимость своей родины. Греки получили уверенность в своей дальнейшей победе над врагом. Но до полной победы было еще далеко.

Даже после марафонского сражения Дарий не отказался от намерения покорить Грецию. Он готовился к новому походу, но умер. В персидском государстве начались смуты. В ряде сатрапий местное население поднялось на борьбу против персидского гнета. Крупное восстание началось в Египте. Оно было подавлено с большим трудом. На усмирении местного населения, на укрепление своей власти новому персидскому царю Ксерксу понадобилось около десяти лет. Это время греки рютользовали для организации обороны и подготовки к войне.

Именно в это время на историческую арену выдвигается Фемистокл, выдающийся представитель греческой демократии, который сыграл исключительную роль в победе греков над персами. Он был умным, деятельным, решительным сторонником морской программы. По свидетельству историка Фукидида, он «лучше всех угадывал события самого отдаленного будущего».

Л. Ф. Воронкова вокруг этой личности и группирует основные события. Мы видим здесь человека умного и расчетливого, самоотверженного и тщеславного, нежного отца и верного друга.

Писательница с большим умением раскрывает ту среду, в которой пришлось действовать Фемистоклу. Она показывает его кипучую энергию в борьбе со своими противниками в Греции и особенно во время военных действий. Весьма удачно раскрыты его выдающиеся военные и дипломатические способности. Читатель с интересом прочтет те страницы, которые показывают титанический труд Фемистокла по созданию афинского морского могущества, по руководству эвакуацией афинского населения на Саламин, по организации греческой победы в узком Саламинском проливе.

О том, что персы не оставят греков в покое и борьба будет продолжаться, знали все греки. Но как правильно вести эту борьбу, знали далеко не все. Одни говорили, что надо организовывать оборону на суше, а поэтому важно усилить сухопутную армию. Они полагали, что главное — это обо-рона земли, оборона территории. За это стояли богатые афинские рабовладельцы, землевладельцы, значительная часть аттического крестьянства, которые не хотели, чтобы персидские кони топтали их поля. Особенно стоял за такой способ ведения войны общественный деятель Аристид. Он выдвинул программу сухопутной обороны. Но этот план был недалновидный и опасный. Аристид не учел того обстоятельства, что греки не имели своего собственного хлеба. Греческие крестьяне возделывали хлеб, которого хватало только на несколько месяцев в году. Греция жила за счет привозного хлеба, за счет торговли с колониями, особенно с колониями северного Причерноморья, откуда они в первую очередь получали зерно. В силу этих обстоятельств персам не надо было идти в Грецию — они могли без особого труда закрыть проливы своим большим флотом и тем самым отрезать греков от основных источников хлеба. В этом случае греки были бы обречены на голодную смерть. Поэтому более дальновидный деятель Фемистокл стоял за морской план ведения войны, требовал центр тяжести военных действий перенести на море.

Вокруг этого важного вопроса шла большая политическая борьба. Фемистокл и Аристид были

представителями двух различных общественных группировок: первый опирался на демократические слои населения, второй — на аристократию. Они стояли на противоположных позициях по вопросу о том, как и какими средствами вести войну с персами.

В ходе борьбы Фемистоклу удалось добиться изгнания Аристида из Афин. Во время его отсутствия он построил новый сильный флот, укрепил Пирейскую гавань, превратил ее в большой торговый военный порт. Греки были готовы дать решительный отпор врагу.

Новый царь Персии Ксеркс не только решил выполнить план своего отца по отношению к Греции, но даже задумал покорить всю Европу. Четыре года Ксеркс собирал армию из всех областей своего государства. По дорогам, где должны были идти персидские войска, были заготовлены склады с продовольствием.

В 480 году до н. э. огромная армия персов двинулась в поход. Кроме огромной армии, к берегам Греции шел большой персидский флот. Такого войска греки на своей земле никогда не видели. Над Грецией нависла смертельная опасность. Греки послали отряд своих воинов к Фермопильскому проходу. Отрядом этим командовал энергичный и бесстрашный спартанский полководец Леонид. Его мужественная борьба с превосходящими силами противника и героическая смерть ярко показаны в повести.

После того как персы прошли через Фермопилы, Средняя Греция была для них открыта. Уничтожая все на своем пути, они вступили в пределы Аттики.

Армия персов опустошила Аттику, сожгла Афины и разрушила Акрополь. Вскоре в Саламикский пролив, где стояли греческие корабли, вошел персидский флот. Обе стороны готовились к решительной битве. Ранним утром большое количество персидских кораблей начало атаковать греческий флот, которым командовал смелый и умный Фемистокл.

Фемистоклу удалось расстроить боевую линию персидских кораблей. Он сумел заманить тяжелые корабли персидского флота в самое узкое место пролива, где персам было трудно сражаться.

Битва закончилась полной победой греков. Ксеркс с остатками своего флота поспешил в Азию.

Весною 479 года до н. э. здесь произошла большая битва при Платеях, которая закончилась победой греков.

Почти одновременно с битвой при Платеях греческий флот одержал блестящую победу над персидским у мыса Микале. У малоазиатского берега флот персов был полностью уничтожен. В результате этих побед оказалась свободной не только сама Греция, но и греки Малой Азии сбросили с себя персидское иго. Попытка персидских захватчиков завоевать Грецию потерпела полный крах.

Греки победили персов потому, что они вели справедливую, освободительную войну. Они защищали свою родину, свою свободу, сражались храбро и мужественно. Персы же вели захватническую войну, которая нужна была только богатым. Простые персидские воины воевали по принуждению. Ксеркс, перебив защитников Фермопил, вынужден был признаться в том, что «людей у него было хотя много, но мужей с твердой дисциплиной — ни одного».

Военный строй греков и их военное искусство были выше персидского. Греки сражались сомкнутым строем, персы — врассыпную. Греческие командиры лучше знали местность и заставляли персов принять сражение там, где это было выгоднее грекам.

В этой освободительной войне Фемистоклу бесспорно принадлежит выдающаяся роль.

С особым интересом читатель прочтет о том, как звезда этого выдающегося государственного деятеля Афин стала меркнуть после победы над персами. Он подвергся остракизму, был удален из Афин и вынужден скитаться. С блеском написана самая трагическая страница его жизни, когда он, решительный противник персидского царя, должен был у него искать убежище от неблагодарных соотечественников.

Персидский царь хорошо принял Фемистокла с единственной целью: чтобы его рукой отомстить грекам за поражение, а главное за то, что они продолжали нападать на персидские владения. И когда Ксеркс приказывает Фемистоклу собирать войска и вести их на Элладу, Фемистокл предпочитает умереть насильственной смертью, чем подняться против своей родины. Эти страницы в повести написаны с большой эмоциональной силой. Л. Ф. Воронкова весьма убедительно показывает, чем отличается Фемистокл от другого греческого полководца, Павсания, который хотел с помощью персов поработить Грецию. Фемистокл решительно отверг его предложение о заключении с ним союза для выполнения этого плана. Павсаний погиб как изменник, Фемистокл умер как патриот.

Для того чтобы правильно понять причину падения и изгнания Фемистокла, почему герой Саламина, спаситель Греции был изгнан и покончил со своей жизнью, нужно иметь в виду новую расстановку общественных сил в греческих государствах, особенно в Афинах и Спарте, после основных сражений в войне, приведших к поражению персов.

Фемистокл участвовал в войне на том первоначальном этапе, когда она носила характер справедливой, освободительной войны. Именно в это время могли быть проявлены и действительно проявились такие качества греков, как героизм, самопожертвование. Подвиг Леонида у Фермопил — яркое этому доказательство. Однако на заключительной стадии греко-персидских войн, после отражения нашествия Ксеркса и освобождения от персидской зависимости мало-азийских греческих городов, сами греческие рабовладельцы стали на путь завоеваний, захвата добычи и рабов.

На втором этапе войны активизируют свои действия Аристид и Кимон, сын Мильтиада, командующего греческим войском против персов при Марафоне. Оба они были аристократами, горячими сторонниками Спарты и спартанских учреждений. По мере того как война принимала и со стороны греков захватнический характер, брали верх в Афинах аристократы, усиливалось влияние Спарты. В этих условиях авторитет Фемистокла падал, авторитет Аристида и его молодого друга Кимона возвышался. В то время как Фемистокл защищал Грецию от ее врагов, Кимон завоевывал чужие богатства. С помощью Аристида и Спарты он стал занимать государственные должности. Считая, подобно спартанцам, войну своей стихией, он ведет активные военные действия где только возможно и выгодно.

В ходе войны в районе Эгейского моря под главенством Афин образовалась федерация греческих государств, известная под названием первого Афинского морского союза. Первоначально он сложился как чисто военный союз, затем превратился в федерацию государств и, наконец, фактически переродился в афинскую морскую державу. Характерно, что организация этого союза была поручена противнику Фемистокла Аристиду, что другой его противник, Кимон, поддерживаемый Спартой, стал на путь завоеваний. О том, что борьба была исключительно ожесточенной, ее накал весьма высоким, свидетельствует тот факт, что даже новая расстановка сил и изменившаяся ситуация не смогли сломить непокорный дух Фемистокла. Первый Афинский морской союз был основан в 478 году до н. э. После этого начались завоевания Кимона, а Фемистокл был изгнан лишь спустя семь лет после образования союза. Так трудно было противникам справиться с Фемистоклом.

После изгнания Фемистокла власть в Афинах всецело переходит к аристократам, во главе которых стоял Кимон. Он продолжает войну с Персией, осаждают главное укрепление персов во Фракии Эйон в устье реки Стримона, захватывает Фракийские серебряные рудники, вывозит из Фракии огромное количество богатств, прежде всего рабов. После этого

продолжает вести захватническую войну на островах, откуда также привозит большие сокровища. Во время одной морской битвы он захватил 20 тысяч пленных, которых превратил в рабов.

Эти действия Кимона испугали даже самих спартанцев, которые раньше отдавали ему предпочтение перед другими. Афинские демократы воспользовались этим обстоятельством, стали более активно бороться с аристократами и их руководителем Кимоном. Борьба эта кончилась тем, что в 461 году до н. э. он был изгнан остракизмом, и в Афинах вновь утвердилась демократия. Вместе с этим была подорвана роль Спарты в Греции. На первое место стало выдвигаться афинское государство.

Война с персами продолжалась еще более десяти лет. Она закончилась лишь в 449 году до и. э., после победы греков на острове Кипр. Персия вынуждена была заключить с греками мирный договор, по которому она должна была отказаться от попыток завоевать Грецию и признать независимость малоазийских греческих народов.

Л. Ф. Воронкова, строя сюжет книги, ничего не придумывает, она черпает факты у античных авторов: Геродота, Фукидида, Плутарха. Но оценивает эти исторические события с точки зрения советской историографии. Поэтому ее работа отличается исторической достоверностью.

Много интересного читатель узнает о природе Греции, Эпира, Азии, о греческой мифологии, о жертвоприношениях, которые греки совершали перед сражениями, об изречениях и «чудесах», которые объявляли подкупленные персами оракулы и жрецы, об Олимпийских и Истмийских 3 играх, о греческом судопроизводстве и о многих других сторонах жизни древних народов. Кроме того, повесть украшает фольклорный материал, сведения об обычаях и нравах Греции и Востока.

Историческая повесть Л. Ф. Воронковой «Герой Саламина» — яркий и вдохновенный рассказ о том, как небольшой греческий народ, борясь за свою свободу и независимость, сумел победить огромные полчища сильных и коварных врагов, стремившихся к захвату чужих земель и богатств.

Эта книга с интересом будет прочитана не только детьми, но и взрослыми, всеми теми, для которых не безразлична важная и извечная тема освободительной борьбы народов против иноземных захватчиков.

Доктор исторических наук профессор А. С. Ш о ф м а н

Примечания

Архонт-эпоним – афинский правитель, который избирался на один год.

2

Эгина – остров в Сароническом заливе.

3

Триера – военное судно с тремя рядами весел.

4

Драхма – 3,41 грамма серебра.

5

Пникс – холм возле Акрополя, на котором происходили народные собрания.

6

Битва с персами на Марафонской равнине произошла в сентябре 490 года до н. э.

7

Пританы – лица, назначенные в течение месяца ведать текущими делами государства.
Пританея – обширное здание в Афинах, где ежедневно собирались пританы.

8

Гора Акте – ныне Афон.

9

Геродот, книга седьмая.

10

Тритогенея – одно из имен богини Афины, место рождения которой, по преданию, было на реке Тритоне.

11

Геродот, книга седьмая.

12

Сикелия – ныне Сицилия.

13

Тиран – человек, насильственно захвативший власть и правящий по своему произволу.

14

Агамемнон – один из героев «Илиады» Гомера, верховный предводитель греков в войне с Троей.

15

Стадий – 177,6 метра.

16

Пентеконтера – пятидесятивесельное судно.

17

Акинак – кривой персидский кинжал.

18

Город Ферма – ныне Салоники.

19

Со щитом – с победой. На щите – убитый. Живой, но лишенный щита – побежденный, опозоренный.

20

Хитры – горшки.

21

Боедромион – сентябрь.

22

Геродот, книга седьмая.

23

Гиппические состязания – конные состязания.

24

Геродот, книга седьмая.

25

Сова – птица богини Афины.

26

Остров Бельбина в Сараническом заливе.

27

Обол – 0,57 грамма серебра.

28

Платеи – город в Беотии.

29

Проксен – гостеприимец, связанный с человеком из другого государства узами гостеприимства; обязан принимать его у себя и защищать его интересы.

30

Пилагоры – делегаты на совещании амфиктионов. Амфиктиония – союз греческих городов-государств.

31

Аррей – бог войны.

32

Лето – мать Аполлона и Артемиды, ненавидящая ложь.

33

Из «Фемистокла» Плутарха.

34

Ликург – в греческой мифологии законодатель Спарты.

35

Сикофанты – доносчики.

36

Маргит – глупец, недоумок.

37

Евергет – благодетель, защитник.

38

Ристалище – площадь, где происходят состязания.

39

Хилиарх – начальник тысячи воинов.

40

Тиара – головной убор.

41

Леон – лев, кефалэ – голова.